

18+

Виктор Емский

Шмордонские тайны

Роман

Виктор Емский

Шмордонские тайны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28262840

SelfPub; 2021

Аннотация

Продолжение книг "Шмордонские войны" и "Шмордонские игры". Герои прежние, истории новые. В этой книге даны ответы на вопросы, возникшие в двух предыдущих. Градус веселья не падает, а растет в противоположную сторону с космической скоростью.

Виктор Емский

Шмордонские тайны

ПРОЛОГ

Звезды не сияли, потому что их не было видно. Казалось, будто звезд вообще не существует. А свет откуда? Отовсюду...

Серые облака клубились вокруг трех стреловидных звездолетов, застывших в пространстве на одной линии, и вокруг не было больше ничего, кроме маленького джабля джаппурской постройки, зависшего рядом с последним кораблем.

Свет был тусклым и неживым. Он пробивался сквозь узенькие проходы среди темной материи и освещал звездолеты небольшими резаными сегментами, отчего казалось, будто три застывших корабля покрашены в черно-белую пограничную полосу.

Во всех трех звездолетах хозяйничали маленькие люди. По одному на каждый.

В третьем корабле распоряжался Пец. Он был не выше ста сорока сантиметров от пола, и хотя тело его скрывал скафандр, по стремительной и правильной походке маленького человека можно было заключить, что его низкий рост не связан ни с какой болезнью, а является просто физиологической

данностью. Шлем, болтавшийся на спине Пеца, подтверждал это предположение полностью, так как голова, торчавшая из скафандра, была самой обычной человеческой головой, соразмерной с телом.

Пец, быстро идя по одному из коридоров корабля, бубнил себе под нос:

– Так, не забыть проверить вакцину...

Он зашел в капитанскую рубку, пощелкал какими-то тумблерами на приборной доске, и, нажав у себя на шее клавишу ларингофона, произнес:

– Я Пец. Нахожусь в рубке. Указания?!

– Проверил вакцину? – прозвучал где-то сзади (в шлеме) вопрос.

– Нет еще, – ответил Пец. – На выходе проверю.

– Ну и дурак, – констатировал шлем. – Пока будешь проверять, корабль стартанет, и отправишься ты в Шмордон! Там как раз шутов при дворе не хватает...

– Не надо ля-ля! – воскликнул Пец. – Я все успею!

– Ну-ну! – отозвался шлем. – Через десять минут старт. Включай таймер!

– Включил, – доложил Пец, щелкая нужным тумблером на панели управления звездолетом. – Все, двигатели запущены. Через девять минут тронется...

– Давай быстрее! – подстегнул его шлем. – Твои товарищи уже погрузились в боты и отправились к джаблю.

– Понял, направляюсь, – ответил Пец и, выскочив из руб-

ки, побежал по коридору.

Он на ходу надел шлем на голову, защелкнул его крепления, и, забежав в медицинский блок, проверил вакцину.

Она лежала на стальном столике, упакованная в два разных блока.

На первом была наклейка со следующей надписью по-шмордонски:

«Для пробуждения команды необходимо использовать вакцину внутривенно. Количество доз – 300 штук».

В большой коробке, стоявшей на столе, находилось именно триста одноразовых шприцов, наполненных необходимой жидкостью.

Малая коробка имела надпись совсем другого характера.

«Для военных. Если вы промазали мимо вены – воспользуйтесь резервными шприцами».

Малая коробка хранила половину шприцов от количества первой, из чего следовал простой логический вывод: шмордонские военные врачи не могут промазать все триста раз.

Пец, решив, что все в порядке, побежал к шлюзовой камере. Но по пути (на всякий случай) заглянул в один из кубриков, где расположились шмордонские солдаты.

Они лежали в своих многоярусных койках и тихо сопли во сне. К каждой кроватной секции был прикреплен пластиковый баллон с жидкостью, от которого расходились прозрачные резиновые трубки, питавшие глюкозой шмордонских воинов, прибывших покорять неизвестный мир.

Убедившись в том, что солдаты чувствуют себя нормально, Пец понесся дальше по коридору, и все-таки завернул в элитные апартаменты, где на двуспальной кровати покоился банкир Крокозябл.

Сообразив, что у банкира все в порядке и личная банка с глюкозой функционирует правильно, Пец продолжил путь в сторону шлюзового ангара. Запрыгнув в спасательный бот, он нажал нужную кнопку, и вынесся на нем в космос. Направив спасательное средство в сторону джабля, Пец доложил:

– Все. Я уже рядом.

– Молодец, – ответили ему. – Вы, пуцлики, как орлы. Пнешь сильнее – полетите подальше!

– Кто бы говорил! – возмутился Пец. – Вы, люди, вообще работать не умеете! Вам бы только пьянствовать и валяться на диване перед телевизором.

– Ладно-ладно, – донеслось в ответ. – Давай шустрее. Одного тебя ждем.

Бот Печа подлетел к джаблю, и приемное устройство затянуло его в шлюзовый отсек.

В это время первый из шмордонских кораблей начал движение. Два других звездолета медленно тронулись за ним, вытянувшись в четкую кильватерную линию. Скорость истребителей постепенно возрастала и через несколько минут они скрылись за одним из облаков темной материи. Джабль развернулся и полетел в противоположную сторону.

ШМОРДОН. ШМОРА

Император Шмор Тринадцатый строго смотрел на дона Кренделя.

– Что-то я не могу понять, – сказал он. – Каким боком нам выходит договор с Джаппурией на поставку джаблей для Звездного Флота? Они прислали нам целых три корабля, в которых работают только туалеты. Ну, понятное дело, двигатели работают тоже, но с большими оговорками. Два из трех джаблей, отправленных в автоматическом режиме, заглохли на полпути, и пришлось направлять к ним наши челноки для ремонта! Более того – джабли ржавые!

– Ваше величество, – ответил на это дон Крендель. – Вы задаете вопросы не по рангу. Убить кого– либо, взорвать или на худой конец переломать руки и ноги – это ко мне. Ну, разведать самые страшные тайны, а еще лучше диверсию организовать – тоже мой профиль, ведь недаром вы назначили меня начальником имперской разведки. Но по поводу каких-то договоров – увольте, не мое это дело.

– Хорошо, – согласился Шмор. – Посольство Джаппурии прибыло?

– Да, – кивнул головой Крендель. – В том же составе, что и в прошлый раз, только должности изменились. Да еще с ними какой-то Кебаб без документов...

– Ну, это в порядке вещей. Не обращайтесь внимания. У них всегда так: или документы забудут или голову пропьют.

Я надеюсь, вы не арестовали Кебаба?

– Нет, но из джабля не выпустили. А все остальные джаппурцы доставлены в то же здание, что и в прошлый раз.

– Пошлите за Кебабом мой личный шморовоз. Пусть водитель отвезет его к своим товарищам. Только передайте водителю, чтоб за руль джаппурца не пускал.

– Будет сделано, – сказал дон Крендель.

– Есть известия из Кукареллы?

– Там что-то происходит, но полных данных пока нет. В Тарахтуне случилась Великая Буржуйская Революция. Президент Бендекс поднял рабочих, и те вышвырнули оранжевых коммуналистов с планеты вон. В этих событиях участвовал наш контр-адмирал Гундбс, находившийся в коммунальном плену. Бендекс вышел на связь с Дырой и попросил у Звездного Флота помощи. Контр-адмирал Бамбукер, командующий эскадрой, расположенной там, связался с лордом Надолбом и тот дал добро на проведение операции. Наши корабли разогнали лоханки кукарелльцев, и Тарахтун оказался под прикрытием Шмордона. Туда отправился Министр Иностранных Дел маркиз Занудерс. Он изучит ситуацию и в зависимости от нее составит договор. В любом случае Тарахтун станет частью Шмордонской империи, ваше величество. По моему приказу в Шмору доставлен граф Гундос. Он сейчас пишет отчет, из которого станет ясно, что собой представляет эта коммунальная Кукарелла.

– О Филере что-нибудь слышно? – спросил Шмор.

– Как вам сказать, – дон Крендель хитро улыбнулся. – Наши корабли захватили несколько кукарелльских судов. Пленные ассенизаторы туманно рассказывают о появлении в Совете Коммуналистов Кукареллы (это у них высший орган власти) какого-то нового человека. Его должность называется «Главный Военспец». И еще они говорят об очередном перевороте у шавелл. Вроде как одна группа революционеров не поделила власть с другой. Эти два факта довольно удачно складываются в один и пахнут – сами знаете кем.

– А вы не пробовали заслать туда шпионов?

– Именно этим я сейчас и занимаюсь, ваше величество.

– Передайте через своих шпионов шавеллам, что за задачу живого Филера я дам миллион золотых бабосов. А за мертвого... ничего не дам! Он мне живым нужен.

Крендель молча кивнул головой.

– Да, вот еще что! – вспомнил император. – Про Джаппурию не забывайте. Лорд Крокозябл докладывает, что с нашими шпионами происходят обычные вещи! То сдаются, то проваливаются. Даже последняя партия, поехавшая в Джаппурию как обычные отдыхающие, полностью переловлена на пляжах планеты Сочи. Направляйте их в следующий раз на планету Дубарь. Пусть хоть на лыжах выучатся ездить, если шпионить не умеют...

– Работаем, – коротко сказал дон.

– О Крокозябле-старшем есть известия?

– Пока нет.

– Бес его дернул отправиться на разведку со столь малыми силами!

– В этом моей вины нет, – сказал Крендель.

– Да знаю, знаю... Говорите, в области Черной туманности есть жизнь?

– Полностью информацией не владею, потому что подслушать разговор Филера с Крокозяблом мне удалось лишь вполуха. Но отправиться в этот сектор, конечно, стоило. По мнению барона – Джаппурия управляется оттуда. То ли посредством выращивания с малых лет будущих министров, то ли как-то еще.

– Пошлите по пути банкира экспедицию. Только маленькую, незаметную...

– Может, использовать для этой цели три джаппурских джабля, поставленных недавно?

– Ни в коем случае! – воскликнул Шмор. – Это не корабли, а лоханки! Они развалятся на старте. Отправьте туда пару обычных челноков.

– Будет сделано, – сказал дон Крендель. – Разрешите идти?

– Да. И скажите графу Вискерсу: пусть вызовет джаппурского посла. Я дам ему аудиенцию через два часа.

– Слушаюсь, – сказал Крендель, направляясь к двери.

Шмор бросил ему вдогонку:

– И прекратите слушать вполуха! Если у вас их два, надо пользоваться обоими. Никакого профессионализма!

Крендель, вздрогнув, не обернулся, а лишь ускорил свои шаги.

– Ну вот, – сказал Батон, ставя свой чемодан на пол. – Опять мы в гадюшнике!

– В этот раз условия лучше, – заметил Хапс, оглядывая гостиную.

Меблировка была хороша. Стол, диваны и кресла сияли новизной и дороговизной. На стене висел шморовизор с гигантской плазменной панелью.

– Император о нас позаботился, – сказал Джем. – Наши межгосударственные отношения чудесны!

– Еще бы! – согласился Хапс.

– Апартаменты наверняка напичканы подслушивающими устройствами, – сообщил Отжим.

– Вот и займись этим вопросом, – предложил ему Джем.

– В мои обязанности такая работа не входит, – пояснил Отжим. – Я – атташе!

– Да-а? – удивленно протянул Джем, поворачиваясь к нему лицом.

– Попрошу без рук! – крикнул Отжим, отскакивая к стене.

– Нужен ты мне больно, – ответил на это Джем. – Так, располагаемся в комнатах и после этого собираемся в гостиной. Посмотрим шмордонские новости. Я думаю, что скоро нам позвонят... А если не позвонят, пойдем в ресторан. Надо отпраздновать прибытие.

– Как быть с Кебабом? – поинтересовался Батон.

– Никак, – ответил Джем. – Императору наверняка уже доложили о нашем прибытии. Скорее всего, он распорядится доставить Кебаба сюда, как и в прошлый раз.

– И колонну танков пошлет на красный свет, – предположил Хапс.

Все, кроме Отжима, дружно рассмеялись.

– В этот раз вряд ли Кебаб наступит на старые грабли, – сказал Джем. – По крайней мере – я на это надеюсь...

Джаппурцы разошлись устраиваться.

Комната посла была той же, но мебель стала дороже. Правда – состояла она из большой двуспальной кровати, кресла и шкафов, которые были по своему шмордонскому обыкновению совершенно пустыми. Джем подошел к окну и взглянул на площадь.

Все было на месте: надувной ангар, внутри которого строился памятник Шмору Двенадцатому, стальная бомба Шмора Великого и гвардейцы, охраняющие ее. И опять в бомбе кто-то сидел, потому что из зарешеченного окошка торчала самая натуральная борода.

К окошку подошел прежний пузатый дворник, в котором Джем узнал маркиза Шухера, и сунул туда металлическую фляжку. Сосуд исчез внутри бомбы и борода зашевелилась. Спустя минуту фляжка выдвинулась из окна, и Шухер спрятал ее в кармане своей фуфайки.

Эмблема шмороглота на бомбе блестела не золотом, а

серебром. Гвардейцы караула, поглядывая на герб, презрительно плевались в брусчатку площади, из чего следовал вывод: герб покрасили серебрянкой, и потому лизать его стало не интересно...

В комнате появился Батон.

– Все так же, как и было, – сообщил он. – Везде пустые шкафы.

Джем подошел к одной из стен, открыл первый попавшийся шкаф и нажал рукой правый верхний угол задней стенки. Панель тут же уехала в сторону и глазам джаппурцев представилась узкая лестница, ведущая вниз. Но самое интересное – она не была пустой. На верхней ступеньке в метре от Джема стоял невзрачный человек в сером плаще и, моргая, удивленно тарасился на джаппурского посла.

– Ты кто? – совершенно не удивившись, спросил его Джем по-шмордонски.

– Агент Хмырь, – ответил тот и зачем-то отдал честь.

Он хотел еще что-то сказать, но не успел, так как Джем врезал ему кулаком в глаз. Агент Хмырь, мелькнув в воздухе форменными сапогами, улетел по лестнице вниз, а Джем нажал на уголок отъехавшей панели, и она мягко встала на место, явив взору привычную заднюю стенку шкафа.

– Совсем обнаглели, – заметил Батон.

– Не то слово! – поддержал его Джем, потирая кулак.

– Может, надо проверить и остальные шкафы?

– Я думаю – не стоит. Если в каждом из них мы обнару-

жим по шпиону, у нас кулаки отвалятся. Ну их всех к черту! Давай лучше пойдем вниз и послушаем, что они говорят в новостях.

Батон с Джемом вышли из комнаты и спустились по лестнице в гостиную.

Включив шморовизор, они удобно расположились на диванах и принялись слушать новости. Информационная программа называлась: «Свисток Шмордона». Солидный диктор рассказывал:

– Лорд Пёндрол побывал с проверкой в Седьмой танковой дивизии и дал ее командованию ряд ценных указаний, отчего боеготовность войск сразу повысилась...

На экране возник лопоухий юнец в мундире, который что-то гневно кричал офицерам, застывшим перед ним в строевой стойке.

– Да это же Шмореньш! – удивленно воскликнул Батон.

– Действительно, – согласился с ним Джем. – Выходит, император дал своему брату титул и тем самым слегка отодвинул его от престола.

– Все равно, пока Шмор не женится и не заведет детей, это чучело остается наследником, – заметил Батон.

На экране тем временем офицеры разбежались в разные стороны, и камера показала колонну танков, выходящую из ворот военного парка.

– Седьмая танковая дивизия начала учения, – сообщил диктор. – Внимание! Будьте осторожны на дорогах!

– Интересно, как там Кебаб? – встревоженно поинтересовался Джем.

– Ты думаешь, его уже выпустили из джабля и решили привезти в посольство? – спросил Батон.

– Да бог его знает, – ответил Джем.

И в этот момент зазвонил вдруг проводной шморфонный аппарат, стоявший в гостиной на специальной тумбочке.

Джем, переглянувшись с Батоном, пошел к трубке, говоря на ходу:

– Ну вот наконец о нас и вспомнили! Пойду, послушаю, что скажут.

Трубка не кричала «алло», «да», или что-нибудь в этом роде. Трубка по-чиновничьи многозначительно молчала. Джем взял ее и вслушался в мир шморфонной связи, который был богат по-своему.

Сначала он уловил мотив какой-то тоскливой песни, берущей его существо, потом кто-то непонятно рявкнул: «Какого ты кренделя в душу!», и вслед за этим раздался знакомый голос графа Вискерса, спросивший:

– Алло, Джем, это вы?

От этого простого вопроса сердце Джема вдруг успокоилось, и он ответил:

– А кого вы ждали?

– Только вас, – ответил Вискерс.

– Ну, значит, дождались.

– Чудесненько, – сказал Вискерс. – Вам необходимо быть

в Железном Дворце через час, поскольку аудиенцию назначил император. Но, учитывая ваше близкое ко двору расположение, попрошу явиться за полчаса до официальной церемонии.

– Зачем? – поинтересовался Джем.

– Затем, что мне из имения прислали обалденный коньяк двадцатилетней выдержки. Я его, конечно, уже попробовал, но отнюдь не желаю, чтобы вы перед аудиенцией были трезвы.

– Спасибо! – воскликнул Джем, рассмеявшись. – Немедленно становлюсь на лыжи!

– Не понял, – ответил Вискерс.

– Ну, в смысле, выдвигаюсь со скоростью лыжника!

– Ах, да, – ответил Вискерс. – Всю жизнь мечтал побывать на вашей лыжной планете Дубаре. Но все никак не удавалось.

– Ничего, – добродушно ответил Джем. – Когда-нибудь побываете. Выпишу вам визу без очереди...

– Машину выслать за вами?

– Не стоит. Здесь идти всего триста метров.

– Жду вас, – сказал Вискерс и трубка смолкла.

– Я пойду с вами! – раздался вдруг голос с верхних ступенек лестницы.

Джем поднял голову и увидел торопливо спускающегося Отжима.

– Аудиенция назначена мне, поскольку я посол, – сооб-

шил ему Джем. – Ни о каких «отжимах» речь в телефонограмме не шла!

– Ничего страшного, – ответил Отжим. – У меня есть личное послание Премьер-министра Морса к императору. Вот как раз сегодня я ему это письмо и передам.

Джем, пожав плечами, сказал, обращаясь к Батону:

– Какая-то закулисная дипломатия. Императору передают письма, а посол не знает, о чем в них идет речь. Зачем тогда этот самый посол нужен?

– Сейчас мы все исправим, – пообещал Батон, вставая с дивана.

Он быстрыми шагами направился к Отжиму.

– Не понял, – успел сказать последний, резко бледнея.

Батон, схватив Отжима за локоть, в одну секунду заломал ему руку за спину.

– Ай! – крикнул атташе.

– Где письмо? – поинтересовался Батон, усиливая давление.

– Не скажу! – ответил Отжим. – Ой!

– Сейчас сами найдем, – произнес Джем, принявшись обыскивать атташе, застывшего в позе пикирующей ласточки.

– Я буду жаловаться! – взвизгнул Отжим.

– Кому? – поинтересовался Джем, продолжая бегло работать руками. – Мне, раз я посол? Жалуйся. Ну, можно еще императору Шмордона настучать. Он хоть посмеется

всласть... Ура! Нашел!

Джем держал в руках белый бумажный конверт.

Батон отпустил руку Отжима и выдал тому пинок под зад, отчего несчастный атташе на приличной скорости устремился к ближайшему дивану, которым тут же и воспользовался, растянувшись на нем в вольной позе.

– Заклеен, сволочь, – сообщил Джем, разрывая конверт сбоку.

– Что вы наделали! – донеслось с дивана. – Как я теперь стану его вручать?

– Во вскрытом состоянии, – обнадежил его Джем, доставая листок, исписанный мелким почерком. – От целостности конверта смысл написанного не изменится.

Он развернул письмо и принялся читать его вслух.

– Ваше величество! – официальным голосом начал Джем. – Я надеюсь, Вы не забыли своего обещания, данного мне в устной форме во время бала. Речь идет о помощи, которую Вы решили оказать Джаппурии в подготовке профессионалов для разведки и контрразведки. Податель сего письма – первый представитель организованных нами спецслужб. Его имя Отжим. Он надежный и грамотный чиновник. Поскольку Джем, официально направленный к Вам в роли посла, отличается психической непредсказуемостью и скверным нравом, прошу Вас держать связь со мной через Отжима, а Джем пусть выступает в роли офисной мебели. С уважением, Морс.

– Фью-ю-ю! – удивленно присвистнул Батон.

– Поняли, кто здесь начальник?! – гневно выкрикнул Отжим, вскакивая с дивана.

– А это ты видел? – Джем показал ему кулак.

Отжим молча уселся на прежнее место.

Джем быстро изорвал письмо Морса в клочья и подбросил в воздух. В гостиной пошел бумажный снег.

– Ай! – крикнул Отжим.

Он слез с дивана, упал на колени и принялся собирать обрывки бумаги, ползая по полу.

– Ты идешь со мной или будешь и дальше работать уборщиком? – поинтересовался Джем, направляясь к выходу из гостиной. – Смотри, не опоздай на аудиенцию.

Отжим со стоном вскочил на ноги и, отряхнув руками колени, побежал догонять посла.

Коньяк действительно был хорошим. Джем с Вискерсом выпивали как раз по третьей рюмке, когда дверь приемной вдруг распахнулась, и через комнату вихрем пронесся Шморенш.

– Алкоголики! – негодуя крикнул он на бегу и хлопнул дверью императорского кабинета.

Вискерс, не обратив на это явление никакого внимания, налил по четвертой. Сидевший в углу кабинета Отжим заметил:

– Никакого порядка у вас в Шмордоне нет. В прошлый раз

чуть императора не пропили. А что пропьете сейчас?

– Ты не пьешь? – спросил у него Джем. – Тогда закрой свою пасть и не мешай нам.

– Я никогда не пью на работе! – важно сообщил Отжим.

– Ну, граф, ваше здоровье! – поднял рюмку Джем.

– Спасибо, – поблагодарил Вискерс, чокаясь с посланцем...

Шмореньш, влетев в кабинет императора как пуля, рухнул в кресло и заявил:

– Отец! Тьфу... то есть брат! Мне не нравится этот титул! Пендрол! Фу! Я не желаю его носить!

– Почему? – удивился Шмор. – Так называется наше родовое имя. Из него вышли все Шморы, включая Великого.

– Ну и что? – негодуя спросил Шмореньш. – От этого названия веет каким-то нехорошим запахом. А если б наше имя называлось Дристоном, то что? Я бы носил титул лорда Дристана?!

– Нет, что ты, – Шмор еле сдержал улыбку. – Но Пендрол с древне-шморского диалекта переводится как «Рыцарская крепость». По-моему, ничего обидного в этом выражении нет.

– Тогда почему все вокруг смеются у меня за спиной?

– Мне кажется, что смеются они не над титулом, а над твоими поступками.

– Да-а? – протянул Шмореньш и ненадолго задумался.

– Сынок... брат мой, – сказал Шмор. – Не торопись жить.

У тебя впереди еще много времени. Прежде, чем что-нибудь сделать – подумай. И все начнет получаться.

Шмореньш, очнувшись от раздумий, взглянул на Шмора и вдруг глаза его наполнились слезами.

– Послушай, – громко прошептал он. – Может, есть способ вернуть все назад? Может, существует вариант, где я опять стану сыном, а ты будешь заботливым отцом?..

Он вдруг испуганно замер и тут же, встряхнувшись, продолжил горячечно шептать:

– Я обещаю тебе... Я клянусь... Я во всем буду слушаться тебя! Ведь ты мой отец... Как я раньше этого не понимал?.. Ну?! Скажи, ведь это возможно?!

Шмор, печально улыбнувшись, уселся в кресло и сказал:

– Я сам бы этого хотел. Но мы не властны над памятью... Ты помнишь, что я настоял на проведении всех генетических исследований? Мы с тобой присутствовали на каждой медицинской процедуре, связанной с этим. И ты убедился, что приходишься мне братом, а я занимаю престол на совершенно законных основаниях. И куда теперь девать это знание?

По щеке Шмореньша потекла слеза.

– Правда – жуткая штука, – продолжил Шмор, отведя глаза от воспаленного лица своего брата. – Иной раз ее лучше не знать. Но если узнал – все! Она как гвоздь будет торчать в мозгу, и никуда от нее не денешься!

– Но хоть как-то можно это исправить? – через всхлип спросил бывший наследник.

– Ты не представляешь, как мне хочется того же! – вскричал Шмор, вскакивая с кресла.

Он начал ходить по кабинету широкими шагами.

– Я всегда знал эту бесову правду! Но ты был для меня сыном! Самым дорогим человеком на свете, поскольку никого больше не осталось... И я хотел дать тебе все, что не имел сам: любовь, заботу, счастливое детство... И что получилось?! Ты стал гонять меня как зверя! Ты объявил меня узурпатором! Ты наплевал на мою любовь!..

Шмореньш, резко встав, крикнул:

– Отец, я недостойн жизни! Привяжи меня к гусенице танка и дай ему команду: «Вперед!» Я не опозорю тебя! Я умру как воин!

– Ага! – сказал Шмор, в секунду лишившись прежнего пафосного настроения.

Он быстро подошел к Шмореньшу, и сходу влепил ему мощную оплеуху, отчего тот опять уселся в кресло.

– Ну как? – тут же поинтересовался Шмор. – Мозг включился?

– Да, – ответил наследник, удивленно хлопая ресницами. – Ох, и мерзавец же этот Филер!

– Слава богу! – воскликнул Шмор. – Прозрел...

Шмореньш, встряхнувшись, вытер пальцами слезы и сказал:

– Да. Мы с тобой теперь будем жить в разных вселенных. Я – в мире безотцовщины, а ты в галактике мести. И что

потом? Что дальше?

Шмор, отойдя к окну, промолчал.

– Хорошо, – произнес Шмореньш каким-то повзрослевшим голосом. – Пусть я буду лордом Пендролом. Но у меня остался всего один близкий человек – мой дедушка.

– А меня ты уже близким не считаешь? – спросил Шмор, не оборачиваясь.

– Считаю, – ответил Шмореньш, но как-то невнятно. – Прошу тебя, верни его!

– Да ничего с ним не будет! – с досадой в голосе ответил Шмор. – Вон, лорд Надолб посидел комендантом общежития в Дыре – великим стратегом стал. Щелкает вражеские флоты – как орехи! И Хлебазл тоже! Пусть посидит, может, хоть спать на заседаниях разучится. Кстати, я даже на его должность никого нового не назначил...

– А как же тогда Министерство Имперской Безопасности функционирует, если начальника нет? – удивился Шмореньш.

– Как обычно, – ответил ему Шмор. – Любое министерство – заведенная машина. Есть начальник, нет его – оно все равно продолжает работать.

– Понятно. Я готов занять место моего деда.

– Ну уж нет! – живо отозвался Шмор. – Только этого мне не хватало!

– Тогда я пошел.

– Подожди. Сейчас сюда войдет посол Джаппурии...

– Этот мерзавец Джем, который, не успев появиться, уже пьет в приемной с Вискерсом?!

– Дурак! Он тебя от плена спас!

– Во-первых: он враг Шмордона! А во-вторых: один раз взял в плен – второй раз спас! Один-один, и потому я ему ничего не должен.

– Ну и что? Вчера враг – сегодня друг. А завтра...

– Я не желаю с ним общаться!

– Сейчас я тебе выдам!

– Вот так всегда! Это называется воспитанием? Не надо!

– Надо, лорд Пендрол! Ой, как надо!..

Но здесь дверь открылась, и раздался голос графа Вискерса:

– Посол Джаппурии Джек Баламут и атташе Отжим Что-плохолежим!

Оба брата в эту секунду стояли друг перед другом, застыв в напряжении. Они повернули головы к Вискерсу, и хором спросили:

– Кто-кто?!

– Атташе, – повторил граф.

В кабинет вошли Джем и Отжим. Первый радушно улыбался, а второй надулся от важности.

Шмореньш скривился лицом и уселся в кресло, а Шмор без церемоний поздоровался с Джемом за руку.

– Рад приветствовать вас! – воскликнул император.

– У меня те же чувства, – ответил Джем.

– Да? – не поверил Шмор. – А что «это» делает здесь?

Он ткнул в сторону Отжима пальцем, как будто указывал на неодушевленный предмет.

– К сожалению, он сам увязался за мной, – пояснил Джем. – Его назначили военным атташе при посольстве Джаппурии. Должность эта новая и статус ее пока не определен, потому я сам не знаю, что с ним делать.

– Пойдите, но атташе имеет отношение к военному ведомству. Насколько я знаю, в Джаппурии такого министерства нет...

– Уже есть, – сказал Джем. – И называется оно: «Министерство обороны».

– Хи-хи! – раздался визгливый смешок.

Шмор и Джем повернули на звук головы и увидели, что смеется Шмореныш.

– Ой, не могу! – воскликнул лорд Пендрол. – В королевстве жуликов и каторжников появилась армия! Чем она будет заниматься? Грабить жуликов и охранять каторжников?

Шмор посмотрел в слегка хмельные глаза Джема и заметил:

– Устами младенца глаголет истина.

– Я не младенец! – вскочил на ноги Шмореныш. – Но все равно – я прав!

– Ваше высочество... – Попытался сказать что-либо Джем.

– Я уже не высочество! – с отвращением заявил Шморе-

ныш. – Я уже лорд Пендрол.

– С чем вас и поздравляю! – с улыбкой произнес Джем.

– Спасибо! – со злостью в голосе ответил Шмореньш, вскакивая. – Прощайте!

Он, гордо печатая шаг, вышел из кабинета.

Шмор, внимательно посмотрев на Отжима, заметил:

– Как-то непривычно видеть его без очков. Стеклообразные они или гематомные – все равно. Какой-то он голый без них...

– Исправим, – пообещал Джем, зачем-то потерев кулаки.

– По радиосвязи был получен сигнал, что у вас имеется ко мне личное послание от Премьер-министра Морса, – обратился император к атташе.

Отжим уже надул грудь, чтобы настучать, но Джем, перебив его, пояснил:

– Этот растяпа, – он показал на атташе пальцем, – пролил на послание чесночный соус и оно испортилось. Ни одной буквы различить нельзя!

Отжим от такой наглости запыхтел, как чайник.

– Но я знаю, о чем там говорилось, – продолжил Джем. – Морс, ссылаясь на обещание, которое вы дали ему во время бала, просит обучить Отжима ловле шпионов, благо у вас в Шмордоне есть для этого специалисты.

Император понимающе кивнул и вопросительно взглянул на Вискерса, молча стоявшего в дверях.

– Ваше величество, – тут же подключился к беседе граф. –

Лучшим специалистом в этом вопросе является лорд Хлеба-зл.

– Да, – согласился Шмор. – Вот только...

– Только сейчас он занят как раз по своей специальности.

– Да? – удивился император.

– Так точно. На базе Звездного Флота, которая называется Дырой, он организует развертывание агентурной сети для поимки кукарелльских шпионов.

– Вот-вот, – улыбнулся Шмор. – Вискерс, отправьте господина Отжима на дежурный челнок «Быстрый», который крутится на орбите Шморы, и дайте команду его капитану доставить сего Отжима в Дыру. После этого пошлите распоряжение контр-адмиралу Бамбукеру, командующему там эскадрой, передать нашего дорогого гостя в распоряжение лорда Хлебазла. Да! И пусть поселит их вместе.

– Когда, ваше величество? – поинтересовался Вискерс.

– Немедленно! – приказал Шмор. – Человеческая жизнь коротка. Поэтому нечего время терять. Контрразведка – сложная наука. Чем раньше начать ее изучение, тем больше можно узнать.

Граф Вискерс немедленно приступил к действиям. Крепко схватив атташе за локоть, он развернул того лицом к двери и мягко, но настойчиво поволок к выходу из кабинета. Очнувшись на пороге приемной, Отжим громко спросил:

– Постойте, но как же мои личные вещи?

Граф дернул его сильнее, оба они скрылись в приемной,

и уже оттуда долетел ответ Вискерса.

– Контрразведчику личные вещи не нужны, – пояснил он. – Контрразведчику нужны лишь горячее сердце, пылкий ум и кровавые руки!

Дверь императорского кабинета захлопнулась, оставив Джема наедине со Шмором.

– Спасибо, – поблагодарил Джем.

– Даже не вспоминайте об этом пустяке, – махнул рукой Шмор. – Присаживайтесь в любое удобное место.

Сам император уселся за стол, и Джем расположился напротив него.

– Итак, – начал император, – сначала о приятном, потом о делах... Завтра приглашаю вас вместе со всем штатом посольства на торжественное открытие памятника моему отцу Шмору Двенадцатому, которое состоится в десять часов утра. На трибуне почетных гостей приготовлены места и для вас. Сначала состоится открытие, потом парад.

– Благодарю за оказанную нам честь, – кивнул головой Джем.

– Это жест доброй воли, – продолжил император. – Но на трибунах вам находиться незачем.

– Как так? Ведь вы только что сами нас пригласили... – Оторопел Джем.

– Пригласил, конечно, – ничуть не смутился император. – Вы что, испытываете желание быть растерзанным толпой военных? Я вижу – не хотите. Как можно допустить на празд-

ничную трибуну тех, кто явился причиной смерти Шмора Двенадцатого?! Ведь именно вы, Джем, руководили операцией по его пленению! Потому предлагаю штату джаппурского посольства посмотреть церемонию открытия монумента через окна здания, в котором вы живете, благо они выходят как раз на площадь.

– Мы бы и так смогли посмотреть на эту церемонию, – заявил Джем. – Даже без вашего приглашения.

– Не смогли бы, – ответил Шмор. – Окна посольства были бы заколочены деревянными щитами. И это в лучшем случае. А в худшем – в вашу спальню на втором этаже залетел бы вдруг шальной снаряд, выпущенный из гаубицы, тренирующейся на каком-нибудь полигоне. Я, естественно, император, но над спонтанными вспышками народного гнева не властен. Бывает – даже вздохнуть не успеешь, а уже приходится вызывать медиков. Но, как правило, становится уже поздно.

– Спасибо и на этом, – сказал Джем, жалея, что он сидит на стуле в кабинете императора, а не графа Вискерса, у которого было бы во сто крат веселее находиться в любое время суток: хоть на стуле – хоть под столом.

Ему пришло в голову, что Шмордон, спасенный недавно от дворцового переворота, все равно остается глубоко враждебной силой и представляет для Джаппурии угрозу. И Шмор, вернувшийся на престол благодаря помощи Джема и его друзей, хоть и является человеком, испытывающим бла-

годарность, но в первую очередь продолжает оставаться императором Шмордона со всеми вытекающими из этого вывода последствиями...

Шмор, вздохнув, продолжил:

– А теперь к делу. По условиям договора, подписанного нами, Джапурия обещала в течение трех лет поставить Звездному Флоту Шмордона триста джаблей первого и второго классов. Несколько дней назад три из них в автоматическом режиме прибыли к Шморе. Это бес знает что!

– В чем проблема? – поинтересовался Джем.

– Это лоханки!

– А какого они класса? Первого или второго?

– По-моему, второго...

– Тогда все в порядке.

– А?!

– Второй класс присваивается джаблям, которые сошли с конвейера бракованными. Такие корабли используются как склады запчастей для ремонта джаблей первого класса.

– Но нам об этом никто ничего не сказал! – возмущению императора не было предела.

– Глаза видели, что брали? – поинтересовался Джем.

– Но мои чиновники подписывали все договоры во время бала! Они рассчитывали на элементарную порядочность в делах, свойственную всем торговцам галактики!

– Сами виноваты, – развел руками Джем. – Нечего было покупать kota в мешке. Кстати, ничего страшного не случи-

лось. Джабли первого класса (вы заказали их сто штук) тоже ломаются. Получается: на один корабль у вас будет приходиться по два склада с запчастями. Ремонтируй – сколько хочешь! Таким образом срок эксплуатации первой сотни сильно увеличивается.

Шмор, не говоря ни слова, мрачно смотрел на Джема.

– Что-то не так? – поинтересовался джаппурский посол.

– Все не так, – наконец смог сказать император. – Большинство моих подданных были уверены, что джаппурцы – поголовно жулики. Я в этом сомневался. Теперь же мои сомнения улетучились... Но почему эти три джабля называются именно так?

– Как?

– «Лютик», «Светик» и «Пестик».

– Потому что все джабля называет королева, – ответил Джем. – Это ее конституционное право.

– Но не может боевой корабль (хотя бы даже склад с запчастями!) называться Лютиком! – с негодованием воскликнул Шмор.

– Еще как может! – сказал Джем. – А если даже и нет – никуда уже не денешься.

– Я переименую их сегодня же! – вскричал Шмор.

– А вот этого делать не стоит, – мило улыбнулся Джем. – Я не понимаю, как это происходит, но существует поверье, будто имя, данное королевой, привязывается к джаблям напроч. Если его самовольно поменять, джабль рассыплется

на мелкие винтики. Такие случаи уже бывали, и не раз.

– Я не суеверный, – сказал Шмор.

– Ваше право, – пожал плечами Джем. – Будете потом собирать запчасти по всей галактике...

Дверь вдруг приоткрылась и в кабинет всунулась голова Вискерса.

– Разрешите войти, ваше величество? – спросил секретарь.

– Да, – ответил император и граф зашел в кабинет.

– Чрезвычайное происшествие! – доложил Вискерс.

– Что, бот с Отжимом рухнул в скалы?! – с надеждой поинтересовался Джем.

– Нет, – отрицательно покачал головой граф. – С атташе все в порядке и он на пути к челноку.

Джем с императором разочарованно вздохнули хором.

– Сегодня утром лорд Пендрол произвел неожиданный наезд на штаб Седьмой танковой дивизии, обвинив ее командование в разгильдяйстве и плохой боевой готовности, – доложил граф. – В результате командование приняло решение провести учения с целью устранения выявленных лордом Пендролом недостатков. Так как лорд Пендрол...

– Хватит! – хлопнул Шмор ладонью по столу. – Что вы заладили с этим лордом?!

– Простите меня, ваше величество, – Вискерс прижал к груди руку, – но мне нравится произносить этот титул. Он как-то по-особому звучит: л-лорд Пен-н-ндрол-л-л! Правда,

красиво?

– Действительно! – поддержал графа Джем. – Пен-нд-рол-л! Просто чудесно!

– Короче! – потребовал Шмор у Вискерса, не глядя на Джема.

– А короче – обычная история, – сообщил граф. – На одном из перекрестков как раз остановился на красный свет ваш шморовоз, который ехал из космопорта. Колонна танков раскатала его в блин. Водитель и Кебаб успели выпрыгнуть из окон в самый последний момент. Они не пострадали, а вот шморовоз теперь годится только для нарезки из него сковородок.

– Приказываю стоимость шморовоза вычесть из годового жалованья командира Седьмой дивизии, – распорядился Шмор.

– Но это несправедливо, ваше величество! – воскликнул Вискерс. – Ведь танкистам разрешено ездить на любой сигнал светофора. Вот если потребовать компенсации с лорда Пендрола, заварившего эту кашу...

– Что вы несете, Вискерс? – разозлился Шмор. – Деньги лорда Пендрола – мои деньги, поскольку ему всего шестнадцать лет! Я что, должен сам себе компенсировать ущерб? Бес с ними, со светофорами! На крышах моих шморовозов установлены флажки с гербом. Если танкисты не видят этого, что они вообще смогут увидеть в бою? Сделать, как я сказал!

– Слушаюсь! – рявкнул Вискерс и выскочил из кабинета. Шмор, отдуваясь, приходил в себя.

– Кстати, – вдруг вспомнил Джем. – Ваше величество, я надеюсь, вы помните, как проникли в мою спальню вместе с графом Вискерсом?

Император утвердительно кивнул головой.

– Сегодня я открыл ту же панель и на лестнице, ведущей в подzemелье, обнаружил самого натурального шпиона с во-от таким носом и во-о-от такими ушами, – Джем показал руками размеры частей тела агента Хмыря.

– И что вы сделали дальше? – поинтересовался император.

– Врезал ему кулаком в глаз и закрыл панель.

– Зря, – заметил Шмор, улыбаясь. – Он находился там по моему личному распоряжению. Теперь посольство Джаппурии будут тщательно охранять. Это сделано только для вашего блага.

– Я надеюсь, он был один?

– Не надейтесь! – воскликнул Шмор и рассмеялся. – В свое время лорд Хлебазл изрыл весь центр столицы подземными ходами. И многие из них ведут в здание вашего посольства. Теперь они все надежно перекрыты и вам больше ничего не угрожает.

– Позвольте поинтересоваться, а что нам угрожало ранее?

– После бегства барона Филера я лично занялся его разведывательной службой, и, знаете ли, мне открылась чудовищ-

ная картина! Все шмордонское общество (включая армию) пропитано его шпионами! Многие еще не выявлены... Так что – не обижайтесь.

– А нельзя нам предоставить какое-нибудь другое здание? – спросил Джем.

– Свободных домов в центре больше нет, – развел руками Шмор. – А я хочу, чтобы вы находились как можно ближе к Железному Дворцу, потому что питаю к вам самые дружеские чувства: – и губы императора расплылись в дежурной улыбке.

Джем понял, что первый раунд остался за Шмором.

– Ну что ж, – сказал император, вставая из-за стола. – Не буду вас больше задерживать. Ведь вы с дороги. Можете идти.

Джем встал, слегка поклонился и молча направился к двери. Уже на пороге кабинета какая-то сила заставила его остановиться. Он обернулся и увидел, что Шмор пристально смотрит ему в спину.

– Жениться вам надо, ваше величество! – неожиданно для самого себя ляпнул Джем напоследок.

Лицо императора вдруг вспыхнуло пунцовой краской, а глаза остекленели, и Джем понял, что второй раунд им выигран. Он рванулся вперед, выскочил из кабинета в приемную и захлопнул за собой дверь.

Перед носом джаппурского посла тут же оказалась рука Вискерса с рюмкой, доверху наполненной коньяком.

– Слава богу! – воскликнул граф. – Сколько можно болтать ни о чем? Я думал – вы никогда не закончите!

Джем, рассмеявшись, с благодарностью принял рюмку и отправил ее в рот.

ДЖАППУРИЯ. СЛЯКОТЬ – СОЧИ

Шмордонский посол в Джаппурии лорд Крокозябл-младший сидел в кабинете за столом напротив Морса и злился. Встреча с Премьер-министром проходила в Доме Правительства.

Морс взял в руки пакет, принесенный Крокозяблом, и, не ознакомившись с его содержимым, сунул в пачку каких-то документов, лежавших горкой на столе.

– Вы даже посмотреть не станете? – поинтересовался Крокозябл.

– Не стану, – подтвердил Премьер-министр, хлопая ящиками стола с видом, будто что-то ищет.

– Но в пакете находится официальная нота протеста! – слегка повысил голос посол.

– Да? – деланно удивился Морс, продолжая хлопать ящиками. – И что в ней?

– Прочтите и узнаете, – предложил Крокозябл.

– Некогда, – сказал Морс. – Через час состоится совещание с министром обороны, на котором я должен присутствовать. А проходить оно будет в Усосанном Лесу, где строится

новый учебный центр. Надо еще успеть туда добраться.

– Так возьмите пакет с собой! – потребовал Крокозябл. –
Ознакомьтесь с нотой по дороге.

– Не буду! – твердо ответил Морс.

Он встал, вышел из-за стола, снял с вешалки непромокаемый плащ и принялся его надевать.

– От вашей имперской канцелярии веет убийственной скукой, – сообщил Премьер-министр, пытаясь рукой попасть в один из рукавов. – Любой шмордонский документ портит мне настроение на весь оставшийся день. Поэтому я прочитаю ноту протеста перед сном. Пусть мне лучше кошмары снятся. Кстати, чем вы опять недовольны?

Морс направился к выходу из кабинета. Крокозябл был вынужден последовать за ним.

– Дело касается первой партии джаблей, доставленных в Шмору, – сообщил посол, догнав Морса уже в коридоре.

– Что с ними не так? – поинтересовался Премьер-министр.

– Все три корабля – редкостные лоханки!

– И какого они класса?

– Второго.

Морс резко остановился и Крокозябл чуть не сбил его с ног.

– А почему вы предъявляете претензии мне? – спросил Премьер-министр. – В Шмордоне есть джаппурский посол. Вот и направляйте все протесты ему, так сказать – в офици-

альном порядке.

– Джем Баламут сказал, что джабли второго класса неисправны всегда.

– Он ничуть не соврал.

– Но мы заказали их двести штук!

– Ваше дело – что заказывать, а что нет, – пожал плечами Морс. – Вас, шмордонцев, не поймешь. Сами купили кучу барахла, а теперь претензии предъявляете.

– Но мы не знали, что джабли второго класса – некондиция! – взревел дурным голосом Крокозябл.

– Не орите так, – попросил Морс, демонстративно прочищая пальцем свое левое ухо. – Если кто-то хочет что-то купить, он сначала посмотрит, что собой представляет желаемый товар. Потом этот кто-то приценится и уж тогда подписывает деловые документы. Если ваши чиновники дураки – поздравьте с этим сами себя! Все, не могу больше разговаривать. Прощайте.

Премьер-министр быстрым шагом отправился дальше по коридору, а Крокозябл остался стоять столбом в ступоре. Проходившая мимо уборщица двинула его крепким бедром, и посол, вернувшись в деятельное состояние, понесся бегом, надеясь догнать Морса. Но сделать этого ему не удалось, так как Премьер-министра и след простыл.

Выскочив из Дома Правительства на Центральную площадь Заквакинска, Крокозябл остановился у рекламной тумбы и перевел дух. Мерзкая погода планеты Слякоти тут

же освежила лоб посла мелким морозящим дождиком. Он осмотрелся.

На противоположной от Крокозябла стороне площади среди серых зданий министерств и ведомств Джаппурии поганым грибом выделялось трехэтажное здание посольства Шмордона. Флигель, предоставленный мэрией Заквакинска для дипломатического представительства, был покрашен яркой оранжевой краской и потому сразу бросался в глаза. Возле него всегда собиралась толпа туристов (даже ночью). Странное дело: после осмотра дома туристы – все как один – показывали зданию неприличные жесты и расходились, уступая место вновь прибывшим.

Посол понимал, что дом покрашен с умыслом, но ничего поделать с этим не мог. Он уже дважды пытался изменить положение вещей. Сотрудники посольства сами красили флигель: сначала в серый цвет, а потом в бежевый. Но в каждую следующую после покраски ночь подъезжали несколько пожарных машин, и из брандспойтов обдавали дом оранжевыми струями.

После второго раза, когда вместе с флигелем оказались покрашенными несколько дипломатов, пытавшихся помешать этой художественной вакханалии, – а также после отмывки окон растворителем, – Крокозябл решил плюнуть на все и стал жить в оранжевом здании.

Посол перевел взгляд на афишу, приколотую к рекламной тумбе, и прочитал объявление:

«Бесплатный концерт группы «Секстет Сексота» в городе Гадюкинске с новым альбомом «Баландное хлебалово, джа!»

Крокозябл зло сплюнул себе под ноги и задумался.

Агентура работала из рук вон плохо. Шмордонские шпионы теперь свободно въезжали на любую планету Джаппурии. Визы им выдавало посольство Джема, но оно же их и фотографировало. Лицо каждого шпиона было известно полиции и агентам приходилось действовать еще аккуратнее, чем раньше. Но самое интересное – куда бы шпион ни засылался, он в конечном итоге все равно почему-то оказывался на Сочи, где никаких интересных для шпионажа объектов не существовало!

Зато на планете Сочи имелись казино, бордели и золотые пляжи. Шпионы с заведомым упорством посещали все эти приятные места, а потом – когда заканчивались деньги – шли сдаваться в полицию. Начальник полиции сочинского города Джяна Пахан Родимый слыл рекордсменом по количеству выловленных им шмордонских шпионов, за что, кстати, и получил неделю назад от Премьер-министра большую серебряную медаль.

Вспомнив о жаркой планете Сочи, Крокозябл вдруг испытал чувство неприкаянности. Ведь там находилась его жена!

Она решила остаться в Джяне для того, чтобы шпионить в пользу Шмордона. Какую информацию леди Крокозябл хотел извлечь из курортного города, послу было не ясно, но служащие шмордонского посольства в последнее время по-

чему-то стали хихикать в спину лорду Крокозяблу, и тому это сильно не нравилось.

Взгляд посла ушел вправо от рекламной тумбы и сфокусировался на памятнике, который стоял напротив. Крокозябл непроизвольно вздрогнул. На каменном постаменте застыло полкомара! Посол, встряхнувшись, пригляделся и понял, что видит всего-навсего скульптуру.

На метровом пьедестале расположилось отлитое в бронзе чудовище, похожее на комара. Вот только комар этот был исполнен скульптором в половинчатом виде. То есть: передняя часть тела у насекомого имелась, а задняя отсутствовала.

На Крокозябла смотрела гротескная комариная голова с завернутым в штопор хоботом и вылезшими из орбит красными глазами, отчего казалось, будто на тебя глядит из преисподней сам бес! Дальше скульптура заканчивалась парой крыльев, похожих на лопасти пропеллера допотопного шморолета. Надпись на постаменте информировала:

«КОМАР – ОСВОБОДИТЕЛЬ».

Еще ниже имелась табличка из нержавеющей стали с более пространственным пояснением. Из этого пояснения следовало:

«Памятник воздвигнут в честь комаров Слякоти, проявивших беспримерную доблесть в деле обороны родной планеты во время Третьей Шмордонской войны. Жертвуя собой, комары на протяжении нескольких недель отбирали кровь у шмордонских захватчиков в болоте Жабья Радость,

лишая их боеспособности. Они высосали столько крови у генерала Крокозябла, что тот перестал представлять опасность для Джаппурии. Честь и слава малым защитникам Отечества! Монумент создан скульптором Тóрчем Астральным и подарен народу Джаппурии».

Крокозябл повторно сплюнул себе под ноги. Будучи далеко не тщеславным, он не обратил никакого внимания на то, что пояснение присвоило ему генеральское звание и увековечило его имя в камне. Посла неприятно поразил тот факт, что автор скульптуры имел наглость сбросить его со счетов опасности для Джаппурии!

– Я вам покажу, кто опасен, а кто нет, – прошептал он.

Крокозябл вспомнил, что с созданием памятника был связан коррупционный скандал. Кто-то украл большую часть денег, собранных джаппурцами для постройки монумента. Но, как это обычно бывает в Джаппурии, следы преступников затерялись, и потому изваяние получилось половинчатым, так как оставшихся денег хватило только на это. Знаменитый скульптор Торч Астральный явно соврал насчет подарка.

Крокозябл, усмехнувшись, решил действовать.

Для начала он еще раз взглянул на окаменевшее чудовище и потер щеку, только что укушенную реальным комаром. Зад, цапнутый тем же представителем фауны секундой спустя, он чесать не стал в виду того, что вокруг было слишком много туристов, а Крокозябл считал себя культурным

человеком. Потому он просто выругался вслух и быстро направился через площадь к оранжевому флигелю, при ходьбе шагая так, чтобы укушенная задняя часть тела сама чесалась брюками. Походка Крокозябла при этом была настолько странной, что проходившие мимо туристы приняли его за одного из представителей сексуальных меньшинств, спешившего на гей-парад.

На территории посольства Крокозябл обошел стороной само здание и стоящий перед ним служебный шморовоз, после чего завернул на задний двор. Там он отворил двери ангара, в котором находился космический спасательный бот. Этот небольшой аппарат был предназначен для полетов по Слякоти, но мог легко перелетать с одной планеты на другую.

Наличие бота оговаривалось специальным соглашением, к составлению которого приложил руку сам Крокозябл. И сделал он это на балу у королевы Беллы именно тогда, когда все министры уже перепились и не понимали, что они подписывают. Зато теперь посол испытывал гордость за дипломатическое искусство, которым он обладал. А вот Джем в Шмордоне не имел права на бот!

В этом свете поставка в империю бракованных джаблей показалась Крокозяблу не столь обидной, потому что он имел право перемещаться между четырьмя планетами Джаппурии как угодно, правда – ставя при этом в известность министра полиции Кваса Ядреного. Но по поводу последнего

пункта соглашения у посла имелось особое мнение, которое звучало приблизительно так: «Пошел этот жирный пропойца к бесу!»

Крокозябл забрался в бот и проверил ящик, где хранились предметы, нужные для аварийной посадки. Больше всего его интересовали фонарик, болотные сапоги высотой до паха и репелленты для борьбы с комарами. Обнаружив все это в ящике, он хищно улыбнулся, умелой рукой включил двигатель и аккуратно выехал на боте из ангара. Затем, дав полный газ, Крокозябл взмыл свечкой в небо и, спустя несколько минут, выровняв полет, взял курс на Усосанный Лес, до которого было всего триста миль.

Приземлившись на маленькой полянке, предусмотрительно вырубленной в лесу еще год назад его подчиненными, Крокозябл обильно полил себя репеллентами разных видов, натянул болотные сапоги и с фонариком наперевес выпрыгнул из бота. Пройдя несколько сотен метров по заранее известному маршруту, он подошел к старому зданию шмордонского посольства.

Удивляясь переменам, произошедшим за время его отсутствия в Усосанном Лесу, Крокозябл принялся рассматривать место, в котором он почти безвылазно провел последние пять лет своей жизни.

Вокруг двухэтажного здания бывшего шмордонского посольства возникли несколько строений казарменного типа и далее виднелись стволы поваленных деревьев. Значит, слухи

о строящемся учебном центре оказались правдой.

На парковке возле пропускного пункта стояло несколько десятков спасательных ботов и даже три джабля. Видимо, на совещание съехалось все силовое руководство Джаппурии.

Посол, ухмыльнувшись, развернулся и отправился в самую глубь леса по слегка видной тропинке. Если б он хотя бы раз оглянулся назад, то его взгляду представился бы внушительный темный столб, следовавший за ним. Столб этот был подвижным потому, что состоял из тысяч комаров, которые страстно хотели от Крокозябла тепла и сытости, но не могли получить эти два блага из-за репеллентов, покрывающих вожделенное тело посла толстым слоем.

Прочавкав сапогами по лесистому болоту четверть мили, великий гений шпионажа вышел на один из сухих островков и внимательно посмотрел себе под ноги. Там он увидел корягу, торчавшую из травы. Схватив конец коряги обеими руками, посол потянул его в сторону. Под землей что-то хрустнуло, и справа за кустиком лишайника бесшумно поднялась вверх зеленая крышка замаскированного канализационного люка.

– Я вам покажу «не представляет опасности!», – проворчал Крокозябл.

Он спрыгнул вниз и оказался в неглубокой шахте, из которой в сторону флигеля уходил подземный ход. Крокозябл включил фонарик и, весело насвистывая мотивчик одной из песен Сексота, отправился шпионить.

Чувствовал он себя превосходно и потому ни разу не оглянулся. А зря, потому что комары решили не отставать от двунюгого сосуда с питательной жидкостью. Более того – они увеличили количество особей, желающих крови, раза в два, а то и в три. Видимо, комариные хоботы были уверены, что если жертва не предоставит им себя в роли еды, то укажет путь к другим источникам питания. И они ничуть не ошиблись!

Через некоторое время подземный ход вывел Крокозябла с его комариным эскортом в подвал флигеля. Не слыша тревожного гудения сзади из-за своего громкого свиста, он открыл потайную дверцу и шагнул на узкую бетонную лестницу, ведущую вверх.

Поднявшись по ступенькам, Крокозябл остановился перед железной заслонкой, закрывавшей небольшое оконце на уровне головы посла. Осторожно отодвинув заслонку в сторону, он вставил свое лицо в обнажившееся отверстие, и голова его оказалась в деревянном решетчатом коробе.

Зал для заседаний был небольшим, но достаточно вместительным. По стенам его тянулись батареи водяного отопления, укрытые в деревянных декоративных ящиках. Один из ящиков был пустым, и теперь голова Крокозябла стала единственным его содержимым. Решетчатая структура деревянной конструкции позволяла послу не только слышать, но и прекрасно видеть все, что творится в зале. Поэтому он перестал свистеть и стал смотреть и слушать.

Слева Крокозябл увидел трибуну, представлявшую собой обычный длинный стол. За столом сидели трое: тощий Морс, толстый как пивная бочка министр полиции Квас Ядреный и здоровенный обезьяноподобный индивидуум с квадратным зверским лицом. Если первых двух Крокозябл знал прекрасно, то последний был ему совсем незнаком. Но посол видел его фотографию в специально собранном досье и опознал как нового министра обороны королевства Дрына Реального.

Напротив этой троицы в креслах расположились начальники полиции больших городов Джаппурии, слетевшиеся со всех четырех планет. Переведя свой пытливый взгляд вправо, Крокозябл в первом ряду обнаружил хорошо ему известного Пахана Родимого, который был одет не в привычные майку и шорты, а в полицейский мундир с какими-то звездами на погонах и большой серебряной медалью, приколотой к груди. Золотой лучевой пистолет был при нем и Пахан ласково поглаживал рукой его рифленую рукоять, торчавшую сбоку из оперативной кобуры.

Черные усы начальника полиции сочинского города Джяна ничуть не уменьшились, а стали даже как будто длиннее, потому что его соседи справа и слева сидели в крайне неудобных позах, подвинувшись на краешки кресел. Видимо, усы застилали им вид президиумной троицы.

Дрын Реальный говорил, гневно взрыкивая:

– Кого вы сюда прислали? Что это за люди? Все они жули-

ки, лентяи и проходимцы! Если мы решили создать армию, значит – в нее надо брать лучших! Как я!

Дрын стукнул себя кулаком по груди и продолжил:

– Вам и нужно-то было отправить в этот учебный центр всего пятьсот человек, из которых должны получиться офицеры для бото-десантных войск. Если те, кого вы прислали, являются цветом нашей полиции – вам остается только утопиться, иначе вы будете видеть перед собой только черный мир! Взять хотя бы этого мерзавца с Дубаря, как там его... а, – Трясуна Махрового. Рота, в которую его определили, уже третий месяц поголовно пьяна! Я перерыл всю казарму и ничего не нашел! А оказалось что? Этот Трясун гонит брагу из диких яблок, которых полно в лесу, и заливает ее вместо антифриза в радиаторы боевых бронеджамобилей! Получается следующее: открываешь снизу краник, подставляешь стакан и – пошла гулянка! Чей боец?

Из второго ряда поднялся длинный и сухой начальник полиции города Колотуна.

– А, господин Колдырь Беспросветный! – узнал его Дрын. – Можете забрать своего самогонщика обратно.

– У меня таких как он – навалом, – заявил Колдырь. – Раз прислали его сюда, значит, пусть остается. Лучших не будет. Нечего харчами перебирать...

Он уселся на место, а Дрын убил у себя на щеке комара. От последнего действия министр обороны расствирепел и продолжил еще резче:

– Этот Трясун – просто шаловливый ребенок по сравнению с другим негодяем. Из города Джяна прибыл некий Рвач Такса. На третий день он утопил свой лучевой пистолет в болоте! Я думал, что этот Рвач просто растяпа. Как бы не так! Позавчера здесь, на Слякоти, в городе Гадюкинске банда налетчиков с помощью лучевого пистолета ограбила один из банков. Слава Дважды Грохнутому Богу, их поймали. Надо ли говорить, что номер пистолета совпадает с тем, который утопил Рвач? На допросе один из бандитов заявил, будто выменял это оружие в Усосанном Лесу на два ящика водки и пачку папирос, набитых джакоином! Кто прислал сюда этого мерзавца?!

Пахан Родимый со своего места произнес с достоинством:

– Я.

Дрын, окинув его взглядом, зацепился за усы и взревел:

– Встать!

– Еще чего? – спокойным голосом поинтересовался Пахан. – Вы министр обороны? Вот и командуйте своими войсками.

– Я сказал, встать перед старшим по званию! – заорал Дрын, выпрыгивая из-за стола.

– Если я встану – твое звание станет посмертным! – сообщил Пахан, вытаскивая из кобуры пистолет.

– Это что такое?! – вскричал Квас, обращаясь к Морсу. – Что себе позволяет этот военный выскочка? Он что, на джокейном поле находится?

– Тихо, господа! – хлопнул по столу ладонью Премьер-министр. – Успокойтесь!

Дрын, пыхтя от злости, уселся за стол, а Пахан невозмутимо сунул пистолет обратно в кобуру.

– Господин генерал говорит правильные слова, – продолжил Морс. – Откуда брать людей для армии, если не из полиции? Потому надо отнестись к комплектации со всей ответственностью...

– У полиции своих дел невпроворот, – перебил его Квас. – И так людей не хватает. А тут еще какая-то армия появилась! Я предлагаю направить нашему послу в Шмордон запрос. Пусть он узнает, как имперцы комплектуют свою армию. Тем более, что в составе посольства в этот раз присутствует специальный атташе. Вот они все разузнают, сообщат нам, и тогда будем думать.

Крокозябл, наблюдая за этим бедламом из своего укромного места, тихо млел от смеха, который еле сдерживал внутри себя героическими усилиями. Но идиллия продолжалась недолго. Весь накал совещания был вызван комарами, которые, нюхнув противно вонявшего посла, медленными воздушными ручейками пролетали через дырки деревянного ящика и, хорошенько прицелившись, находили себе блюда по вкусу. Перепалка, возникшая между Дрыном и Паханом сопровождалась мощными шлепками, которые производились свободными от пистолетов и карандашей руками. Комаров становилось больше и больше, и уже весь зал присо-

единился к аплодисментам.

– Заберите всех своих мерзавцев обратно! – ревел с трибуны Дрын, шлепая комаров на своем лбу.

– Пользуйтесь теми, которых вам дали! – требовал Квас, прихлопывая очередное насекомое, обедающее на его ноге. – И еще спасибо скажите!

– Да разве можно так?! – гаркнул Дрын, окончательно выходя из себя. – Черт знает сколько этих тварей!

– Вы же сами захотели устроить здесь учебный центр, – ехидно заметил Квас. – Так сказать – для выработки у будущих офицеров навыков выносливости и терпения.

– Но не до такой же степени! – крикнул Дрын, вода глазами по залу.

Вдруг взгляд его остановился и уперся в декоративный ящик, за которым прятался Крокозябл.

– Ага! – взревел министр обороны. – Вот откуда они залетают!

Все в зале повернули головы в направлении, указанном Дрыном, и увидели плотное комариное облако, выползающее из решетки ящика для батареи.

Министр обороны вылетел из-за стола, сорвал со стены висевший там большой пенный огнетушитель и подбежал к ящику.

– Сейчас я вам устрою Пятую Шмордонскую войну! – крикнул он, сбивая с рукоятки огнетушителя ограничительную пломбу.

Крокозябл расширенными от страха глазами смотрел на действия министра обороны. Его мозг уже сообразил, что надо быстро удирать, но до ног команда пока не дошла и они оставались бездейственными. А зря!

Мощная струя пены, ударив в решетку, разделилась на десятки потоков поменьше, и все они вонзились Крокозяблу в лицо. Единственное, что он сумел сделать, когда летел вниз по лестнице, увлекаемый мощным потоком пузырящейся пены, – не заорать...

Через полчаса совещание закончилось и Пахан Родимый, находясь в крайне плохом настроении, вышел за ворота пропускного пункта. Вокруг него, отбиваясь от комаров, сновали люди, направляясь к ботам. Но Пахан на парковку не пошел, потому что ему сильно хотелось справить нужду. Справа от ворот начинался лес, и начальник полиции Джяна решительно двинулся именно в ту сторону.

Раздвигая усами ветки, он углубился в кустарник метров на десять, расстегнул ширинку форменных брюк и принялся делать то, зачем пришел. Неожиданно кусты разошлись, и прямо перед носом Пахана возник лорд Крокозябл.

Начальник полиции Джяна, как человек бесстрашный, невозмутимо завершил начатое им дело и только тогда обратил внимание, что стоявший перед ним посол мокр с головы до ног.

– Приношу свои извинения, – сказал Пахан, застегивая ширинку. – Я не знал, что вы отдыхали в этих кустах.

– Ах, бросьте, – махнул рукой Крокозябл. – Мокрой мою одежду сделали не вы.

– А кто? – поинтересовался Пахан, доставая и раскуривая большую сигару.

– Я здесь неподалеку рыбачил, – соврал посол. – Нечаянно упал в воду.

Пахан, пыхнув клубом дыма (отчего несколько сотен комаров, сдурев, шлепнулись на землю), более внимательно оглядел Крокозябла и заметил, что из высоких резиновых сапог рыбака выплескивается пена.

– Много поймали? – спросил начальник полиции.

– Да так. Пару щук, три сома и мешок карасей, – ответил Крокозябл, вытряхивая пальцем воду из уха.

– А я думал, что здесь кроме лягушек ничего не водится, – сказал Пахан. – Ну, не буду вам мешать.

Он развернулся и неторопливо пошел в сторону парковки.

– Простите, но у меня к вам есть один вопрос! – крикнул Крокозябл.

– Слушаю, – Пахан, остановившись, повернулся к послу.

– Вы случайно не видели мою жену? Я уже неделю не могу с ней связаться. Она не берет шморофонную трубку. Леди Крокозябл должна быть в Джяне...

– Она и сейчас там, – сообщил Пахан, пыхтя сигарой.

– Почему же тогда она не отвечает мне?

– Видимо, сильно занята.

– Чем?

– Она обучала Хачапур Волосатого управлению танком. Сердце Крокозябла захлестнула огненная волна ревности.

Он, задыхаясь, спросил:

– И часто их видят вместе?

– Скорее – видели, – ответил Пахан, насмешливо глядя на посла. – Причем ваша жена носилась в этой колымаге, сидя на пушке в обнаженном виде.

– Не может быть! – вскричал Крокозябл. – Она же леди!

– В первую очередь она женщина, а потом уже все остальное.

– Вы хотите сказать, что моя горячо любимая жена спуталась с этим макакоподобным бандитом?! – глаза Крокозябла метали молнии.

– Успокойтесь, – сказал Пахан обнадеживающим голосом. – Это уже в прошлом...

– Что «это»?

– Хачапур Волосатый. Сей жулик решил в бухте Джяна насыпать остров и построить на нем отель-небоскреб. Чтобы узаконить дело, он подарил танк судье Паю Даю. Теперь судья «рассекает» на нем, а ваша жена учит его управлению. Она перешла в чужие руки вместе с машиной как навесное оборудование; ну, или, скажем, как учебная документация.

Пахан Родимый рассмеялся.

Крокозяблу вдруг захотелось от всей души молодецким ударом в нос свалить с ног смешливого начальника полиции, а потом схватить его за усы и, раскрутив как следует,

зашвырнуть на самую высокую елку. Он сжал свои тощие кулаки, но тут же понял, что если кто-то кого-то и зашвырнет повыше, то явно не он и явно не Пахана. Потому что выйдет все наоборот. От невозможности перевести свое желание в физическую плоскость бытия Крокозябл взвыл дурным голосом, развернулся и, ломая кусты, понесся в сторону полянки, на которой стоял его бот.

Пахан, пожав плечами, констатировал вслух:

– Даже шпионским мордам свойственны простые человеческие чувства.

Он ласково улыбнулся и в задумчивом настроении направился к парковке.

Крокозябл же времени даром не терял. Как бы ни помутился от ревности его разум, действовал он в высшей степени профессионально.

Совершив посадку во дворе шмордонского посольства, лорд поднялся по лестнице в свои апартаменты, по пути лишив премии трех нечаянно встретившихся сотрудников. Не повторяя своих прошлых ошибок, он сразу же переделся в майку и шорты, не забыв при этом натянуть плавки.

Затем он взял свой любимый черный портфель и перегрузил в него из большого сейфа, вмонтированного в стену, пять противотанковых гранат. Потом лорд бросил в недра портфеля несколько толстых пачек тагриков, и с этим грузом легко сбежал по лестнице вниз, уволив попавшуюся на пути джаппурскую уборщицу.

Запрыгнув в бот, Крокозябл запустил двигатель и с дикой перегрузкой унесся свечкой в стратосферу.

Патрульный полицейский джабль, висевший на орбите Слякоти, зарегистрировал несанкционированный старт с планеты. Один из полицейских, несших дежурство в боевой рубке джабля, сказал второму:

– Это бот шмордонского посла, о жене которого писали в газетах, будто шлюхи похлеще ее нет во вселенной. Трогать этот бот не велено, но положено доложить министру полиции.

– Доложишь ты, как же, – с сомнением произнес второй полицейский. – У них только что закончилось совещание в Усосанном Лесу. Сейчас Квас вместе с Морсом и Дрыном что делает?

– Квасит, естественно! – догадался первый.

– Правильно, – похвалил его второй. – Посмотрим, куда этот бот полетит. Вот туда и доложим.

Первый полицейский согласно кивнул головой и принялся смотреть в экран радара за рваным полетом спасательного бота, в котором Крокозябл, сторя от желания кого-нибудь убить, изо всех своих сил давил на рукоятку управления двигателем, в надежде скорее увидеть золотые пляжи курортного города Джяна и тяжелый шмордонский танк, рассекающий гусеницами прожаренный Джаппурией песок...

Полицейские патрульного джабля оказались неправы. По-

сле совещания никто квасить не стал, так как Дрын с Квасом друг друга не любили, а Морс в своем джабле улетел на Сочи, где у него должна была состояться встреча с королевой.

Потому спустя два часа Премьер-министр, оставив свой шморовоз под охраной личного водителя, вышел на городской пляж Джяна. Правда, до этого он специально распорядился, чтобы шофер проверил, можно ли парковаться на улице Арбузной. Последний, высунув от усердия язык, оббегал весь квартал и не нашел никаких запрещающих знаков. До встречи с Беллой оставалось еще целых три часа, и Морс решил потратить время с пользой для себя.

Он успел не только наплаваться вволю, но и съесть два початка кукурузы, купленных у вездесущей бабки Чурчхелы Конченой. Более того – за время нахождения на пляже к нему не пристало ни одного свистона, и потому короткий отдых удался на славу.

Слегка уставший, но сытый и довольный, Премьер-министр поднялся на набережную. И здесь так хорошо продолжавшийся день вдруг поменял свой знак с положительного на отрицательный.

На одном из участков набережной расположились сочинские художники, выставившие для продажи свои работы. Морс, проходя мимо, остановился и с интересом принялся разглядывать произведения искусства.

Картин было много и среди них попадались неплохие. В основном, полотна содержали изображения, связанные с

пляжно-курортной тематикой, и прославляли красоту человеческого тела. Взгляд Премьер-министра привлекла одна из таких картин.

На ней прекрасная молодая девушка, стоя на пляже у кромки воды, вытянула струной свое обнаженное тело вверх навстречу закатному шару Джаппурии. Руки ее, поднятые над головой, сплелись в какую-то загадочную ветвистую фигуру, а черные волосы, растрепанные ветерком, струились по плечам непослушными волнами.

Рядом с девушкой на картине была изображена и бабка Чурчхела, протягивающая юной прелестнице початок вареной кукурузы. В глазах старухи застыла зависть, и контраст прекрасного с убогим делал картину эстетически интересной. Морс, очарованный увиденным, решил купить полотно, но сделать этого не успел.

Неожиданно вокруг Премьер-министра замелькали люди в белых одеждах, и идиллически-спокойная набережная вдруг превратилась в натуральный ад, сопряженный с самым обычным погромом.

Картина, так понравившаяся Морсу, была с треском надета на голову старому художнику, написавшему ее; другие полотна оказались брошенными на мостовую и потные звериные рожи, торчавшие из белых одежд, уже топтали их ногами. Вокруг стоял вой, через который пробивались крики:

– Долой блуд!

– Вон отсюда, пакостные малевщики!

– Не позволим порнографии проникнуть в наши души!

Морс попытался криками остановить погром, и потому его мимоходом двинули кулаком в живот. Он, согнувшись от боли, отбежал в сторону. Нападавших было не более десятка, но все они отличались физической крепостью, обильной бородатостью и крайней невежественностью. И вдруг что-то изменилось!

Один из погромщиков с воплем, полным неподдельного изумления, перелетел через парапет набережной и врезался носом в песок пляжа. Морс, преодолевая боль, выпрямился и увидел, что в толпу бородатых фанатиков ворвались два свистона – Эндюльген и Аллилуй. Их посохи крутились, как заведенные, и раздавали удары направо и налево.

Здесь Премьер-министр заметил парочку полицейских, стоявших в сторонке и что-то весело обсуждавших. Один из них ел сушеную джарабульку, обдирая чешую и бросая ее себе под ноги. Морс, держась рукой за живот, подошел к ним и задал справедливый вопрос:

– Почему вы не реагируете на беспорядок?

Полицейский, жуя рыбу, смерил взглядом приставучего старикашку и откровенно ответил:

– Мы с напарником сначала посмотрим, кто победит. Он поставил тысячу на свистонов, а я – на этих белых отморожков столько же.

Морс, наполнившись яростью, открыл рот, собираясь устроить разнос полицейским, но грудь его вдруг взорвалась

огненным пучком боли. Он, задыхаясь, медленно сполз под ноги стражам порядка и растянулся на брусчатке мостовой.

– Никак сознание потерял? – удивился первый полицейский.

– Где-то я его видел, – сказал второй, тупо пялясь на лежащего Морса.

Неожиданно на тело Премьер-министра шлепнулся один из погромщиков. Первый полицейский, отшвырнув в сторону обглоданный рыбий позвоночник, схватил фанатика за плечи и поставил его на ноги. Второй выдал бородачу хороший пинок, и погромщик улетел падать в другое место.

– Мать моя сиротская! – вскричал вдруг второй полицейский. – Да это же Морс Мутный Кисель! Так, я вызываю медиков, а ты делай ему искусственное дыхание!

Он тут же принялся орать в рацию, а его напарник упал на четвереньки и своим ртом добросовестно присосался к посиневшим губам Премьер-министра...

Когда приехала «Скорая помощь», потасовка на набережной уже закончилась. Художники, охая, собирали затоптанные полотна; белые фанатики с набитыми рожами, хромая, нестройной толпой плелись жаловаться пророку Джбсу Суперзвездбсу; Эндюльген с Аллилуем, откупорив бутылку водки, праздновали победу, а первый полицейский положил в карман выигранную у второго тысячу тагриков.

Лишь Морс никак и ни в чем не участвовал. Его аккуратно погрузили в джамобиль фургонного типа с красным ми-

нусом на дверце (эмблема «Общества помощи глухим и нищим») и подключили к аппарату искусственного дыхания.

Джамобиль, чадя и воня бензином, понесся по кочкам в больницу. Голова Премьер-министра, подлетая на колдобинах вместе с носилками и аппаратом, к которому была подключена, получала воздух рывками и тем самым жила перченной и интересной джаппурской жизнью.

Королева, располагаясь на диване, постаралась занять удобное положение, так как живот уже ощутимо мешал ей. Беседа происходила в кабинете главного врача городской больницы Джяна и собеседницей Беллы была министр здравоохранения Джаппурии Пипётта Обязательная.

Министрессе было далеко за сорок, но выглядела она совсем неплохо. Ходили слухи, что у Пипетты были любовные отношения с Морсом, и Белла этим слухам верила, потому что оба члена парочки как нельзя лучше подходили друг другу, если критериями отношений брать вредность и нудность.

Принцесса Нелла, болтая ногами, сидела на диване рядом с матерью и делала вид, будто читает детскую книжку о похождениях доброго суслика Няма в злой стране Шмурляндии.

– Вы говорите, у него инфаркт? – участливо спросила королева.

– Обморок с последующим предынфарктым состоянием, – строгим голосом ответила Пипетта. – Сильное пере-

утомление, связанное с его повседневным трудом. Слишком большую работу вы взвалили на него, ваше величество.

– Жаль, что эта работа не придавила его до конца, – проворботала Нелла себе под нос, но ее услышали.

Королева и министресса осуждающе взглянули на девочку.

– Что вы на меня смотрите? – спросила Нелла, ничуть не смутившись. – Я нечаянно прочитала вслух реплику суслика Няма.

– Где это написано? – поинтересовалась Белла.

– Вот, – принцесса показала ногтем какую-то строчку в книге.

Королева не стала углубляться в текст, а обратилась к Пипетте.

– Я надеюсь, он поправится?

– Да, – ответила министресса. – Но, думаю, ему уже нельзя будет выполнять свою работу в прежнем режиме.

– Выходит, нам надо готовиться к смене Премьер-министра?

– Возможно, – утвердительно кивнула головой министресса.

– И наступят, наконец, светлые времена! – недетским голосом вдруг крикнула Нелла.

Обе женщины вздрогнули от неожиданности и с укором посмотрели на девочку.

– Это суслик Ням так сказал! – принцесса сунула книгу

под нос Пипетте.

Королева отвела руку дочери от лица министрессы и спросила:

– Можно сейчас увидеть Морса и поговорить с ним?

– Нет! – твердо ответила Пипетта. – Он принял нужное количество лекарств и теперь спит.

– Жаль, – печально произнесла королева. – Как проснется, передайте ему наши пожелания скорее поправиться. И скажите, что я сегодня же буду требовать от парламента предоставления Морсу отпуска, нужного для полного восстановления здоровья.

– Лет на десять, мамочка! – присоединилась Нелла.

Как только Белла с дочерью покинули кабинет, Пипетта вышла через другую дверь, проследовала по коридору некоторое расстояние и переступила порог отдельной палаты, в которой лежал Морс. Усевшись на стул в изголовье его кровати, министресса увидела, что Премьер-министр совсем не спит.

Положив свою руку на колено Пипетте, Морс нежно погладил его и сказал:

– Время стучит мне в виски.

– Это не время, Морсик, – ответила ему Пипетта, ответно глядя его руку. – Это кровь. У тебя повышенное давление.

– Нет, дорогая, именно время... Сегодня я не хочу никого видеть. А завтра свяжись с министром иностранных дел и

пригласи его сюда. И еще позови... короче – из парламента сама знаешь кого, и Дотацию Постоянную. Она тоже из моей партии.

– Хорошо, – кивнула головой министресса.

Подумав немного, она задумчиво произнесла:

– Нужный порядок вещей. Мы сделали свое дело, и потому приходится уходить, давая дорогу новому поколению.

– Да, милая, – улыбнулся Морс. – Но это касается нас со Стандартом Резиновым и тех, кого я сказал позвать. А тебе уходить рано! Ведь ты молода и хороша собой.

Пипетта благодарно улыбнулась и сказала:

– А помнишь, как мы с тобой познакомились? Ты был красив и молод, и тебя назначили на должность воспитателя, который принимал нас.

– Тс-с, – Морс испуганно прижал палец к губам.

– Я тихо, – прошептала Пипетта. – Тебе было тогда двадцать лет, а нам – по пять. Ты показался мне волшебным принцем из сказки. Именно меня ты взял за руку, и, назвав красавицей, повел к трапу. А толстяка Кваса чуть не забыли, потому что он в столовой дожевывал пирожное, недоеденное мной! А Застой Твердый упал с трапа и сломал себе нос...

Она тихонько рассмеялась и маленькая слезинка, выкатившись из ее левого глаза, упала на руку Морса. Премьер-министр, улыбнувшись, произнес:

– Жизнь идет своим чередом, но еще не прошла. Я выйду на пенсию, ты бросишь свои пилюли, и мы с тобой уедем

куда-нибудь.

Они помолчали немного и вернулись из мира воспоминаний к действительности.

– Так, – сказала Пипетта, вытирая платочком глаза. – Сейчас выпьешь мочегонные таблетки, чтобы сбить давление, и немного поспишь.

– Как же я буду спать с мочегонными таблетками? – удивился пациент. – В луже?

Министресса нагнулась к голове Морса, желая поцеловать его в лоб, но вдруг испуганно отпрянула.

– Почему от тебя пахнет... нет, – даже воняет сушеной рыбой? – прищурив глаза, спросила Пипетта.

– Не знаю, – искренне ответил Морс.

– Ах, не знаешь? – переспросила министресса, сводя губы в узкую линию. – Значит, ты не ел эту мерзкую, дохлую, склизкую, жирную, соленую, сушеную рыбу?

– Нет, – честно сказал Премьер-министр.

– Тогда сразу после приема таблеток я поставлю тебе клизму! – взвизгнула она.

– А без клизмы нельзя? – недовольно спросил Морс.

– Нельзя, – успокоившись рывком воли, ответила Пипетта. – Заодно обследуем кишечник ректоскопом. Сам говорил, что время тебе куда-то там стучит. Вот и посмотрим, куда и что! Будешь в следующий раз думать, прежде чем в рот всякую гадость пихать!

Морс, взглянув в потолок, вдруг вспомнил полицейско-

го на набережной, жующего сушеную рыбу. Но связать этот факт с запахом, исходящим от него самого, не смог, поскольку участвовал в реанимационных мероприятиях в качестве бессознательного мешка с костями. В связи с этим он тяжело вздохнул и отдался в прекрасные медицинские руки любимой женщины.

Аккуратно посадив бот в центр какой-то заброшенной стройки, располагавшейся на окраине города Джяна, лорд Крокозябл взял такси и подъехал к городскому пляжу.

Возле кромки воды он разделся, накрыл свой черный портфель майкой, достал из карманов шорт пару увесистых булыжников, подобранных на стройке, и зашел в море. С наслаждением плюхаясь возле берега, он охлаждал тело.

Через пару минут Крокозябл, не выходя из воды, использовал булыжники по назначению, дважды подбив ожидаемую цель. Один из пляжных воришек, позарившийся на посольский портфель, с воплями убежал в сторону набережной, держа руками за голову и зад.

– Личный опыт – великая штука! – довольно сказал Крокозябл сам себе.

Он вылез из воды, намазался противоожоговым кремом, и, растянувшись на песке, стал ждать. Ему было все равно, кто появится первым: свистоны или бабка Чурчхела. Все они были нужны только для одного дела – получения нужной послу информации. Поскольку свистоны в этот момент были

заняты на набережной мордобоем с приспешниками Джоса Суперзвездоса, Крокозябл дождался Чурчхелы.

Купив у нее початок кукурузы, он не взял сдачи, что привело старуху в неопишимо– радужное настроение. Нахваливая кукурузу, Крокозябл спросил:

– Говорят, у вас тут танки ездят?

– Один есть, – ответила довольная бабка. – Но вони и шума от него – как от стада цирковых слонов! А ездит в нем судья Пай Дай вместе с этой похабной Крокозяблихой!

Посол, слегка подавившись кукурузой, поинтересовался:

– С утра до вечера?

– Куда там! – усмехнулась Чурчхела. – Днем эти развратники дрыхнут. А как только Джаппурия начинает садиться за горизонт, они подъезжают к ресторану «Кошерный копчик», что находится в Халяльном переулке, закрывают танковые люки на сигнализацию и начинают пьянствовать. Ну, а потом едут куролесить. Либо в пустыню, либо к Хачапуру в казино «Поле дураков».

Узнав все, что было нужно, Крокозябл доел початок, оделся и быстрым шагом вышел на набережную. Спросив у первого же попавшегося навстречу торговца жареными семечками, как пройти в Халяльный переулок, посол отправился в указанном направлении, и через десять минут уже входил в нужный ему ресторан.

Заказав себе двести граммов коньяка, бутерброд с копченой суслятиной, лимон и чашку кофе, Крокозябл уселся

за один из столиков на открытой террасе, выходящей в переулок. Убедившись, что с его места открывается чудесный вид, и танк незамеченным никак мимо не проедет, посол хлебнул коньяка, закусил лимоном и стал терпеливо ждать.

Он знал, что бронированной машине весом в шестьдесят тонн одна противотанковая граната совсем не страшна. Чтобы подорвать такое чудовище конкретно, надо было соединить все пять имеющихся гранат в одну связку. Но даже самому сильному гранатометчику не удастся бросить такую связку далеко (ввиду ее тяжести), и он рискует взлететь в небо вместе с подрываемым танком.

Но одна граната легко сорвет гусеницу и бронированная машина не сможет ехать дальше! А экипаж вряд ли останется сидеть в танке, ибо – что там делать без кондиционера? Вот когда экипаж начнет эвакуироваться наружу, тогда и наступит время Крокозябла! Посол, ухмыльнувшись, присосался к бокалу.

Но время шло, а танк не появлялся. Крокозябл, допив коньяк и доев бутерброд, заказал себе еще сто граммов. Потом еще и еще раз еще... Странное дело, но алкоголь, сжигаемый ревностью, не делал его пьяным (по его мнению)! Золотой шар Джаппурии клонился к горизонту, а Крокозябл шептал и шептал себе под нос:

– Мерзавка! Изменница! Наплевала на все святое... Раздавила распутным местом мою любовь... Предала мою верность! Да, я раньше ненавидел тебя. Но сейчас-то все наобо-

рот!

Он отхлебнул опять и здесь его слух уловил тонкий звук комариного зудения.

– Что, снова?! – возмутился Крокозябл. – И здесь эти бесовы комары?! Ну, сейчас я вам дам! Взорву вас!

Он сунул руку вниз, нащупал портфель, стоявший под столом, расстегнул его и достал одну гранату.

– Я очищу эту планету от комарья! – взревел Крокозябл, поднимая руку с гранатой вверх.

Посетители ресторана, нудно жевавшие заказанные ими деликатесы, с удивлением и интересом стали смотреть на разворачивавшееся перед их глазами представление.

Крокозябл, опрокинув стул, вскочил на ноги. И здесь переулок вдруг наполнился леденящим душу ревом! Посол взглянул вперед и увидел танк, вывернувший из-за угла. Громоздкое бронированное чудовище неторопливо катилось по мостовой, хрустя ломаемыми булыжниками брусчатки. Прохожие разбежались в стороны и прятались в первых же попавшихся дверях. Судя по тому, как быстро опустел переулок, народ привык к ежедневному появлению танка в этом месте. Джяна и потому достаточно хорошо натренировался удирать с дороги.

Крокозябл, посмотрев на гранату, зажатую в правой руке, вспомнил, что он здесь делает. Придав своему лицу суровое мужественное выражение, он медленно вышел в переулок и встал посреди проезжей части. Сердце его наполнилось ге-

роизмом, в связи с чем грудь потребовала больше воздуха.

Посол поднял руки к горлу, но понял, что граната ему мешает. Тогда он сунул ее между ног, схватился обеими руками за ворот майки, рванул его что было сил, и ткань треснула до самого пупа. Получив от этого смелого поступка моральное удовлетворение, Крокозябл вдохнул воздух полной грудью, вытащил гранату из промежности и, взяв ее за длинную черную рукоять, изготовил для броска.

Танк продолжал неторопливо катиться, все ближе подбегая к самоотверженному гранатометчику. Он имел газотурбинный двигатель, отбрасывающий звук назад, и потому его далекий свист был сначала принят Крокозяблом за зудение комариных полчищ. Теперь же в узких стенах переуллка рев, возвращаемый назад фасадами домов, давил на уши так, что казалось, будто весь мир погрузился в центр ревушего циклона.

Волосы на голове Крокозябла поднялись дыбом, и он, судя от напряженности момента, рванул чеку и швырнул гранату вперед. Упав на мостовую, посол закатился в углубление, оставленное гусеницами танка ранее, в периоды прошлых посещений его хозяевами ресторана, и увидел, как танк, накрыв собой гранату, остановился. Дуло его орудия, направленное вверх под углом в сорок пять градусов, качнулось, удерживаемое стабилизаторами. И тут же грянул взрыв!

Танк окутался облаком дыма, по мостовой застучали

осколки, и в домах рядом посыпались стекла. Кто-то в ресторане истошно заорал:

– Атас! Шмордонцы идут!

Крокозябл приподнял голову и в просвете среди клубов дыма увидел, что левая гусеница танка сползла на мостовую. Передний люк под пушкой поднялся. Из него на броню выпрыгнула красивая стройная женщина, одетая в вечернее платье. Встряхнув копной дивных золотистых волос, она крикнула в сторону посла:

– Эй, ханыга в порванной майке! Ты что натворил?!

Крокозябл, узнавший в красавице свою жену, удивился ее познаниям в джаппурском языке, но ревность, новой волной окатившая его, не дала раздумывать дальше. Он вскочил на ноги, рывком преодолел расстояние до танка, запрыгнул на броню и сходу залепил своей жене пощечину.

– Шлюха! – рявкнул он в ее покрасневшее лицо. – Проститутка!

Глаза леди Крокозябл от удивления увеличились раза в два.

– Милый, неужели это ты? – не веря своим глазам, спросила она.

В этот момент крышка второго люка, находившегося в танковой башне, откинулась вверх и замерла в вертикальном положении. Из люка появилась сморщенная плешивая голова, которая поинтересовалась противным голосом:

– Дорогая, что случилось? Почему танк не едет?

– Дорогая?! – возопил посол.

Он в два прыжка взлетел на башню. Голова, увидев перед собой грязного человека в рваной майке, попыталась нырнуть обратно в люк, но Крокозябл, оказавшийся проворнее, уже схватился пальцами левой руки за одно из торчавших ушей.

– Сейчас твой танк так поедет, что ты от скорости не успеешь увидеть достопримечательности! – зловеще процедил посол и крутнул ухо.

– Ай! – заверещала голова. – Как ты смеешь?! Я – лицо неприкосновенное!

– Представь себе, я тоже! – ответил Крокозябл.

Он разжал пальцы и кулаком правой руки от души врезал крикливой голове в глаз. Голова откинулась назад и стукнулась затылком о вертикально торчавшую сзади крышку люка. Раздался мелодичный звон. Крокозябл снова поймал голову за ухо.

– Я судья Пай Дай! – взвизгнула голова. – Ты у меня сядешь!

– А ты ляжешь! – ответил посол и врезал судье кулаком в другой глаз.

Голова служителя джаппурского закона повторно врезалась в люк. В этот раз удар был настолько сильным, что Крокозябл не успел поймать ее за ухо. Она отскочила от крышки и провалилась в люк. Крышка захлопнулась. На какой из рычагов свалился судья – неизвестно. Но, видимо, рычаг был

особенным, потому что пушка вдруг оглушительно грохнула, и в бездонное сочинское небо со свистом улетел снаряд. Крокозябл, выпрямившись в полный рост, обалдело взглянул сверху вниз на свою жену.

Леди Крокозябл стояла, прижав к щекам ладони, и с обожанием смотрела на своего мужа.

– Милый, – произнесла она с придыханием. – Я не знала, каким грозным ты бываешь...

– Откуда у него взялись боеприпасы? – удивленно спросил посол. – Ведь танк сюда доставили без них.

– Да Хачапур купил целый вагон у разгульдяйских контрабандистов, – ответила ему своим обычным голосом жена и махнула рукой, будто говорила о какой-то пустяковой мелочи.

И тут же перешла на прежнюю манеру общения: с придыханиями и восхищенными взглядами.

– Любимый, я с тобой больше не расстанусь никогда! – восторженно сказала она.

Крокозябл спрыгнул вниз, схватил жену за руку и строгим голосом спросил:

– Значит, судье снаряды достались по наследству, как и ты?

– Снаряды – да, – согласилась леди Крокозябл, сияя глазами. – А я всегда тебе была верна. Я просто шпионила. У меня ничего такого с ними не было. Двенадцатиликим Богом клянусь! Неужели ты мне не веришь?

И она припечаталась своими губами к губам лорда Крокозябла. Посол тут же растаял, как сало суслика на сковородке. Сколько бы продолжалась эта семейная идиллия – неизвестно, но вдруг где-то вдалеке раздались крики.

Влюбленные Крокозяблы, оторвавшись друг от друга, посмотрели в конец переулка и увидели там толпу полицейских мундиров, несущуюся к ним. Впереди этой своры перпендикулярно стенам зданий двигались громадные черные усы, выделяясь из общей массы форменной одежды.

– Это Пахан Родимый! – испуганно сообщил жене Крокозябл.

– Уйдем дворами, – обнадежила его леди. – Я тут все проходы изучила.

Крокозябл, спрыгнув с танка, подхватил ее и поставил на брусчатку. Жена посла, сбросив с ног туфли на высоких каблуках, устремилась босиком к ближайшей подворотне, увлекая за собой мужа...

Пахан Родимый, пыхтя сигарой, задумчиво смотрел на танковую гусеницу, распластавшуюся по проезжей части. Один из полицейских, глядя туда же, докладывал:

– Судья Пай Дай доставлен в больницу. Предварительный диагноз – алкоголизм...

– Об этом вся планета знает! – перебил подчиненного Пахан. – Конкретнее!

– Сотрясение головного мозга, плюс гематомы под глазами и в области затылка, – продолжил полицейский. – И ухо

слегка надорвано. На две трети.

– Куда попал снаряд?

– На южной окраине недостроенный стадион. Там Крокозябл посадил свой бот. Вот снаряд в этот бот и попал. Теперь нет ни бота, ни стадиона. Там в баке бота топливо ракетное было. Оно и рвануло, как следует. Теперь мэр Джяна опять отмажется от обвинений в воровстве. Нет стадиона – нет доказательств.

– Откуда у судьи взялся снаряд? Насколько я знаю – танк был доставлен из Шмордона без боекомплекта.

– Хм, – хмыкнул полицейский. – Мы проверили: в механизме зарядания еще тридцать два снаряда имеются.

Пахан, выбросив окурок сигары в урну, распорядился:

– Позвони в службу эвакуации. Пусть пришлют сюда пару джактористов. У них есть такие специалисты. Они поставят гусеницу на место, а танк загонят во двор Управления. Все люки опечатать и выставить к танку охрану. Без моей команды никого к нему не пускать!

– А если судья придет за ним?

– Ты глухой?

– Понял, никого не пускать! – рявкнул полицейский. – А как быть с послом и его женой? Ловить?

– Не лезь в это дипломатическое дерьмо, – посоветовал ему начальник полиции Джяна. – Я сам их поймаю.

Полицейский убежал выполнять распоряжение, а Пахан Родимый неторопливой походкой направился в сторону го-

родского пляжа.

Пока продолжалась вся эта полицейская работа, посетители ресторана, с интересом наблюдавшие за действиями стражей порядка, не обращали внимания на обедавшего за угловым столиком солидного носатого господина, одетого в приличный летний костюм. А зря!

Господин, до конца прожевав свиную отбивную, вытер губы салфеткой, и с таким видом, будто он зашел к себе домой, уселся за столик, недавно покинутый Крокозяблом. Нюхнув пустую рюмку, он допил уже остывший кофе из чашки посла, уверенно сунул руку вниз и взялся за ручку черного портфеля. Встав из-за стола, господин аккуратно задвинул стул, сошел с террасы на мостовую и неторопливо пошел хоть и в неизвестном, но явно жульническом направлении.

А в портфеле, тесно прижавшись друг к другу, мирно лежали обложенные пачками тагриков четыре противотанковые гранаты, волею судьбы сменившие хозяина, но оставшиеся верными своим убийственным свойствам и взрывному предназначению.

ШМОРДОН. ШМОРА

В желтом свете естественного спутника Шморы, который назывался Кукарачей, спальня казалась кладбищенским склепом, заставленным вдоль стен ровными рядами шкафов. «Надо бы повесить занавески», – подумал Джем. Он улегся в

кровать и закрыл глаза. Через пять минут пришло понимание, что заснуть сразу не удастся. Тогда Джем повернулся на спину, хлюпнул слегка подбитым носом и задумался.

В комнате запахло табаком. Джем, переведя взгляд влево, заметил, как со стороны одного из шкафов струится сизый дым, в свете Кукарачи похожий на облако выхлопных газов шморовоза. Шпион находился на своем обычном месте. «Интересно, а ходит ли он в туалет? И куда?» – возник вопрос в голове Джема.

Ему тут же представился мрачный подземный ход с торчавшими в стенах факелами, пламя которых зыбко плясало от сквозняка. В середине хода находилась белая пластиковая дверь с нарисованной на ней громадной буквой «М», и прямо у порога этой двери высилась здоровенная куча дерьма.

Джем встряхнул головой и видение пропало. Он перевернулся на левый бок, чтобы не упускать из виду шкаф с курящим внутри шпионом, и принялся вспоминать события, участником которых он стал за месяц, проведенный им в самом центре Шмордонской империи...

После аудиенции у императора Джем вернулся в посольство, где уже находился Кебаб. Был он грязным и ободраным.

– Черт знает что! – возмущался последний. – Вечно в этот Шмордон не въедешь по-человечески! Впрочем – не выедешь тоже... Стоим на перекрестке, никого не трогаем. Я даже за руль в этот раз не влез. И что? Помогло, думаете?

Дудки!

Кебаб скрутил кукиш и почему-то сунул его под нос Джемму.

– Вылетает из-за угла танк, и хр-рысь гусеницами по капоту! Я в стекло лбом – блямц! За ним второй. Я в окно, водитель – в другое! А танк по крыше – вжик! Тут и третий подоспел. И по багажнику – как по картонной коробке... Был шморовоз – и нету! А я лежу себе в луже и думаю, каким бы сам стал, если б не успел выпрыгнуть? Невозможно представить в деталях! Как до своей раздавленной печени дохожу – сразу тошнить начинает... И это цивилизованное государство?!

Джем, смеясь, предложил отпраздновать прибытие в Шмордон, и весь немногочисленный штат посольства засел в ближайшем ресторане, который носил гордое название «Шмордонский империял». Поскольку в этот раз место начальника службы безопасности пустовало, двери посольства просто заперли на ключ.

– Все равно, – заметил по этому поводу Джем. – Кому надо – и так сюда войдут. А кому не следует – преградят путь шпионы, сидящие в шкафах.

Вечер прошел весело. Шмордонцы были любезны, хозяин ресторана обходителен (особенно, когда узнал об отсутствии Отжима), а то, что Кебаб в туалете набил морду какому-то наглому танковому офицеру, сошло с рук.

Офицер был сильно пьян и сразу после драки забыл о ней,

рассказывая посетителям ресторана, будто его разбитый нос вкупе с синяками под глазами – следствие жестокого боя с разгульдяйскими пиратами, в котором он принимал участие, штурмуя своим танком их звездолет.

Утром состоялось торжественное открытие памятника предыдущему императору Шмору Двенадцатому, который, как известно, не стерпев мук поражения от джаппурцев, вставил свою голову в дуло гаубицы и героически дернул веревочку.

Джем с друзьями наблюдали за этим мероприятием из окон посольства, а для лучшей видимости Кебаб притащил бинокль, который он нашел в вещах Отжима, предварительно хорошо порывшись в них.

На постаменте, вытесанном из черного гранита, стояла настоящая гаубица. Под ее дулом расположилась парочка скульптур, отлитых в бронзе. Шмор Двенадцатый с короной на голове отдавал честь бороде, торчавшей из окошка бомбы Шмора Великого, и лицо его сияло мужественной значительностью.

Рядом с императором застыла фигура изящной красивой женщины. Крылышки, торчавшие у нее из спины, олицетворяли, по всей видимости, ангельскую сущность участницы скульптурной группы. А цепочка, находившаяся в ее руке, и протягиваемая Шмору Двенадцатому, по мнению скульптора должна была еще более усилить вышеназванное олицетворение. Тем более, что второй конец цепи был прикреплен к

затвору гаубицы и желтый блеск металла рождал предположение, что цепь эта отлита из золота.

– Н-да, – протянул Джем. – Они опять наступили на свои обычные грабли. Герб на бомбе Шмора Великого облизывали до тех пор, пока его не покрыли серебрянкой. Теперь будут с цепью взасос целоваться...

– Да пусть хоть обкусывают, – сказал Хапс. – Лишь бы к нам не лезли.

В бинокль было хорошо видно, какое впечатление открытие монумента произвело на присутствующих. Шмореньш, глядя на своих отца и мать, застывших в бронзе, ревел, разбрызгивая слезы по сторонам, а дон Крендель платочком заботливо утирал ему соплю. Император Шмор Тринадцатый тоже смотрел на памятник, но почему-то был спокоен, хотя фигуры, застывшие на постаменте были ему более, чем знакомы, поскольку представляли собой его жену и, соответственно, отца.

Командующий Звездным Флотом Шмордона лорд Надолб был по-военному подтянут и крепко пьян. Он, тупо плясая на гаубицу, периодически икал и что-то искал рукой в правом кармане своих галифе. Размер форменных брюк был таков, что в их карманах могла спрятаться не одна фляжка с помидоровкой и джаппурцы дружно посмеялись над этим фактом. Адъютант лорда Надолба дон Салабон стоял позади адмирала и удерживал его от падения и порывистых движений.

И здесь Джем, водя биноклем по рядам приглашенных чиновников, вдруг обнаружил знакомое лицо. Он вернул бинокль обратно и понял, что видит рядом с адмиралом Надолбом банкира Крокозябла-старшего. Всем своим видом банкир выражал готовность упасть на мостовую и забыться в глубоком сне. Он периодически закрывал глаза и пытался завалиться на дону Салабона, но тот совсем не зевал и резкими локтевыми тычками приводил Крокозябла в бодрствующее состояние.

Джем решил после окончания торжественного мероприятия позвонить Вискерсу и справиться у того, где банкир отсутствовал столь долгое время. Кстати, а почему не видно графа?

Джем покрутил головой и успокоился. Вискерс также присутствовал на площади, но выполнял свои обычные административные обязанности, выразившиеся в изгнании с мероприятия дворника (бывшего маркиза Шухера), имевшего наглость подкрасться со своей метлой прямо к самому памятнику! Дворник, подняв метлу на плечо, удирал разнужданной рысью, а Вискерс, периодически догоняя маркиза, ускорял его путь добрыми пинками под зад. Когда нога графа попадала в цель, Шухер подпрыгивал, и разлапистая щетка метлы, содрогаясь, казалась развевающимся знаменем.

После официальной церемонии открытия состоялся военный парад, который принимал лично император. Перед трибуной прошли полки пехоты, и проследовала колонна тан-

ков.

– У-у-у, сволочи! – процедил Кебаб. – Как их только брусчатка мостовой держит...

Джем, обведя взглядом площадь, увидел бороду, торчащую из бомбы Шмора Великого.

– Интересно, кто там сидит в этот раз? – спросил он вслух.

– Пропістор Инквизит, – ответил Хапс. – Вчера в ресторане мне бармен рассказал.

Его туда Шмор Тринадцатый закатал как явного коллаборациониста, перепутавшего духовные ценности с мирскими.

– Надолго?

– Черт его знает, – пожал плечами Хапс. – Говорят, император опять секуляризировал церковные земли, а Инквизит предал его анафеме. Верующие пытались в поддержку святого отца организовать митинг на площади, но агенты из Министерства Безопасности Шмордона разогнали их. Вроде бы есть арестованные.

– Много?

– Нет, не много. Тысячи две-три, не больше...

Сразу после окончания церемонии пришлось заняться рутинной работой.

Шпионов, желающих отправиться в Джаппурию на законных основаниях (в виде туристов), накопилось несколько десятков и Хапс с Батоном занялись делом. Хапс выписывал им визы, Батон щелкал шморокамерой, и в заключительной стадии оформления бумаг туристы заходили в специальный

кабинет, где Джем ставил свою подпись и большую посольскую печать на выписанные документы.

Шпионы были почтительны и исполнительно-деревянны. Пока они ждали своей очереди, Кебаб выдергивал их парами и в приказном порядке требовал помочь государству, которое они хотят посетить. Таким образом во всем здании была передвинута мебель в нужном Кебабу порядке, вымыты полы и окна, отремонтированы неисправные краны и даже доставлен запас продовольствия (Кебаб послал парочку шпионов в магазин и потом заявил, что потраченные ими деньги – дополнительный курортный сбор, введенный Премьер-министром Морсом всего неделю назад).

Наконец в кабинет Джема вошли два последних туриста. Он поднял на них взгляд и присвистнул. Перед ним стояли Дивер и Сант, которые во время Третьей Шмордонской войны отбывали каторгу на Тринадцатой планете Джаппурии под руководством самого Джема.

– Ба! – радостно вскрикнул посол, вылетая из-за стола. – Вот это встреча!

Он подошел к шпионам и принялся по-очереди пожимать им руки. Дивер, сделав лицо каменным, сказал:

– Нам тоже очень приятно, господин посол.

– Да бросьте вы! – не унимался Джем, искренне веселясь. – Давайте по-простому! Так сказать – по-дружески. Ведь сколько тушенки сожрано, считай, вместе...

Оба шпиона дружно оскалились желтозубыми улыбками.

– Не понял! – удивился Джем. – У вас что, все зубы золотые?

– Ага! – ответили Дивер и Сант хором.

– Я вижу, вам пошли на пользу мешки с золотом, украденные с Тринадцатой планеты, – заключил Джем.

– Ничего подобного! – воскликнул Дивер, у которого от слов посла тут же упало настроение. – Это золото отобрал у нас банкир Крокозябл. А зубы нам поставили по личному распоряжению императора за заслуги перед Шмордоном. Своих-то у нас не осталось...

– И куда же они делись? – спросил Джем, удивленно задрал брови вверх.

– Сожрались вместе с твоими конфетами! – рявкнул вдруг Сант.

– Но это невозможно! – воскликнул Джем, еле сдерживая себя от смеха. – Я же посылал карамельные конфеты, которые можно только сосать. При чем тут зубы?

– Ну, не сожрались, так сосались, – миролюбиво заметил Дивер. – Здорово ты нас поддел!

– Я же говорил, что в рационе конфеты будут, вот и выполнил обещание!

Джем, не выдержав, громко расхохотался. Шпионы, молча глядя на него, совсем не смеялись, потому что скрежетали зубами от злости. Заметив это, Джем заставил себя стать серьезным и заметил:

– Хватит зубами стучать. Они у вас теперь не бесплатные,

данные при рождении. От скрежета золото стирается и меньше весит. Не обворовывайте сами себя... Давайте бумаги!

Шпионы протянули визы. Джем, подойдя к столу, подписал их, шлепнул печатью и вернул обратно. Напоследок он поинтересовался:

– Ну что вас опять тянет в Джаппурию?

– Мы там вкалывали в рудниках, – пояснил Дивер. – А теперь хотим отдохнуть как люди.

– Знаю я ваш отдых! – заявил Джем. – Опять на шпионите и поедете туда, где зубы потеряли. Учтите, в следующий раз сосательных конфет не увидите. Клянусь, что буду посылать вам залежавшийся грильяж в шоколаде. Эти конфеты покрепче карамели будут!

– Спасибо за заботу, – поблагодарил Сант с кривой улыбкой. – Но на каторге мы больше не окажемся.

– Поживем – увидим, – пожал плечами Джем...

Дым из шкафа идти перестал и сменился звуками. Послышалось громкое цоканье языком, сопенье и какое-то тихое мычанье. Джем, чертыхнувшись, встал с кровати, вдел ноги в туфли и спустился вниз. Зайдя в кухню, он открыл холодильник и вытащил из него кусок копченой колбасы, прихваченной Кебабом из ресторана и недоеденной им же.

Поднявшись к себе в спальню, Джем включил свет, подошел к шкафу и нажал рукой в нужное место задней стенки. Панель отъехала в сторону и взгляду посла представилась темная лестница, уходящая вниз. В этот раз агент Хмырь был

более расторопен и успел смыться вовремя, о чем свидетельствовал топот, раздававшийся где-то в подвалах.

Джем положил колбасу на верхнюю площадку лестницы, закрыл заднюю стенку шкафа, выключил свет и улегся в кровать. «Интересно, как он найдет колбасу в темноте?» – возник у него в голове вопрос. «По запаху», – тут же пришел ответ.

Через некоторое короткое время в шкафу раздалось чавканье и сладострастное чмоканье. Спустя минуту звуки завершились громкой двухсторонней отрыжкой, и из шкафа опять повалил густой табачный дым.

«Благими намерениями смазан путь к сортиру», – вспомнил Джем старинное джаппурское выражение. Ему захотелось снова встать, открыть шкаф и, догнав агента, набить его скотскую рожу. Но он поборол в себе этот логичный порыв и вспомнил день сегодняшний. Улыбка непроизвольно тронула губы Джема...

День начался с того, что прибыл посольский джабль из Джаппурии, который в беспилотном режиме прилетал раз в две недели. Батон на предоставленном императором для нужд посольства шморовозе съездил в космопорт, куда джабль произвел посадку, и привез почту, которая состояла всего из двух писем.

Толстое, проштампованное кучей печатей, Джем отложил в сторону и вскрыл маленький конвертик, пахнувший розовым маслом, корицей и еще чем-то до одури приятным и

волнующим.

Белла сообщала, что все у них с Неллой хорошо, Морс упал в обморок и ему грозит отставка по состоянию здоровья (тоже приятная весть), а беременность королевы протекает спокойней, чем предыдущая. Далее писалось, что Белла с Неллой его любят и с нетерпением ждут возвращения. В письме также находилась странная абстрактная фотография, на обратной стороне которой почерком Беллы имелась надпись: «Это результат ультразвукового исследования. Изучи и придумай имя!»

Джем более внимательно взгляделся в изображение и через несколько мучительных минут, проведенных в раздумье, понял, что видит ребенка, находящегося в чреве матери. Фотография была сделана, когда малыш повернулся к объективу задом. Джем прекрасно видел попку и две раздвинутые в стороны ноги. И между ними маленьким треугольником торчали писун и два крохотных яичка. Да это же мальчик!

– У меня будет сын! – заорал Джем и пустился в пляс, размахивая фотографией.

В кабинет ворвались Батон, Кебаб и Хапс. Увидев скачущего по комнате Джема, они сразу догадались о характере его веселья и дружно поддержали своего товарища. А потом все завертелось и ожидаемо закончилось посещением прежнего ресторана. Вот только офицеров-танкистов в этот раз оказалось двое, и поскольку случай попадал в разряд оптовых, Хапсу пришлось немного помочь Кебабу. Правда, у тан-

кистов нашлась группа поддержки, состоявшая из трех артиллеристов, заседавших у стойки бара. Поэтому к веселью подключился Батон, а затем и Джем. Короче – навешали друг другу хорошо. А потом устроили коллективное подведение итогов с тостами: «За героизм!», «За здоровье императора!» и «Слава танковым войскам!».

Офицеры оказались приятными компанейскими людьми, трезво глядящими на мир с обычной военной тупостью, и потому уже после третьего тоста джаппурцы знали количество танков в Седьмой дивизии и имели полное представление о строении сухопутных войск Шмордона...

Джем, зевнув, хлопнул носом и решил, что день прожит не зря. Он закрыл глаза, но неожиданно вспомнил о письме с печатями, про которое совершенно забыл. Оно так и осталось валяться в кабинете на столе. «Ну и черт с ним!» – подумалось ему. «Ничего с ним до утра не случится». Но неожиданно Джем вспомнились строки из письма Беллы о Морсе. А вдруг в пакете что-то интересное? Джем встал с кровати и обулся (дым из шкафа тут же перестал идти). Он выскочил из спальни, зашел в свой кабинет и включил свет.

Пакет лежал на краешке стола в том же положении, как его бросили. Джем вскрыл его и, усевшись на диван, углубился в чтение. И чем больше он вчитывался, тем сильнее поднимались вверх его брови. Текст был таким:

«Уважаемый Джем. Прошу отнестись к этому посланию со всей серьезностью, на которую Вы способны. К сожалению»

нию, Джаппурия опять в опасности. И спасение ее зависит только от Вас! Предупреждаю: о сути этого послания кроме Вас не должен знать никто.

Вам надлежит срочно покинуть Шмордон и прибыть в Джаппурию. Только одному Вам! Все необходимые на этот случай документы есть в вашем посольском портфеле (в том числе и грамота, назначающая Батона временным поверенным в делах). Поскольку во власти императора помешать Вашему отбытию, операция должна быть проведена тайно.

Посольский джабль запрограммирован на обратный беспилотный полет. Нужно только нажать кнопку. Вот Вы и нажмете. После того, как тайно проникнете на его борт. А Батон сообщит императору о Вашем отбытии через несколько дней, когда джабль будет уже далеко. Причина отзыва – получение новых устных инструкций.

Запас воды и еды в джабле имеется. Приказываю Вам сделать все это срочно!

Премьер-министр Морс.

Примечание.

Для того, чтобы вы не подумали, будто я организовал для Вас какую-нибудь очередную пакость, это послание подписывают еще два официальных лица.

Спикер Парламента Статус Борзый.

Председатель Верховного Суда Казус Сомнительный».

– Черт знает что! – радостно возмутился Джем.

Перед его глазами возникло милое лицо Беллы, и он улыбнулся.

Какая-то непонятная опасность, возникшая для Джаппурии, абсолютно не взволновала Джема, потому что этих опасностей всегда – пруд пруди. А вот возможность слетать домой существенно подняла его настроение.

Вспомнив, что за стенкой служебного кабинета находится спальня Батона, Джем тихо вышел в коридор и постучался к тому в дверь.

– Какого черта?! – донесся из комнаты сонный голос.

– Батоша, это я, Джем, – сказал посол, слегка приоткрыв дверь. – Объявляю тревогу! Разбуди Кебаба и Хапса. Через пять минут собираемся на парадном крыльце.

Спустя указанное время весь штат джаппурского посольства находился на крыльце здания. Дипломатические сотрудники, трясясь от ночного ветерка, обозревали пустую площадь, и слушали Джема, который тихо зачитывал им секретное послание Морса.

– Но почему мы собрались здесь? – недовольным голосом поинтересовался Хапс.

– Да, – согласился с Хапсом Кебаб. – Почему, например,

не в туалете?

– Потому что только здесь нет шкафов, в которых сидят шпионы, – ответил Джем. – И то я не уверен до конца.

Он потопал ногой и прислушался.

– Все равно они обнаружат, что тебя нет в здании, – заметил Батон. – Ночью не зайдешь в спальню – и сразу это заметят...

– А вы распределитесь между собой: кому какая комната. И раз в три-четыре часа хлопайте везде шкафами. Агенты станут сматываться в подвалы, и иллюзия присутствия будет сохранена.

– Идет, – кивнул головой Батон.

– А как мне проникнуть в джабль? – спросил Джем.

– Запросто! – воскликнул Кебаб. – Я сажусь за руль шмороза, Батон с документами справа, а ты – в багажнике. Заезжаем в космопорт (основание – отправка джаблем дипломатической почты). Мы с Джемом стартуем, а Батон возвращается назад.

– А если на КПП спросят, куда подевался водитель? – задал справедливый вопрос Хапс.

– Батон ответит, что им привиделось спросонья. Все равно у меня до сих пор нет никаких документов. Морс, мерзавец, не прислал. Я не существую на этой планете!

– Стоп! – воскликнул Джем. – Но в приказе написано, что лечу только я!

– А я тебя одного не брошу, – отмахнулся от него рукой

Кебаб. – Летим вместе, и все тут!

Через час с небольшим джабль вышел за пределы атмосферы Шморы, а здание джаппурского посольства наполнилось разными веселыми звуками. Хапс, бегая по всем комнатам, лупил дверцы шкафов ручкой деревянной швабры и орал:

– Гадские агенты! Достали! Сейчас я вас всех измочалю!

Периодически прикладывая уши к задним стенкам шкафов, Хапс слышал энергичный топот сапог, наполнявший ходы подземных коридоров. Тогда он садился на один из диванов, хорошенько прикладываясь к большой пивной бутылке и, отдохнув таким образом, опять принимался за прежнее дело.

– Итак, наконец-то мы с вами встретились, – сказал император, прогуливаясь у себя в кабинете вдоль длинного стола. – Мне докладывали, что врачи не могут вас разбудить до конца, несмотря на гору возбуждающих препаратов, которыми они вас пичкают. Но сегодня я получил известие, что все у вас теперь хорошо. И вот вы здесь...

Шмор Тринадцатый остановился и послал барону Крокозяблу взгляд, полный значительности. Но взгляд, как оказалось, до банкира не дошел. Почему? Потому что Крокозябл-старший уже успел заснуть, сидя за столом.

– Бес тебя задери! – тихо выругался император.

Подумав немного, он вдруг поймал озарение, в связи с

чем щелкнул пальцами, подошел к двери приемной и, открыв ее, крикнул:

– Вискерс!

– Здесь! – послышался приглушенный ответ.

Вслед за ним раздался гулкий деревянный звук, похожий на удар молотка по крышке гроба. Видимо, граф по своему обыкновению как раз нырнул под стол, и зов императора оказался для него неожиданным.

– Опять под столом пьете?! – с укоризной поинтересовался Шмор.

– Никак нет! – прозвучал бравый ответ. – Карандаш куда-то закатился...

– У вас есть коньяк?

– Сколько угодно, ваше величество! Мне как раз из имения прислали.

– Что-то вам часто присылают. У вас там спиртзавод?

– Нет. Виноградники и самогонный аппарат.

– Было б интересно взглянуть на его размеры... Несите коньяк ко мне в кабинет. И захватите с собой лейку. Да! Еще попросите у медиков клизму. На всякий случай. А то вдруг в горло не пойдет. Пять минут вам!

Ровно через указанный императором промежуток времени Вискерс появился в кабинете Шмора, держа в руках два предмета: обычную клизму и графин с узким горлышком и отбитым дном.

– Что это? – спросил император, насупив брови и имея в

виду графин.

– У меня в кабинете клизмы не было, – пояснил граф, ставя сей медицинский инструмент на стол перед поникшим носом Крокозябла. – Поэтому я вызвал врача «Скорой помощи», которая постоянно дежурит возле Железного Дворца, и одолжил клизму у него. А вот лейки не нашлось ни у него, ни у меня. Пришлось отбить рукояткой пистолета дно у графина. И получилось – что надо! Горлышко сосуда узкое и длинное. До самого желудка достанет...

– А коньяк где?

– Вот!

Вискерс проворно выхватил из кармана галифе пол-литровую бутылку коньяка и с неким элементом торжественности водрузил ее на стол.

Император подошел к банкиру сзади, откинул его голову вверх и пальцами рук осторожно разжал Крокозяблу челюсти.

– Вставляйте горлышко ему в рот и лейте тоненькой струйкой, – распорядился Шмор. – Только аккуратно! Не как с его сыном, у которого вы содрали с зада всю кожу, хотя нужен был лишь маленький кусочек!

– Все будет хорошо, ваше величество, – пообещал Вискерс и немедленно приступил к действиям.

Взяв в одну руку графин, в другую бутылку, он резко вогнал узкое горлышко импровизированной лейки в рот Крокозябла. Не думая ни секунды, граф перевернул бутылку

вверх дном и вставил ее в лейку.

– Ох! – удивился его действиям император, но коричневая жидкость уже устремилась внутрь банкира с бешеной скоростью.

Веки Крокозябла распахнулись, как оконные шторы поутиру, и сонные глаза несчастного банкира увидели прямо перед своим носом бутылку с крутящимся внутри нее водоворотом, а над бутылку – сосредоточенное лицо графа Вискерса.

Банкир попытался заорать от ужаса, но по понятной причине сделать этого не смог. Воплю, родившемуся в глубине души Крокозябла, деваться было некуда, и потому он вышел через нос. В кабинете раздался трубный рев, подобный звуку, издаваемому слоновым хоботом!

Шмор, вздрогнув, непроизвольно отпустил голову Крокозябла, а Вискерс молниеносно выдернул из глотки банкира лейку с бутылкой и поставил их на стол. Несчастливая жертва непрофессиональной терапии закашлялась, выхватила из кармана платок и стала судорожно вытирать рот, нос и почему-то вспотевшие глаза.

– Что вы творите?! – рявкнул Шмор Вискерсу. – Я же сказал: аккуратно и немного! А у вас что получилось? Почти весь коньяк за раз влили! И чуть банкира насквозь не проткнули! Разве можно было всовывать лейку так глубоко?!

Император указал пальцем на бутылку, в которой коньяка оставалось на самом доньшке.

– А иначе не получилось бы, ваше величество, – ответил

Вискерс, ничуть не смутившись. – Горлышко лейки стеклянное и потому не гнется. Вот и пришлось бутылку поместить в вертикальное положение. Зато затекло как по маслу! Крокозябл даже прищуриться не успел, да и закусывать теперь не надо...

– Ч-ч-что это? – раздался хриплый рык.

Император с Вискерсом повернули головы к банкиру, и увидели, что Крокозябл пялится глазами на стоящую перед его носом клизму.

– Это на всякий случай, – пояснил Вискерс, хватая клизму и пряча ее себе за спину.

Банкир приподнялся, тревожно провел рукой по своему заду и, убедившись, что находится в брюках, плюхнулся обратно на стул.

– Я вижу, с вами уже можно нормально разговаривать, – заметил император, располагаясь за столом напротив Крокозябла. – Вискерс, присаживайтесь: – он похлопал рукой по соседнему пустому стулу.

Граф сел на предложенный ему стул и быстро перенес клизму из-за спины под стол, положив ее себе на колени.

Император знал о том, что опьянение приходит не сразу. Несмотря на героическую порцию спиртного, влитую в Крокозябла, минут десять-пятнадцать можно было общаться с банкиром, не опасаясь за его трезвый разум. Поэтому Шмор решил приступить к делу, не мешкая.

– Итак, – начал он. – Вы отправились в экспедицию, раз-

решение на которую я не давал. Более того – я о ней даже не знал! Вы самым тесным образом сотрудничали с бароном Филером, который пытался меня свергнуть. Как теперь оценить ваше поведение?

– Простите меня, ваше величество, – сказал Крокозябл, смотря на императора глазами, в которых теперь не было ни капли сна. – Но мне ничего другого не оставалось делать. Ведь этим мерзавцем Филером я был «назначен на физиологическую должность» вашего отца! А ваш сын (извините – брат), порывался меня казнить за мое якобы аморальное поведение! В этой ситуации для сохранения моей жизни лучшего способа, чем участие в экспедиции к бесу на кулички, не существовало. И мне пришлось повиноваться приказу мятежного барона. Но все закончилось благополучно и я опять ваш. Целиком и полностью!

Крокозябл, привстав, поклонился.

– Ладно, – сказал Шмор. – Я поверю вам. Но требую полного отчета об этой экспедиции. Почему, зачем, как? Подробно!

– Да-да, ваше величество, – с готовностью согласился Крокозябл. – Бронзовая роза, которую смастерил радист Дятл, служивший Шмору Великому, оказалась не просто розой, а своеобразным контейнером. Филер догадался открыть бутон и в стволе обнаружил свитки тонкой бумаги, исписанной Дятлом. Радист сообщал о плене и своей дальнейшей жизни в Джаппурии. Барон прочитал мне далеко не все

записи. Но и этого хватило! Из сведений, сообщаемых ради-
стом, следовало, что в области темной туманности, распо-
ложенной за Джаппурией, есть жизнь. И не просто жизнь! От-
туда кораблями регулярно доставляются в Джаппурию ма-
ленькие дети, которые, по всей видимости, воспитываются
для того, чтобы в последующем занимать важные правитель-
ственные должности. То есть – речь идет о некоем внешнем
управлении. Но самое интересное – у меня создалось впе-
чатление, будто детишки поставляются не только в Джаппу-
рию! И я почему-то уверен, что Филер придерживался тако-
го же мнения...

– Вы хотите сказать, что кто-то управляет нашей галакти-
кой таким способом? – удивился император.

– Да, ваше величество! – утвердительно кивнул головой
Крокозябл.

– И, по вашему разумению, я – продукт вмешательства
извне в дела Шмордонской Империи? – недоверчиво осве-
домился Шмор.

– Нет, ну что вы?! – воскликнул банкир, и глаза его подо-
зрительно забегали по углам кабинета. – К вам это утвержде-
ние не относится! Ведь ваша родословная прослеживается
до Шмора Великого и еще дальше. А вот ваши чиновники...

– И банкиры? – задрал брови вверх император.

– Кроме меня! – с апломбом заявил Крокозябл, и стало
понятно, что алкоголь уже вцепился в его сущность.

– Родословная, говорите? – задумчиво спросил Шмор. –

Ну-ну, продолжайте...

– А дальше было весело! – воскликнул Крокозябл, и Шмор с Вискерсом переглянулись, поскольку глаза банкира сверкнули возбужденным блеском. – Мы отправились в путь на трех истребителях. Руководил экспедицией я, но как только мне удалось подняться на борт одного из кораблей, капитан звездолета дон Жмак сунул мне под нос свой громадный кулак и заявил, чтобы я не путался у него под ногами. С таким убойным доводом я спорить не стал и превратился в наблюдателя... Как известно, наш галактический рукав завершается системой Джаппурии. Дальше нее – огромное пространство пустого космоса, простирающееся к соседней галактике, называемой нами созвездием Уткоклюва. Даже с использованием наших передовых технологий истребитель будет лететь туда минимум пятьдесят лет. Но начало этого пути завалено темной материей, выброшенной нашей галактикой из своего тела. Вот туда мы и направились. Истребители летели друг за другом на пределе радиослышимости. Это делалось для того, чтобы попавший в беду передний корабль мог сообщить об опасности, и капитаны остальных звездолетов сами решали, идти на помощь первому или бежать от туда без оглядки.

Крокозябл, смолкнув на секунду, с интересом взглянул на недопитую бутылку коньяка, сглотнул набежавшую слюну и продолжил:

– Капитан Жмак, по-видимому, имел от Филера свои ин-

струкции и именно он был настоящим руководителем экспедиции, поскольку два других капитана слушались его. Наш истребитель двигался последним, и это давало нам больше шансов уцелеть. Но, как оказалось, любые шансы в этом заброшенном уголке равнялись нулю... В области темной материи были проходы обычного вакуума. Первый из наших кораблей юркнул в один из них и связь с ним тут же прервалась. Дон Жмак приказал двум другим звездолетам немедленно остановиться. Но первый истребитель вдруг вынырнул обратно. Капитан его доложил, что проходы похожи на круглые тоннели и являются лабиринтом. Если придется углубиться в петляющие коридоры пространства, то существует угроза поиска обратной дороги. Далее он сообщил, что сгустки темной материи обладают огромной массой, так как имеют в своем активе мощную силу притяжения. Во время пути по тоннелю истребителю приходилось лавировать таким образом, чтобы оказываться между несколькими кусками темной материи. Тогда силы притяжения уравнивались, и можно было продолжать движение, используя силу двигателей. Но из-за резких изменений в направлении расход горючего увеличивался во много раз.

Крокозябл, замолкнув, опять взглянул на бутылку с недопитым коньяком. Шмор подстегнул его недовольным голосом:

– В вас влито достаточно.

Крокозябл неопределенно кашлянул и продолжил:

– Но самое неприятное – причудливые сгустки темной материи находились в постоянном движении! Они открывали новые тоннели, захлопывая при этом старые. Непонятные куски, повинувшись каким-то своим законам, могли соединяться друг с другом, а могли отталкиваться. Дон Жмак приказал двигаться в обход всей туманности, и наши звездолеты принялись облетать ее справа. Через несколько дней мы вдруг увидели желтый огонек, мерцавший в одном из тоннелей прямо на выходе в открытый космос. Первый истребитель вошел в этот проход и его капитан доложил, что огоньком светит механический спутник-маяк, который повинуется какой-то программе и двигается на входе в тоннель, меняя свой курс в зависимости от перемещения сгустков темной материи. Таким образом он всегда находится в месте, где проход безопасен. Далее капитан доложил, что в глубине тоннеля виден еще один маяк. Дон Жмак приказал двигаться в прежнем порядке, но с сокращением расстояния до прямой видимости. Была объявлена боевая готовность, и ракетные люки открылись. Мы двигались несколько суток курсом, обозначенным маяками, по тоннелям. Кто поставил здесь эти спутники? Неизвестно. Один из них был обследован нашими инженерами. Они пришли к выводу, что ничего не смыслят в электронике, которой напичкан спутник, но их ума хватило, чтобы классифицировать маяк как «Робот невозможной конструкции». Спутник имел миниатюрный ядерный двигатель и пластину с микросхемами в виде блока управления.

Но в одном наши ученые оказались правы. Их заключение звучало так: «Маяки служат указателями пути в царство беса»... Наконец сгустки темной материи раздвинулись в стороны и мы оказались в пустоте, окруженной обычной звездной пылью. По всей видимости, рядом находилась какая-то звезда, поскольку облака пыли пропускали сквозь себя лучи тусклого серого света. Маяков больше не было видно, и мы заключили, что находимся в конце нашего пути. То есть – в конечной стадии экспедиции. М-да...

Глаза Крокозябла неожиданно закрылись и он всхрипнул.

Шмор требовательно взглянул на Вискерса и тот принялся действовать. Граф встал, выложив клизму на стол. Глаза банкира мгновенно распахнулись и поймали в фокус появившийся в поле его зрения предмет.

– Не надо, я сам! – вскричал Крокозябл.

Рука его метнулась вперед и схватила стоявшую на столе бутылку. Банкир приставил горлышко этой бутылки к своим губам и в два глотка вылебал находившиеся в ней остатки коньяка. Вискерс, пожав плечами, уселся на стул, не забыв опять спрятать под столом злосчастную клизму.

Крокозябл, облизнувшись, заметил:

– Обалденный коньяк!

Он перевел взгляд на императора и развязно поинтересовался:

– Ну, ваше величество, на чем это я остановился?

– На клизме, – ответил Шмор, недобро глядя в глаза бан-

киру.

– Ой, простите! – опомнился Крокозябл. – Бр-р! Вспомнил... Мы двигались в кильватер друг другу. Неожиданно откуда-то спереди возник длинный зеленый луч. Он был виден не более трех секунд! Сначала луч ударил в первый истребитель, затем во второй, а потом и в наш. На каждый звездолет по секунде! И что случилось? А ничего! Представьте себе, ровным счетом ничего... Мы были живы, корабли – целы, луч исчез. Но почему-то все три истребителя сразу остановились! Я в этот момент находился в офицерском баре, откуда обзирал окрестности, пользуясь иллюминатором. И мне сразу же захотелось выяснить причину остановки звездолетов. Поэтому я побежал в боевую рубку. Каково же было мое удивление, когда я увидел огромную очередь, змеившуюся по коридорам! Представьте, все хотели узнать, почему остановились двигатели. За этим стояли: офицеры, солдаты, связисты и даже кок из столовой. Я, естественно, вошел в рубку без очереди. И знаете, что я там увидел? Очередной член экипажа входил в помещение, рукой придавливал рукоятки управления двигателями в выключенное положение и с чувством выполненного долга уходил прочь! Рукоятки были давно уложены в пазы стоянки, но каждый хотел лично убедиться в этом! Короче, нажав ручки как все, я вышел из рубки и отправился к себе в каюту. По пути я видел, как солдаты заходят в свои кубрики и мирно укладываются в койки. Самое интересное – меня это никак не удивило. Их по-

ведение показалось мне абсолютно естественным. Поэтому я спокойно зашел в свою каюту, улегся на кровать и...

Крокозябл вдруг икнул, сделал лицом клоунскую гримасу и рывкнул:

– И больше ничего не помню, га-га-га!

Банкир разразился хохотом.

Шмор посмотрел на Вискерса. Граф встал и Крокозябл тут же испуганно умолк.

– Я полагаю, вы составили мнение о случившемся? – спросил Шмор у банкира.

– Здесь и мнения никакого не нужно, – заявил Крокозябл. – Гипнотический луч. Правда, мощности нереальной! Один удар – триста человек под колпак! Сплошная пустота без сновидений. Да, мне вроде бы привиделось, что перед моей кроватью возник какой-то маленький человек в скафандре...

– Карлик? – спросил Шмор.

– Нет. Обычный человек, только очень низкого роста. Но это, наверное, привиделось. Вот бес! До сих пор спать хочется. А-а-ам-м...

Банкир зевнул, лязгнув при этом зубами, и тут же провалился в сон.

– Может, еще коньяка принести? – поинтересовался Вискерс.

– Не надо, – ответил император. – Уже все выяснили. Оттащите банкира в приемную и вызовите «Скорую помощь».

Пусть его отвезут в психбольницу и там чем-нибудь уколуют. Он мне нужен в бодрствующем состоянии.

Граф подошел к банкиру сзади, взял того под мышки и быстро выволок из кабинета. Спустя минуту голова Вискерса вновь появилась в дверном проеме и доложила:

– Ваше величество, явился временный поверенный в делах.

– Чей поверенный, и в каких делах? – изумленно поинтересовался Шмор.

– Это Батон, ваше величество, – пояснил Вискерс.

– Ну, пусть войдет, – пожал плечами император.

В кабинет вошел Батон. Обнаружив Шмора сидящим за столом, временный поверенный положил перед императором верительную грамоту и с достоинством поклонился.

– Здравствуйте, господин Батон, – сказал император. – Что у вас случилось и где Джем?

Батон сообщил:

– Посол Джаппурии Джем в экстренном порядке отозван на родину в связи с опасностью для нашего королевства, возникшей недавно.

– На вас кто-то напал? – поинтересовался Шмор.

– Хуже! – ухмыльнулся Батон. – Премьер-министр Морс заработал инфаркт и возможен его срочный выход на пенсию. Если будет назначен новый глава правительства, политический курс государства может измениться. Посол отозван для получения инструкций.

– Ай-ай-ай! – покачал головой император. – Что же теперь делать нам, шмордонцам? Ведь новый Премьер-министр может объявить нам войну? Вы пугаете меня такими известиями!

– Вы издеваетесь? – спросил Батон.

– Нет, шучу, – сказал Шмор, вставая. – А почему о необходимости отъезда Джема не известили меня?

– Уже известили.

– Кто?

– Я.

– Когда?

– Только что.

– И когда Джем отбывает? – челюсти Шмора недовольно сжались.

– Уже отбыл, – сообщил Батон. – Он улетел в посольском джабле.

– Без разрешения на взлет?

Батон молча пожал плечами.

Шмор, раздраженно хлопнув рукой по столу, принялся молча расхаживать по кабинету. Батон скучающим взглядом сопровождал императора. Наконец, найдя себя, Шмор остановился, обернулся и спросил:

– Господин Батон, а что вам известно о Черной туманности, находящейся сразу за Джаппурией?

– Там обычная космическая свалка, – ответил Батон, удивившись такому вопросу. – Зачем она вам понадобилась, ва-

ше величество?

– И больше о ней ничего не известно? – проигнорировал последний вопрос Шмор.

– Да так, сказки всякие, – махнул рукой Батон. – Есть предание, что туда сбежали пуцлики после проигранной ими последней войны. Будто Дважды Грохнутый Бог спас их от истребления, подогнав к Потенции огромный Ковчег. Но никто из джаппурцев давно не верит в этот бред. Лишь фиолетовый свистон отец Эндюльген на сочинских пляжах грозит, что за грехи людские Бог скоро пришлет Ковчег с пуцликами обратно и тогда, мол, мы все попляшем...

– Ладно, – сказал император. – Я вас не задерживаю. Позовите Вискерса.

Батон, поклонившись, удалился.

– Вискерс, – обратился Шмор к возникшему на пороге секретарю. – Напишите приказ (я его потом подпишу) о том, что начальник космопорта с сегодняшнего дня назначается на должность швейцара в дверях офицерской столовой Дыры.

– Простите, ваше величество, но разве офицерам нужен швейцар? Ведь они открывают двери сапогами. Да и вряд ли такая должность есть в штате базы.

– Если нет – введите. Этим же приказом! И дайте команду зачитать мое распоряжение всем работникам космопортов империи. А бывшего начальника сегодня же отправьте в Дыру к новому месту работы дежурным челноком. Несчастные

офицеры находятся – бес знает где. Увидев швейцара в дверях столовой, они поймут, что император заботится о них. В груди у офицеров сразу же потеплеет от моей заботы, а двери пускай открывают, чем хотят. Хоть вместе со швейцаром!

– Будет сделано! – отрапортовал Вискерс и вышел из кабинета.

– Ковчег с пуцликами? – задумчиво спросил сам себя император. – Интересно...

Он подошел к окну, выходящему на Центральную площадь Шморы, и взглянул на памятник Шмору Великому. Из зарешеченного окошка стальной бомбы привычно торчала борода отца Инквизита. Под окошком стояла небольшая толпа оборванцев. Нищие, задрав свои головы вверх, с благоговением рассматривали торчавшую бороду и молились хором, нестройно гудя.

– Эта борода портит весь вид дворцового ансамбля, – сказал император вслух. – Надо будет смазать решетку гуталином. А еще лучше – клеем!

ДЫРА

Отжиму снился кошмарный сон. Атташе лежал в гробу, наглухо забитом гвоздями. Воздуха становилось меньше и меньше. Грудь давило углекислым газом и легкие с хрипом поглощали остатки кислорода. В гробу жутко воняло невымытой козлятиной. До смерти оставалось всего несколько то-

мительных минут.

Отжим открыл глаза и понял, что это не сон! Вокруг было темно, а ноги касались чего-то твердого и безжизненно-го. Шевельнув рукой, атташе уперся локтем в преграду. Он надавил сильнее, преграда слегка поддалась, но вдруг спружинила и вернула локоть на прежнее место. «Гробовая доска», – шевельнулась мысль в голове у Отжима. И на смену мысли тут же пришла паника!

Атташе, сделав глубокий вдох, собрал в кулак остатки воли и с воплем совершил предсмертное усилие. Он уперся локтями в то, на чем лежал, оттолкнулся и послал свою голову вверх. Раздался треск, и из глаз несчастного Отжима посыпались искры. Голова его упала на прежнее место, но зато вернулось зрение.

– Что такое? – раздался откуда-то сверху недовольный голос. – Дыротрясение?

Глазам Отжима представилась дощатая панель, нависающая над ним. Только к крышке гроба она не имела никакого отношения, поскольку являлась тыльной поверхностью столешницы. Повертев головой, атташе обнаружил вокруг себя четыре деревянные ножки, скрепленные для прочности досками. Поджав подбородок, Отжим увидел на своей груди лохматую козлиную папаху, от которой смердело какой-то гадостью. Именно этот головной убор ранее лежал на лице и закрывал ему видимость.

Атташе отбросил папаху в сторону, и его взгляду предста-

вились чьи-то ноги, обутые в грязные армейские ботинки. Они свисали со стола и казались совершенно естественной вещью, как будто именно в таком положении существовали всегда. Отжим догадался, что на столе расположился лорд Хлебазл и ноги в ботинках принадлежат министру. А что же тогда сам атташе делает под столом? Ответ прост – отдыхает...

– Кхе! – кашлянул сверху Хлебазл. – Пospали? Пора приниматься за учебу.

Ноги в ботинках спустились на пол, и в поле зрения Отжима появился их хозяин. Был он небритым, опухшим и смотрел на мир недобрыми похмельными глазами. Стукнув по столу рукой, Хлебазл сказал:

– Эй, Отжим, вставайте! Тут вам не Джаппурия, где вы привыкли прохлаждаться. У нас в Шмордоне все по-военному четко.

Атташе, кряхтя, вылез из-под стола и пошамкал пересохшим ртом.

– Что, сушняк? – догадался Хлебазл и тут же рывкнул в сторону входной двери: – Скотс!

В каморку зашел денщик лорда.

– Доброе утро, ваша светлость, – пожелал Скотс.

– Какое оно доброе, если похмелиться нечем? – ответил Хлебазл. – У нас глотки пересохли!

– Этот мерзавец каптенармус, который гонит помидоровку, больше не наливает в долг, – сообщил денщик. – Могу

принести воды.

– Сам пей эту гадость! – возмутился лорд. – Сейчас...

Он подошел к сейфу, открыл его ключом и залез внутрь по самые плечи. Отжим, глядя на тощий зад министра, вспомнил, что у него тоже нет денег. За месяц, проведенный в камерке под лестницей, они с Хлебазлом успели пропить не только комендантское жалованье лорда, но и имевшиеся у атташе бабосы. Точнее – в первую очередь бабосы Отжима, так как последний не хотел пить помидоровку и сначала покупал хорошие напитки в баре офицерского клуба. Потом бабосы закончились, и Отжим попытался расплатиться таг-риками, но бармен, посчитав джаппурскую валюту фантиками, больно избил атташе табуретом.

Вообще-то Отжим не собирался пить, но Хлебазл наотрез отказался обучать атташе премудростям своей профессии без алкогольных возлияний, и последнему пришлось подчиниться обстоятельствам. В результате – обучение проходило медленно, а спиртные напитки поглощались со скоростью несущейся под откос электрички, из-за чего запас золотых бабосов у Отжима быстро иссяк. Впрочем, к последнему обстоятельству приложили свои усилия еще и шлюхи мадам Блямсы.

Хлебазл, порывшись в сейфе, вылез оттуда с золотой запонкой, в которую был вставлен крупный сапфир. Он протянул запонку Скотсу и приказал тому:

– Отнеси это каптенармусу. Только не забудь ему сказать,

что цену ее я знаю не хуже его самого. Пусть вычтет долг и на оставшееся даст помидорок. Да! Как вернешься, убери комнату. Одна нога там – другая здесь. Живо! А то мы по-рем от жажды.

Скотс убежал.

– Надо будет тряхнуть этого каптенармуса, – проворчал Хлебазл, усаживаясь на диван. – Развел, понимаешь, незаконную торговлю на военной базе, да еще и налогов никаких не платит, сволочь...

– Господин Министр, – обратился к лорду Отжим, садясь на стул. – Когда мы начнем ловить шпионов?

– Какой вы прыткий! – усмехнулся лорд. – Сначала нужно освоить теорию.

– Мы целый месяц занимаемся теорией.

– Да? Как быстро идет время в интересной компании... Ладно. Устроим сегодня практическое занятие. Но сначала – немного теории.

Отжим устало вздохнул.

Открылась дверь и в помещение ввалился Скотс. Форменная шапка съехала ему на правое ухо, а глаза вытаращились самым невозможным образом. В одной руке денщик держал швабру, а в другой десятилитровую пластиковую канистру.

– О! – обрадованно воскликнул Хлебазл. – Учитывая прежние долги, десять литров – это нормально. Не надул каптенармус!

Лорд внимательно взглянул на Скотса и спросил:

– Что, мерзавец, приложился к канистре на ходу?

– Никак нет! – сипло ответил Скотс.

– Как же! – не поверил Хлебазл.

Он встал с дивана, подошел к денщику и стукнул того кулаком в левое ухо. Скотс, оказавшийся крепким солдатом, лишь слегка покачнулся, но зато шапка заняла на его голове ровное уставное положение.

– Чуть-чуть хлебнул, – признался денщик. – Крепкая, зараза!

Хлебазл достал из кармана сухарь, отломил от него кусочек и заботливо сунул его в рот Скотсу. Денщик, глядя на лорда с благодарностью, усиленно захрустел закуской.

– Быстренько убери тут, – приказал лорд. – А мы с господином атташе пока поправим здоровье.

– Закусить есть чем? – поинтересовался Отжим.

– Вот, – показал ему остаток сухаря Хлебазл. – Завтрак мы проспали, потому поедим основательно в обед. Там, в столовой, бесплатно. А если тратиться на закуску в перерывах между завтраком, обедом и ужином, никаких запонок не хватит.

Пока лорд с Отжимом приводили себя в порядок помидоровкой, Скотс вымыл пол и ушел. Хлебазл принялся учить атташе.

– Шпионы были, есть и будут всегда, – говорил он. – Но кроме них имеется масса всяких других врагов государства, коими надлежит заниматься контрразведке. Вот взять, на-

пример, оружие. Что это? Это такая вещь, которую всегда хочется применить. Потому что оно создано именно для применения, и не имеет значения цель: наступательная или оборонительная. А где больше всего оружия? Правильно, в армии. Хорошо, если война идет с внешним врагом. Применяй, сколько захочешь! Всем хорошо: и солдатам и офицерам. А если время мирное?

– Можно организовать учения, – предложил Отжим.

– Чушь собачья! – заявил Хлебазл. – Учения сродни резиновой шлюхе. Потому что на учениях оружие никого не убивает... Вот и начинают зреть всякие заговоры. Если хотите знать: в мирное время я раскрываю по десять-пятнадцать заговоров в год!

– Вчера вы говорили, что раскрываете в год два-три, – вспомнил Отжим.

– Год на год не приходится, – ответил лорд. – В один год бывает два-три мятежа, в другой – тридцать-сорок. Вот в среднем и выходит по пятнадцати.

– А как же последний заговор? – спросил атташе.

Рука Хлебазла безвольно повисла между раздвинутых колен. Он усмехнулся и печально заметил:

– Последний заговор вышел боком. Это случилось потому, что я взял на себя несвойственные мне функции. Мое дело – раскрывать заговоры, а не создавать их. Каждый должен делать то, что умеет...

Он вдруг оживился и воскликнул:

– Хотя в этом виноват негодяй Филер! Это он все организовал. Выходит – я проглядел! Ну, ничего. Я еще всем покажу, на что способен! Наливайте.

Они выпили помидоровки и Хлебазл продолжил:

– Филер – коварная сволочь! Раз ему удалось бежать, значит – можно ждать неприятности откуда угодно. И изнутри тоже... Вот этим мы с вами и займемся сегодня. Для начала выловим парочку шпионов. Смотрите на мои действия и учитесь.

Отжим потер руки, предвкушая интересную практическую деятельность. Хлебазл тем временем подошел к тумбочке, на которой стоял проводной шморофон, снял трубку и несколько раз надавил на рычаг. Наконец ему ответили, и он принялся говорить в звукоприемник:

– Коммутатор? Срочно соедините меня со штабом эскадры. Кто я? Лорд Хлебазл. Комендант общежития имеет право на соединение с любым объектом базы! А Министр Безопасности Шмордона имеет право на все! От этой должности меня никто не освобождал! Хотите попасть ко мне в подвал?! Не хотите? Тогда соединяйте!

Хлебазл вытер выступивший на его лбу пот, а Отжим поинтересовался:

– У вас здесь есть подвал?

– Пока нет. Но если понадобится – будет!

И столько уверенности было в словах лорда, что Отжим отмел свое недоверие прочь. Трубка что-то квакнула, и Хле-

базл продолжил общаться.

– Штаб? – спрашивал он. – Доложите, какие торговые звездолеты сейчас находятся на орбите Дыры для получения разрешения на пролет в пространстве империи. Кто я? Лорд Хлебазл. Водкивдазл? О чем это вы? Кто у аппарата?! лейтенант Троль? А не родственник ли вы Министра Культуры Шмордона барона Троля? Ваш папочка? Чудесно! Вы в курсе, что он имеет гомосексуальную связь с командиром Седьмой танковой дивизии генерал-майором Галлопером? Ах, не в курсе! И ваши сослуживцы тоже не в курсе? Пока... Да? Вот и научитесь правильно общаться с начальством по телефону! Итак, какие корабли находятся на орбите?

Хлебазл, прослушав нужную информацию, положил трубку на рычаг и сказал:

– Теперь все ясно. Наливайте!

Контрразведчики выпили помидорок, встали и вышли из каморки. Хлебазл, закрыв выбеленную известкой дверь на замок, вдруг остолбенел. Отжим проследил за взглядом лорда и увидел на белой поверхности двери свежую надпись. Черные строчки, нацарапанные углем, гласили:

Лорд Хлебазл водки вдазл.

Помидоровкой запил,

Нос в салате утопил.

На столе одетым спал,

И в ботинки надристал.

– Скотс! – заорал Хлебазл.

– Я здесь! – доложил денщик, появившись в коридоре.

– Что это? – поинтересовался лорд, указывая рукой на стишок.

– Этой надписи не было еще двадцать минут назад, – доложил Скотс.

– Устранить немедленно! – приказал Хлебазл.

Лорд вышел из-под лестницы и направился в сторону входной двери. Отжим последовал за ним. Во время движения атташе поймал себя на мысли, что не может оторвать взгляда от армейских ботинок Хлебазла, мелькавших впереди. Слегка ускорив шаг, Отжим догнал министра, шмыгнув носом, принюхиваясь, и заключил, что от лорда ничем таким не воняет, а стишок на двери каморки – просто проявление хулиганской сущности молодого шмордонского офицерства.

Как только контрразведчики вышли на улицу, Отжим поинтересовался у Хлебазла:

– Куда мы идем?

– К шлюзу с десантными ботами, – ответил лорд. – Из трех торговых кораблей, находящихся на орбите Дыры, два не представляют никакого интереса, поскольку прибыли из Боскории и Разгульдя. Их наверняка по пути раз десять досмотрели. Ко всему прочему – они следуют в Тарахтун, который скоро станет частью нашей империи. А вот третий звездолет прибыл из Папуасы. Эта система находится близко к

центру галактики. Она населена чернокожими людьми, которые называются папуасовцами. Странное слово. Оно напоминает что-то неуловимо-знакомое...

– Я знаю о Папуáсе, – сообщил Отжим. – Иногда корабли папуáсовцев прилетают в Джаппурию. Они торгуют редкими пряностями и экзотическими фруктами.

– Вот-вот, – кивнул головой лорд. – И сейчас их корабль следует в Джаппурию через Разгульдйяй. А поскольку Кукарелла располагается на пути этого звездолета, существует большая вероятность того, что шавеллы досмотрели их и содрали пошлину. Филер, ошивающийся там, не упустит возможности заслать пару-другую шпионов, используя для этого мирных торговцев. Вот сейчас мы с вами их и выловим!

Отжим проникся вдохновенным задором министра и ускорил шаги. Но здесь обоим профессионалам сыска преградила путь небольшая толпа, состоящая из обычных шмордонских солдат, окруживших двух человек в оранжевых робах. Последние сидели на корточках, прислонившись спинами к стене какого-то склада, а возле них стояли две тачки, загруженные доверху металлоломом. Под ногами сидящих лежала пара перевернутых кепок оранжевого цвета, в которые солдаты набросали мелочи и сигарет.

– Это два пленных кукарелльца, – сообщил Хлебазл на ухо Отжиму шепотом. – Одного зовут Нбсом Вшкáфом, другого Шкáфом Внбсом. По указанию адмирала Надолба они обязаны двенадцать часов в день возить тачки с металлоло-

мом. Но война с Кукареллой закончилась, всех пленных отправили на каторгу, а про этих забыли, поскольку адмирал улетел на главную базу Звездного Флота. Вот они и катают свои тачки. Но делают это спустя рукава, так как контроль над ними ослаб. Их теперь воспринимают как некую достопримечательность. Даже шлюхи начали строить им глазки и ходят слухи, будто они стали обслуживать этих шавелл из жалости. Давайте послушаем, что они говорят.

Носом Вшкаф, сжав ладонь правой руки в кулак, размахивал им над головой и вещал, пламенно сверкая глазами:

– Вы – рабы! Только революция может сделать вас свободными! Долой всех императоров! Новый мир – это коммунальный рай, где все свободят, братят и равенствуют друг друга! И не проливают по приказу свою кровь!

– А вы что, недавно кровь проливали не по приказу? – спросил один из солдат.

– По приказу, – утвердительно кивнул головой Носом Вшкаф. – Но не за империалистические ценности, а за коммунальный рай.

– Если у вас все равны, то кто же тогда приказывает? – не сдавался солдат.

– Вот вы тупые! – разозлился гориллоподобный Шкафом Внос. – Разговаривай тут с вами! Так и подохнете рабами...

Он вскочил на ноги, пнул сапогом Носом Вшкафа и сказал:

– Вставай! Мелешь тут языком попусту!

Шавеллы взялись за тачки и дружно покатали их в сторону штаба. Солдаты, почесав затылки, стали расходиться. Хлебазл с Отжимом пошли за кукарелльцами, поскольку путь их лежал в ту же сторону.

– Такие разговоры на военной базе могут стать причиной беспорядков, – сказал Отжим Хлебазлу.

– Правильно! – улыбнулся лорд и хлопнул атташе по спине ладонью. – А чтобы беспорядков не случилось, нужно везде иметь агентов. Как вы думаете, тот солдат задавал вопросы шавеллам просто так? Ничего подобного! Он один из стукачей моего Министерства Безопасности.

– Ого! – воскликнул Отжим с уважением.

Хлебазл рассмеялся, и контрразведчики хотели продолжить путь дальше, но возникла еще одна задержка, потому что на крыльце борделя торчала мадам Блямса. Заметив кукарелльцев, она крикнула:

– Эй, шавеллы! На втором этаже в одной из ванных комнат кран потек. Надо починить.

– Мы не рабы, – ответил ей Носом Вшкаф. – Потому ничего бесплатно делать не будем.

– Можно подумать, вы тачки за зарплату возите! – возмутилась Блямса.

– Этот труд все равно будет оплачен, – сообщил ей Носом Вшкаф.

– Чем?

– Буржуйской кровью! – рявкнул Шкафом Внос.

– Фи, какие вы грубияны! – поморщилась Блямса. – Идите, чините. Крови не обещаю, но парочку барышень пришлю для национализации. На час!

Оба кукарелльца, бросив тачки посреди улицы, галопом влетели на крыльцо и скрылись в борделе. Блямса, заметив Хлебазла с Отжимом, напомнила им:

– А с вас, господа офицеры, должок!

– Помним, – сказал Хлебазл.

– Все помнят, – согласилась с ним Блямса. – А вы когда отдадите?

– Сегодня, – ответил ей Хлебазл, злобно блеснув глазами.

– Буду ждать, – сказала мадам и скрылась, громко хлопнув дверью.

– Мы должны ей двадцать восемь серебряных бабосов, – вспомнил Отжим. – Чем вы собираетесь отдавать? У вас еще одна запонка есть?

– Кое-какие драгоценности у меня остались, – сообщил Хлебазл. – Но они предназначены только для святого дела!

Он щелкнул себя пальцем по горлу и продолжил:

– А посещение борделя святым делом никак не назовешь.

Поэтому надо идти другим путем.

– Каким?

– Запомните, Отжим: контрразведка – не только ловля шпионов. Это целая наука. Даже не наука, а система, довлеющая над обществом. И сегодня вы в этом убедитесь.

Лорд, звонко печатая шаг, устремился к штабному зда-

нию. Атташе последовал за ним.

В штабе Хлебазл поднялся по лестнице и остановился перед дверью кабинета контр-адмирала Бамбукера. Отжим ни на шаг не отставал от своего опытного инструктора. Адъютант командующего эскадрой, сидевший за столом возле двери кабинета, лениво встал и преградил лорду путь.

– Чего надо? – хамским тоном осведомился офицер с погонами лейтенанта на плечах.

– Вы не знаете, кто я такой? – спросил у него Хлебазл.

– Знаю, – нагло ответил лейтенант. – Вы комендантешка общежития и опальный душегуб в придачу.

– Совершенно верно, – кротко согласился с ним лорд. – Хоть и опальный, но все еще душегуб. А вы кто такой?

– Я дон Мухер, – представился офицер, начиная испытывать дискомфорт от подозрительной кротости Министра Безопасности. – Лейтенант Звездного Флота.

– А не ваш ли это отец служит Главным Прокурором Боскории?

– Мой, – ответил Мухер, инстинктивно понимая, что сейчас случится нечто плохое.

– А ваш батюшка, случаем, не рассказывал вам, как год назад он изнасиловал в своем кабинете маркизу Пóпперс, приехавшую навестить могилку мужа, погибшего при захвате Боскории?

– Не может быть! – удрученно воскликнул дон Мухер.

– Значит, еще расскажет. А если забудет, пусть обратится

ко мне. Я ему дам почитать дело, в котором имеются следующие документы: подробное заявление потерпевшей, акт судебно-медицинской экспертизы и признание вашего папочки, написанное им собственноручно. А еще расписка в том, что в обмен на сокрытие этого преступления ваш отец обязуется докладывать в мое ведомство о том, что творится вокруг него. То есть – стучать! Кстати, хорошо стучит, молодец... Итак, мне надо к Бамбукеру.

Дон Мухер сделал шаг в сторону, отдал Хлебазлу честь и голосом, полным оловянного обалдения, произнес:

– Прошу вас, ваша светлость!

Хлебазл сказал Отжиму:

– Посидите здесь. Я скоро. Учеба – дело хорошее. Но военные тайны Шмордона вам знать совсем ни к чему.

Атташе уселся в одно из кресел, а Хлебазл, без стука открыв дверь, шагнул в кабинет контр-адмирала.

Командующий Одиннадцатой эскадрой Звездного Флота Шмордона контр-адмирал маркиз Бамбукер находился в прекрасном расположении духа. Это было связано с бутылкой бренди, которую он осушил уже на треть. Сидя в удобном кресле, маркиз раздумывал над тем, чем бы ему сегодня заняться. Поскольку на базе не было никакого шморовидения, а читать книги контр-адмирал не любил, выбор у него был невелик: посетить заведение мадам Блямсы или устроить инспекцию экипажу крейсера «Слава».

Вспомнив, что заведение Блямсы он посещал вчера, Бам-

букер пришел к выводу о целесообразности осуществления именно второй части выбора, так как был уже далеко не молод, и надеяться на крепкое здоровье, соответственно, не мог.

Прислушавшись к ощущениям, Бамбукер решил, что на проверку боевого корабля сил у него хватит вполне, а вопрос с посещением борделя «Тройной бутон» можно будет отложить на вечер. Ухмыльнувшись довольно, контр-адмирал налил себе стопочку, выпил ее со вкусом и зажевал бренди кусочком ананаса, выловленным из консервной банки.

Неожиданно дверь кабинета распахнулась, и на пороге возник лорд Хлебазл. Синий нос опального министра не висел, как обычно, а нагло торчал, напоминая указующий перст судьбы. И перст этот был направлен прямо на маркиза.

Бамбукер, подавившись ананасом, закашлялся, выплюнул его под стол и заорал:

– Мухер! Какого беса вы без спроса впускаете ко мне всяких... гм... комендантов?!

Но адъютант на вопрос своего командующего не ответил, потому что Хлебазл резко захлопнул дверь и задвинул на ней внутреннюю защелку.

Бамбукер вскочил на ноги и молча замер в гневной позе. Дальше ничего делать он не стал, потому что какая-то мощная внутренняя сила, возникшая из нижней части спины, молотом стукнула ему в голову и тем самым удержала от принятия поспешных решений. Хлебазл же окинул нето-

ропливым взором кабинет и остановился глазами на плоском стеклянном ящике, стоявшем у одной из стен помещения.

В ящике этом красовалось черно-желтое знамя. Оно хранилось там в развернуто-закрепленном состоянии и потому хорошо была видна следующая надпись, вышитая на знамени белыми буквами: «Одиннадцатая эскадра Звездного Флота Шмордона».

– Что вам надо? – спросил контр-адмирал, глядя исподлобья.

Хлебазл молча подошел к столу, выдвинул стул, уселся на него и ответил:

– Передать в мое прямое подчинение досмотровую команду.

– Еще чего? – с негодованием сказал Бамбукер и тоже уселся в свое кресло. – Кто вы такой? Как к вам обращаться? Господин Министр? Или, может, ваша светлость? А еще лучше – комендант Водкивдазл!

Лорд, удивленный наглостью маркиза, улыбнулся и кротко ответил:

– Можете звать меня просто Хлебазлом.

Он повернул голову и зачем-то опять взглянул на знамя. Бамбукер вдруг занервничал. Рука маркиза пошарила по столу и наткнулась на бутылку бренди. Контр-адмирал схватил ее, наполнил свою рюмку и тут же опрокинул порцию в рот.

– А мне не нальете? – поинтересовался Хлебазл, поворачивая голову к маркизу.

– Я с кем попало не пью, – ответил Бамбукер с достоинством. – Тем более с какими-то гм... комендантами.

– Ваше дело, – покорно кивнул головой Хлебазл, снова устремляя взгляд на знамя.

Бамбукеру стало совсем не по себе.

– Что вы уставились на знамя? – нервным голосом спросил он.

– Любуюсь его красотой, – ответил Хлебазл. – Позвольте потрогать его.

– Зачем? – с подозрением спросил Бамбукер.

– Чтобы поцеловать! – ответил Хлебазл ехидно. – Знамя славной Одиннадцатой эскадры вызывает во мне трепет...

– Вот и трепещите издалека! – рявкнул Бамбукер. – Вы, Хлебазл, здесь кто? Комендант общежития! А кто это такой? Да никто! Вы, если хотите знать, – просто персонал базы, не имеющий никакого отношения к эскадре. Вот и целуйте знамя базы, если найдете его в каком-нибудь сарае, и если оно вообще существует в природе!

– А знамя Одиннадцатой эскадры существует где?

– Вы слепой? Вот же оно, перед вами!

– Ошибаетесь, маркиз, – глаза Хлебазла вдруг стали пустыми, как открытые звездолетные люки. – А точнее – лжете! Знамя эскадры вы пропили, когда сидели на Разгульдяе!

– Да как вы смеете?! – взревел контр-адмирал, вскакивая

на ноги. – Ничего я не пропивал!

– Простите, я неточно выразился, – извинился Хлебазл, ничуть не пугаясь грозного вида маркиза. – Вы его подарили капитану торгового разгульдяйского корабля, с которым пи-ли три дня подряд, слушая всякие байки про дальние стран-ствования. А когда проспались и поняли, что натворили, раз-гульдяец был уже далеко... Тогда вы лично посетили одно-го из модных портных и тот сшил вам дубликат, который и торчит теперь в этом стеклянном шкафу.

Бамбукер, упав задом в кресло, прохрипел:

– У вас нет доказательств.

– К вашему сведению, маркиз, ткань любого знамени про-шивается бесцветной кевларовой нитью. И прошивается она не просто так, а специальными штрихами, содержащими некий зашифрованный код. Таким образом получается, что каждое имперское знамя имеет свой номер. Не знали об этом? Теперь будете знать.

Бамбукер схватил бутылку бренди, вставил горлышко се-бе в глотку и одним махом высосал все ее содержимое. Хле-базл восхищенно хлопнул пару раз в ладоши, отдавая дань такому геройскому поступку. Бамбукер вытер рот тыльной стороной мундирного рукава, выдохнул неусвоенные пары алкоголя в воздух и сказал неожиданно повеселевшим голо-сом:

– Мне пришла в голову потрясающая мысль!

– Какая? – поинтересовался Хлебазл.

– Представьте себе сообщение, которое получают в Шморе. Текст его будет звучать так: «Комендант общежития Хлебазл, испытывая алкогольную, денежную и психическую зависимости, украл знамя Одиннадцатой эскадры и на десантном боте попытался улететь в сторону вражеской Кукареллы с целью вступить в преступный сговор с бароном Филером. На предложения сдаться не реагировал, в связи с чем был ликвидирован ядерной ракетой. Знамя стorerело вместе с ним». Сейчас я дам команду и вам подготовят самый лучший бот! Га-га-га!

Маркиз расхохотался.

– Неплохая идея, конечно, – согласился Хлебазл. – Только бестолковая.

– Почему? – спросил Бамбукер, весело блестя глазами.

– Потому что разгульдяйский звездолет, увозивший знамя в звездные дали, был выловлен таможенной службой Шмордона и оказался обычным контрабандистским кораблем (это относится как раз к вопросу: с кем вы пьете?). Он был арестован, а знамя передали в мою службу. Вместе с протоколами таможенников оно хранится в одном из сейфов Министерства Безопасности и ждет своего часа. Если вы меня взорвете, убьете, отравите чем-нибудь, да хоть той же помидоровкой...

– Отравишь вас, как же, – тоскливо сказал Бамбукер, шаря рукой по столу.

– Так что там у нас с досмотровой командой? – осведо-

мился Хлебазл.

– Она в полном вашем распоряжении, – проскрипел контр-адмирал. – Я сейчас отдам приказ.

– Да, кстати, вы говорили о зависимостях. Ну, алкогольная или денежная – это мне понятно. Впрочем, как и вам. А вот что такое психическая?

– Это зависимость, которая тянет к душегубству, – тяжело вздохнул Бамбукер.

– Понял, – кивнул головой Хлебазл. – Благодарю за содействие.

– Скатертью дорога, – пожелал лорду маркиз, нашаривая наконец рукой в ящике стола литровую бутылку водки.

Хлебазл встал и пошел к выходу из кабинета, но, взявшись за ручку двери вдруг резко обернулся.

– Что вам еще? – нетерпеливо поинтересовался Бамбукер, провожавший лорда тяжелым взглядом.

– Простите, чуть не забыл, – хлопнул себя рукой по лбу Хлебазл. – Вы, как человек военный, можете не замечать того, что не связано уставами и приказами. Но зато я вижу все. Эти два кукарельских мерзавца, тархтящие тачками на главной улице базы, своими разговорами оказывают на солдат разлагающее влияние. Немедленно посадите их на гауптвахту. Я их завтра допрошу. И эту ведьму мадам Блямсу туда же! Только не в камеру к этим шавеллам...

– Ее-то за что?!

– За неуплату налогов. Такое преступление подрывает

экономическую мощь государства. Сегодня она задействовала двух кукарелльцев для починки кранов, а расплатилась с ними за работу своими барышнями. То есть: шавеллы воспользовались услугами шлюх бесплатно. Нет денег – нет налога с прибыли, который должна была заплатить Блямса. Здесь попахивает финансовой диверсией! Ее я допрошу сегодня... Да, еще! Этого хама, дона Мухера, назначьте начальником досмотровой команды, пусть хоть пару часов займется настоящим делом. У меня все.

Хлебазл вышел из кабинета контр-адмирала с высоко поднятым носом. Сделав Отжиму знак следовать за собой, он сказал Мухеру:

– Маркиз Бамбукер сейчас пошлет вас на задание. Не забудьте захватить с собой несколько пар наручников.

– Слушаюсь! – ответил дон Мухер тоскливым голосом и отдал честь.

Вся команда папуасовского звездолета была собрана в ангарном отсеке их корабля. Чернокожие люди, выстроившись вдоль одной из переборок, сверкали белками глаз и недовольно бурчали что-то на своем языке. Шмордонские солдаты с оружием наизготовку стояли полукругом перед цепочкой папуасовцев, а лорд Хлебазл, прохаживаясь вдоль шеренги торговцев, цепко вглядывался в лица.

Наконец он остановился и спросил у дона Мухера:

– Кто из них говорит по-шмордонски?

Адъютант показал рукой на стройного молодого папуасовца, стоявшего первым в шеренге, и ответил:

– Вон тот – владелец звездолета. Он же капитан. Эй! Нука, подойди сюда!

Капитан отделился от стенки и встал перед Хлебазлом.

– Как зовут? – поинтересовался у него лорд.

– Мбабáн, – представился папуасовец.

– Вы заходили в систему Кукареллы? – спросил Хлебазл.

– Нет, – покачал головой Мбабан. – Мы не заходили. Нас туда насильно загнали. Я специально проложил курс корабля так, чтобы не попасть к ним. Но их космические суда шныряют на большом удалении от Кукареллы и хватают все, что встретится. Так было и с нами. Под угрозой применения ракет они вынудили нас свернуть с курса.

– И что было дальше?

– Они досмотрели корабль и содрали с нас налог. Причем налог этот оказался в пять раз бóльшим, чем раньше! Кроме этого при досмотре пропало несколько мешков редких пряностей, цена которых превышает уплаченный налог на порядок! И все время, пока проходил досмотр, они издевались над нашим цветом кожи. Чего только мы от них не услышали... Когда будем лететь обратно, я проложу курс таким образом, что эта скотская Кукарелла будет видна лишь в телескоп!

Мбабан, распалившись, стал размахивать кулаками перед носом Хлебазла, но тот, не обратив на это внимания, про-

должил допрос.

– Вы рассказали всю правду? – спросил он.

– О, нам нечего скрывать! – сказал Мбабан и стукнул себя кулаком в грудь. – Мы честные торговцы.

– Ну-ну, – почему-то не поверил ему лорд. – Пусть весь экипаж снимет обувь и повернется головами к стенке. Руки назад ладонями вверх! Правые ноги согнуть в коленях и показать пятки!

Мухер, используя в качестве переводчика владельца звездолета, быстро выполнил команду. Папуасовцы сбросили обувь и замерли в указанных Хлебазлом позах, причем адъютант загнал в строй и самого Мбабана, который, обидевшись, принялся ругаться черными словами себе под нос на папуасовском языке.

Хлебазл, подозвав к себе Отжима, сказал тому:

– У папуасовцев ладони и ступни ног отличаются цветом кожи от остальных участков. Эти части тела значительно светлее. А вон у тех двоих, видите, ладони и подошвы чернее черного! Какой из этого следует вывод?

– Эти двое равномерно покрашены из пульверизатора, – догадался Отжим.

– Правильно! – довольно улыбнулся Хлебазл. – Вы хороший ученик.

Обернувшись к Мухеру, лорд рявкнул:

– Взять двоих чернопяточников! И мерзавца Мбабана тоже! Разместить всех на гауптвахте в отдельных камерах.

Солдаты бросились выполнять приказ, а Мухер недовольно заметил:

– Где же столько отдельных камер взять? Там сейчас сидят шавеллы и мадам Блямса. Ну, еще две камеры можно найти, а для Мбабана помещения уже нет.

– Тогда отведите этого лгуна в мой кабинет, – решил Хлебазл. – Мы его допросим после чернопятючников. Только пообедаем сначала.

По дороге к офицерской столовой Отжим, следуя за Хлебазлом, с восхищением смотрел тому в затылок, думая, что таких профессионалов как лорд – в Джаппурии днем с огнем не сыщешь. И по-своему он был, конечно, прав.

В каморке под лестницей происходил допрос. В роли допросчиков выступали лорд Хлебазл и Отжим. Чтоплохолежим, а в качестве допрашиваемого присутствовал владелец папуасовского звездолета Мбабан. Хлебазл и Отжим заседали за столом, тесно соприкасаясь плечами. Мбабан же стоял со скованными за спиной руками, периодически прислоняясь к стенке, от которой его постоянно отодвигал денщик Скотс.

На столе гордо торчала канистра с помидоровкой и Хлебазл с Отжимом не забывали подливать себе в стаканы, что крайне беспокоило двух других участников допроса. Мбабан делал горлом глотательные движения, пытаясь показать, что он хочет пить, а Скотс, ничего не показывая, просто зверел

и мечтал поскорее оторвать Мбабану руки и ноги, лишь бы ему тоже налили или отпустили по своим делам.

– Итак, – сказал Хлебазл. – Установлено, что два члена экипажа вашего корабля, заявленные в декларации как подданные короля Папуасы Аддис-Абеба Третьего, после принятия душа из ацетона оказались совершенно белыми людьми. Почему?

– Ацетон – штука серьезная, – ответил на это Мбабан. – Если вас, уважаемый лорд, помыть ацетоном, то на выходе вы станете похожим на одного из жителей планеты Инчучун, кожа которых, как известно, красного цвета.

– Где находится эта планета? – поинтересовался джаппурский атташе.

– В соседнем рукаве нашей галактики, – просветил его Мбабан. – Ее обитателей называют инчучунцами, а звезду, вокруг которой планета вращается – Чингачгукком.

– Я знаю об этой планете, – сказал Хлебазл. – Инчучунцы к пойманным шпионам не имеют никакого отношения! Мы уже допросили лже-папуасовцев, и они оказались кукарелльцами. Как там их зовут? – он повернул голову к Отжиму.

– Одного – Штопор Впень, – сообщил атташе. – Второго – Зуб Вбетон.

– Вот-вот, – довольно кивнул Хлебазл. – Оба – профессиональные замполиты, говоря простыми словами – болтуны. В их задачу входили высадки: одного на Разгульдай, второго на любую джаппурскую планету. Там они должны

были организовать какое-то «коммунальное подполье», вовлечь в эту банду местное население и подготовить революции в Разгульдье и, соответственно, в Джаппурии. Что вы на это скажете?

– А что мне оставалось делать? – с обидой в голосе спросил Мбабан. – Шавеллы заявили, что если я не соглашусь сотрудничать с ними, они национализируют мой звездолет и перекроют движение для других папуасовских кораблей!

– Ладно-ладно, – усмехнулся Хлебазл. – Мы уже это знаем. И хорошо, что вы стали участником подрывной деятельности вынужденно. Это смягчает вашу вину, но не до конца. А скажите, не общался ли с вами некий невзрачный человек среднего роста с серыми глазами и незапоминающейся внешностью?

– Вы имеете в виду Филера? – поинтересовался Мбабан.

– Да! – вскричал Хлебазл, подпрыгнув на стуле от удивления.

– Общался, конечно, – сказал папуасовец. – И совсем не скрывал своего имени. Он у шавелл занимает какую-то важную должность...

– Главный Военспец? – спросил Хлебазл.

– Вот-вот. Он лично инструктировал меня насчет этих двух, подосланных им. У меня создалось впечатление, что Филер занимается засылкой шпионов как некоей рутинной, а сам следует какому-то более обширному плану.

– Вот об этом мы и поговорим, – довольным голосом ска-

зал Хлебазл. – Отжим, не спите! Наливайте, бес вас возьми!

– Не буду я с вами ни о чем разговаривать! – вдруг воскликнул Мбабан. – У меня в горле пересохло!

Хлебазл, подумав немного, произнес:

– Отжим, налейте и ему.

– Воды?

– Нет, помидоровки. Знаете ли, доверительная беседа имеет ряд преимуществ перед допросом.

– Тогда уж и наручники снимите, – пожелал Мбабан.

Хлебазл подал Скотсу знак и через несколько секунд папуасовец, потирая затекшие руки, подошел к столу. Выпив стакан помидоровки, Мбабан закашлялся и, бешено вращая глазами, заорал:

– Это что такое?!

– Помидоровка, – сообщил ему Хлебазл. – Национальный шмордонский напиток.

– Ох и гадость! – негодованию Мбабана не было предела. – Как можно пить эту отраву?! Распорядитесь послать своего денщика ко мне на корабль. Я напишу записку, и ему дадут ящик негрбл, пусть принесет...

– Негрбл? – удивился Отжим. – Что это?

– Божественный крепкий напиток, изготовленный из черного сахарного тростника, – пояснил Мбабан.

– Интересно, – сказал Хлебазл. – Скотс! Бегом на корабль папуасовцев!..

Утро Отжим встретил как обычно. Привычно стукнув-

шлись головой о крышку стола, он растянулся на полу и увидел пару армейских ботинок, свисавших сверху. Но в этот раз рядом с ними болтались две чернокожие ноги со светлыми пятками. В мозгу у Отжима возникло странное слово «негрол». Проанализировав его, Отжим вспомнил черную жидкость, которую он пил с Хлебазлом и Мбабаном вчера. Напиток был очень вкусным и алкогольным. Атташе даже припомнил, что подобную жидкость называют ромом и производят на джаппурской планете Потенции. Рецепт ее производства достался джаппурцам от диких пуцликов. Он заявил об этом папуасовцу, кричавшему, будто так называемый негрол изготавливается только у него на родине, и Мбабан, сильно обидевшись, сообщил, что раз так, то он Отжиму больше не нальет ни грамма! Пришлось с ним согласиться, потому что до Джаппурии было далеко, выпить хотелось сейчас, а помидоровка надоела до колик...

Отжим тяжело вздохнул и решил еще немного поспать. Повернувшись набок, атташе сунул под голову вонючую козлиную папаху, оказавшуюся почему-то опять у него на груди, и забылся глубоким негрольным сном.

ДЖАППУРИЯ – ЧЕРНАЯ ТУМАННОСТЬ

Джабль вышел на привод космопорта Заквакинска, который находился на Слякоти. Джем слегка удивился. Ведь королева совсем не любила Слякоть и появлялась на третьей

планете крайне редко. Но, несмотря на это, душа Джема пела.

Глядя, как Кебаб мастерски сажает звездолет, он говорил:

– Наконец-то мы дома! Слушай, Носатый, а ты не погорячился, отправившись со мной? Ведь теперь тебя отловят и заставят заниматься семьей.

– А я уже сам созрел для этого, – отвечал Кебаб, ловко управляя джаблем. – От жизни не убежишь. И понимаешь этот факт лучше всего в Шмордоне. Полежишь под танком – и сразу понимаешь...

– Ха-ха, – рассмеялся Джем. – Выходит, Шмордон – лучшее лекарство от холостой жизни?

– Шмордон – лучшее лекарство от всех на свете болезней, – серьезно ответил Кебаб. – Побываешь там и сразу понимаешь, что жизнь с вареной кукурузой на пляже города Джяна во сто крат лучше, чем толпы марширующих по плацу танкистов, артиллеристов, ракетчиков и прочих таких же специалистов военного дела. А если все эти люди только и занимаются тем, что пытаются набить тебе рожу в первом же попавшемся кабаке, то самый лучший выход из этой ситуации – гулять с коляской по набережной Джяна и наслаждаться семейной жизнью. Вот так вот...

Кебаб посадил джабль в обозначенное место и выключил двигатели.

– Но все это не значит, что я тебя брошу, – сказал он Джему. – Сейчас мы выйдем вместе и узнаем, какого такого чер-

та от нас надо!

Джем, рассмеявшись, махнул рукой, и они направились к выходу.

Возле джабля стоял служебный шморовоз Морса, в котором не было никого, кроме личного водителя Премьер-министра. Последний сильно удивился количеству пассажиров и заявил, что получил распоряжение доставить в здание космопорта лишь одного Джема. Кебаб, не обратив на слова водителя никакого внимания, нахально уселся на заднее сиденье шморовоза рядом с Джемом.

– Рули давай! – заявил он. – А то я сейчас сам за руль сяду.

Он повернул голову к Джемму и добавил:

– Здесь ведь танки строем не ездят...

Джем снова рассмеялся, а водитель связался с кем-то по шморифону, получил нужные указания и с недовольным лицом занял свое место. Пока шморовоз ехал по космодрому, Кебаб спросил у водителя, глядя тому в затылок:

– Ну как там твой шеф? Не окочурился еще?

Затылок вздрогнул, но ничего не ответил.

Возле здания их ждал целый отряд людей, одетых в незнакомую форму. Из строя вышел тощий начальник с кислым бритым лицом и, обращаясь к Джемму, сообщил:

– Я поручик бото-десантных войск Джаппурии Обер. Вас ждет господин Премьер-министр. Вас одного.

Он многозначительно посмотрел на Джема.

– Я никуда без него не пойду, – ответил посол и указал

взглядом на Кебаба.

Лицо поручика стало еще кислее, но он вынужден был принять во внимание пожелание Джема, и потому молча повел друзей к кабинету начальника космопорта. Странное дело – весь военный отряд, выстроившись в колонну по-одному, устремился следом за ними.

В коридоре перед кабинетом поручик, недобро сверкнув глазами, заявил:

– В кабинет посол войдет один!

Джем, решив не связываться с ретивым воякой, сказал Кебабу:

– Подожди здесь. Я быстро, надеюсь...

Кебаб согласно кивнул головой и остался в коридоре. Как только дверь за Джемом захлопнулась, Носатый, повернув лицо к поручику Оберу, поинтересовался:

– Господин командир, а в вашем роду случайно не было сдавшихся шмордонских шпионов?

– Представь себе, были! – воскликнул поручик и недобро ощерился.

Он достал из карманов своего кителя белый платок и маленькую баночку с зеленой этикеткой. Смочив платок жидкостью из баночки, Обер сделал шаг к Кебабу и зловеще произнес:

– А теперь закрой глазки и открой ротик.

Кебаб, понимая, что творится что-то нехорошее, дернулся, но вдруг почувствовал, что сзади руки его сжали цепкие

пальцы солдат. Белый платок оказался перед его лицом и тут же залепил рот и нос. Почувствовав сладкий омерзительный запах, Кебаб инстинктивно задержал дыхание. «Эфир!» – пронеслось у него в мозгу. И сразу за этим почему-то еще одна фраза, выплывшая из древнего анекдота: «Как пройти в библиотеку?»»

Он напрягся, пытаясь вырваться, но поручик Обер профессионально и коротко дал ему кулаком под дых. Воздух, остававшийся в легких Кебаба, со свистом вырвался наружу. Носатый инстинктивно вдохнул, и сладкая гадость эфира, рванувшись в носоглотку, растеклась по телу бесчувственной негой...

Посмотрев на скрюченного Кебаба, валявшегося на полу, поручик отдал приказ:

– Отвезите его в вытрезвитель и оставьте там. Скажете полицейским, что он напился вдрызг и буянил в буфете космопорта.

Два крепких солдата подхватили бесчувственного Кебаба под мышки, ловко подняли его с пола и быстро исчезли на лестнице.

Джем, закрыв за собой дверь, оглядел помещение и присвистнул. В кабинете было слишком много народа. Самое интересное – все стояли у стен. За столом сидел только Морс. Последний был бледен, но жив и, по всей видимости, более или менее здоров.

Стены же подпирали: толстый министр полиции Квас Ядреный, гориллоподобный министр обороны Дрын Реальный, министр спорта и комфорта Застой Твердый и министр иностранных дел Стандарт Резиновый. Сразу за спиной Морса находилась еще одна дверь, и дверь эта была не закрыта, а прикрыта. Кто-то за ней маячил, потому что в узенькую щелку был виден блестящий любопытством глаз, жадно подглядывающий за обитателями кабинета.

Из всех присутствующих опасность представляли только трое – Квас, Дрын и по-спортивному подтянутый Застой, но и этого было уже много для Джема, поскольку их общий вес превосходил комплекцию посла раза в четыре.

– Не надо свистеть в помещении, – подал голос Морс. – Здесь, на Слякоти, и так сплошные сквозняки. Еще вашего свиста тут не хватало!

– Для начала – здравствуйте, – сказал Джем. – Куда мне присесть?

Стул в кабинете был один и сидел на нем, естественно, Премьер-министр.

– Вы молодой, постойте, – ответил Морс.

– Спасибо, – вежливо произнес Джем. – Как ваше здоровье?

– Уже лучше, – скривившись, сказал Морс. – Как прошло отбытие? Император не помешал?

– Не успел, – усмехнулся Джем. – Но последствия, скорее всего, будут. Объясните, с чем связано мое появление здесь.

Морс, пожевав губами, ответил:

– Джаппурии грозит опасность. Времени крайне мало. Вы немедленно отправитесь в командировку. В этом космопорту вас ждет звездолет. Ситуацию вам объяснят в пути.

– Что за спешка такая?! – повысил голос Джем, не выдержав. – И где, наконец, королева? Почему она не встретила меня?

– Королева не знает, что вы здесь, – ответил Морс.

Джем обвел присутствующих удивленным взглядом.

Квас тупо смотрел перед собой, Дрын злорадно улыбался, Застой отрешенно пялился в окно, Стандарт увлеченно листал свой блокнот, а глаз за прикрытой дверью возбужденно моргал. На Морса Джем смотреть не стал. Совсем не хотелось.

– Да и кто вы такой, чтобы из-за вас тревожить беременную женщину? – продолжил Премьер-министр. – Ей и так несладко, а вы всего лишь посол. Мало ли в Джаппурии послов? Что, из-за каждого прикажете королеву дергать?

Джем все-таки взглянул на Морса и не поверил своим глазам. Премьер-министр улыбался! Правда, как-то гаденько, но и это было необычным явлением.

– Никуда я не полечу! – заявил Джем.

– Еще как полетите, – утвердительно кивнул головой Морс. – А повезет вас вот этот человек.

Премьер-министр щелкнул пальцами, дверь за его спиной распахнулась, и в кабинет шагнул невысокий плотный муж-

чина с шевелюрой седых кудрявых волос на голове, горбатым хищным носом и серой серьгой в ухе. У Джема отвисла челюсть.

– Я вижу, вы его узнали! – воскликнул Морс и довольно хихикнул.

Это был разгульдяйский пират и контрабандист Алмаз Жемчужный, в прошлую войну продавший Джема, как мешок картошки. Он приятельски подмигнул послу и занял место у стенки рядом с Дрыном Реальным.

– Еще как узнал! – воскликнул Джем. – И не могу с ним не поздороваться.

Он вытянул вперед правую руку и сделал несколько быстрых шагов в сторону разгульдяйца. Тот, растянув губы в улыбке, выставил свою руку в ответ. Джем правой кистью крепко пожал протянутую ему конечность, а левую сжал в кулак и этим кулаком с глубоким чувством радости врезал Алмазу в ухо. Голова разгульдяйца коротко качнулась и серьга в противоположном ухе сразу же заняла горизонтальное положение. Джем, не удовлетворившись таким приветствием, освободил от пожатия правую руку и резко двинул ей в левый пиратский глаз. Алмаз, врубившись затылком в стену, удивленно всхрюкнул и сполз на пол.

– Хватайте этого негодяя! – завопил Морс.

И понеслось!

Через пять минут Джем уже сидел на стуле с руками и ногами, скованными наручниками. Костюм его был слегка

порван, а скулы покрылись красными пятнами, но Джем несколько не огорчился такими фактами, поскольку побоище вышло крайне результативным.

Дрын, ругаясь черными словами, вытирал платком кровавые сопли, текущие из разбитого носа; Застой, тихо скуля в углу, баюкал вывихнутую левую руку, а Квас рассматривал свой выбитый зуб, держа его перед глазами на расстоянии вытянутой руки. Алмаз так и продолжал лежать на полу, не приходя в сознание, зато Стандарт ползал под столом, собирая осколки стекол, высыпавшиеся из его очков (он совершенно случайно попался Джемму под руку, и потому ему срочно пришлось познакомиться лицом с крышкой стола).

Не пострадал один Морс, поскольку он руководил побоищем, бегая от стенки к стенке, а руководители, как известно из практики, если и получают в сражениях шишки, то только моральные или карьерные. Карьере его и так ничего не угрожало, а по поводу морали он сильно не переживал. Правда, теперь ему пришлось стоять, так как единственный стул занимал Джем, но это его не печалило. Наоборот, Премьер-министр был доволен битвой и радостно потирал руки.

– Я же сказал, что все равно вы полетите, – сказал он. – Стандарт, прекратите ползать! Позовите солдат из коридора. Пусть доставят Джема на корабль. Да! И владельца этого корабля не забудут с собой прихватить.

В кабинет вошли солдаты. Поручик Обер, внимательно взглянув на ухмылявшегося Джема, привычным движением

достал из кармана платок и банку с зеленой этикеткой.

– Ну что, сынок, отдохнуть конкретно не желаешь? – спросил он ехидно.

– Пошел к черту, папаша! – ответил Джем, с подозрением косясь на странную банку.

– Живее, офицер! – потребовал Морс.

– Слушаюсь! – рявкнул Обер, и отдал свободной рукой честь.

Он тут же смочил тряпку эфиром и с силой прижал ее к лицу бывшего джаппурского посла. Джем, понимая, что этот раунд будет им обязательно проигран, немного посопротивлялся для вида, вынужденно нюхнул платок и сладкая дурь, ворвавшись в легкие, отправила его сознание в некое астральное место, где он присоединился к Кебабу, который оказался там несколькими минутами ранее него самого.

Когда солдаты выволокли в коридор два бесчувственных тела, Морс распорядился:

– Этого хулигана Кебаба отправьте на планету Сочи. Его жена с ума сходит. В розыск подала... Пусть сидит там. А Пахану Родимому передайте, чтоб никуда его с планеты не выпускал!

Полет продолжался ровно. Джем ел, спал и опять ел и спал.

В каюте все было хорошо. Имелись туалет, душ и даже шморовизор, который почему-то работал бесперебойно.

Джем понимал, что корабль разгульдяйцев движется в пространстве, и потому коммуникационные спутники Джаппурии остались далеко позади. Куда он летит – Джем не знал, но шморовизор продолжал работать как часы.

Самое интересное оказалось в другом. Пощелкав каналами, Джем обнаружил, что шморовизор прекрасно принимает сигнал не только Джаппурии, от которой, по всей видимости, он удалялся, но и лучи спутников Шмордона.

Включив новости, он слушал:

– В связи с раскрытием нового заговора против императора Шмора Тринадцатого лорд Хлебазл помилован высочайшим указом и награжден орденом «За неустанное бдение». Джаппурский атташе Отжим Чтоплохолежим, оказавший существенную помощь в работе контрразведки Шмордона, награжден медалью «За рабскую преданность империи». Лорд Пендрол, вручая награды, заметил, что справедливость, наконец, восторжествовала!

Экран показывал большой дворцовый зал и одутловатую рожу Отжима крупным планом. Шмореныш хлопал атташе рукой по плечу, отчего медаль, приколотая к груди Отжима, болталась, как колокол на ветру.

Переключив канал, Джем слушал совсем другое:

– На заключительном этапе чемпионата Джаппурии по лыжному слалому, проходящему в горном поселке Бодунхуторе на планете Дубаре, выступила джа-джок-джолк-джюс группа «Секстет Сексота», которая исполнила динамичный

хит с названием: «Лыжники-задрожники». Послушайте эту прекрасную песню!

И Джем слушал.

Три раза в день заходил Топаз, привозивший с собой сервированную тачку, полную еды. Топаза Джем тоже знал. Тот был каким-то дальним родственником Алмаза Жемчужного и в иерархии разгульдяйского экипажа звездолета занимал далеко не последнее место. В прошлый раз, когда узниками Алмаза были Джем со Шмором Тринадцатым, Топаз возил им не только еду, но и выпивку. В этот раз такого не было.

– Тебе что, трудно? – каждый раз спрашивал у него Джем. – Ну принеси хоть двести граммов чего-нибудь!

Настроение Джема оставляло желать лучшего и ему хотелось просто напиться.

– Нет, господин Джем! – твердо отвечал Топаз, краснея (восемнадцатилетний возраст сказывался). – Не положено.

– Кем?! – яростно спрашивал Джем.

– Алмазом, – отвечал Топаз.

– Да пошли ты его подальше! – требовал Джем

– Не могу, он мой дядя, – отвечал Топаз.

– Вот так всегда! – горестно сокрушался Джем. – Вокруг одни трусы или их родственники...

Топаз молча уходил и его плечи не выражали никакого сочувствия узнику звездолета.

Щелкая каналами шморовизора, Джем слушал всякие новости из глубин галактики, и это его сначала сильно удив-

ляло. Языков дальних миров он не понимал, но мог отличить информационно-новостную передачу Кукареллы от какого-то шоу танцующих под пальмами папуасовцев. Сложности это никакой не представляло, потому что кукарелльцы, как известно, всегда одевались в оранжевые робы и ходили колоннами, а папуасовцы не носили никакой одежды и были чернее сажи.

Получалось, что шморовизоры разгульдьяйского звездолета принимали сигналы всей галактики. В прошлый раз этого не было, и потому Джем находился в состоянии некоторого непонимания. А точнее – он совсем ничего не понимал.

Положение, в котором он оказался, рисовалось ему самыми темными красками. Палитра была таковой: устранение его от королевы, отправка в самый дальний угол галактики с последующей продажей в рабство представителям какой-нибудь зачуханной цивилизации. И потому он несказанно обрадовался, когда Топаз как-то в один из мрачных полетных дней сообщил следующее:

– Вас хочет видеть мой дядюшка Алмаз.

Несмотря на трудовой дух этих слов, Джем не преминул поинтересоваться у Топаза:

– Ну и как здоровье твоего драгоценного родственника?

Топаз ответил:

– У него уже все хорошо. Шишка на затылке рассосалась, а глаз почти зажил.

– Жаль! – искренне заявил Джем. – Ну что ж, веди!

И Топаз повел. Вот только руки Джема сковал наручниками, а на ноги надел кандалы с короткой цепью.

Стол был накрыт на славу. Чего только на нем не было!

Бифштексы лежали на блюде горкой, дымясь горячим ароматом; запеченная в духовке рыба, присыпанная жареным лучком, пахла изумительно; а в центре стола красовался громадный жареный гусь, державший в клюве яблоко. Он как бы имел в виду: «Сожрите меня скорее, а то я подавлюсь!» Рядом с гусем высилась литровая бутылка коньяка с грозной надписью на этикетке: «Шмордонская ракета». Под надписью крупными буквами было выведено: «Выдержка двадцать лет». И еще помельче: «Из лучших сортов винограда имения графа Вискерса».

Джема усадили за стол, но наручники с кандалами не сняли.

– И как я все это буду есть? – тут же поинтересовался он у Топаза.

Последний, взглянув на закованные руки Джема, пожал плечами и ответил:

– А с чего вы взяли, что будете есть? Если вас пригласил на ужин капитан, это не значит, что он разделит его с вами.

Джему представился Алмаз Жемчужный, набивающий пузо деликатесами, при этом сладострастно взрыгивающий и причмокивающий.

– Тогда я отказываюсь от встречи, – сказал он и встал.

– Нет-нет-нет! – вскричал Алмаз Жемчужный, появляясь в дверях. – Я пригласил вас на ужин и потому никаких наручников больше не будет. Топаз, сними с Джема всю эту гадость!

– А ты не погорячился? – спросил Джем с усмешкой.

– Возможно, – ответил Алмаз, садясь за стол напротив Джема. – Я думаю, что вы, Джем, хотите узнать, куда мы летим и зачем все это нужно. Для получения ответов на вопросы совсем не нужно махать кулаками, ведь от этого ничего не изменится. Правда?

– Да, – согласился Джем. – Но в употреблении кулаков есть очень большая доля удовольствия!

– Совершенно с вами согласен, – кивнул головой Алмаз, запихивая за воротник салфетку. – Предлагаю вам сначала поужинать, перемежая еду приятной беседой, и уж после этого решить, стоит ли получать удовольствие от махания кулаками. Ведь времени у нас много, и я от вас не собираюсь никуда убегать.

Алмаз был очень спокоен и деловит. Большой черный сник под левым глазом делал его лицо комичным, и потому Джем вдруг решил внять доводам пирата.

– Снимите с меня наручники и кандалы, – сказал он. – Обещаю не буйствовать.

– Ну вот и славно, – обрадовался Алмаз. – Освободи его. Топаз снял все железо, свалил его в угол комнаты и застыл за спиной Джема.

– Нет-нет! – воскликнул Алмаз. – Топазик, родной, оставь нас.

– А если вдруг опять... – Топаз порывисто указал рукой на Джема.

– Я думаю, наш дорогой гость вспомнит, что он уже не ребенок и потому серьезные дела смешивать с играми не станет, – сказал Алмаз, намазывая толстым слоем на бутерброд с маслом красную икру рыбы сюсюсь, в изобилии водящейся в водах Боскории.

– В прошлый раз я тоже сначала был дорогим гостем, – произнес Джем, сглатывая неожиданно набежавшую слюну. – А потом вдруг стал товаром.

– Вот видите, дядя! – Топаз развел руки в стороны. – Он никак не угомонится!

– Иди, я сказал! – рывкнул Алмаз и, откусив от бутерброда, принялся жевать.

Топаз выскочил в коридор и прикрыл за собой дверь, но, по всей видимости, никуда дальше не пошел, а остался на страже. Джем решил пока не буйствовать, потому что ему очень хотелось вкусно поесть.

Алмаз тем временем откупорил бутылку, наполнил две рюмки и, придвинув одну из них поближе к Джему, сказал:

– Вы считаете меня врагом. И зря. Но пока это так, предлагаю не чокаться, а просто пить и есть.

– Угу, – согласился Джем, выпивая рюмку.

Алмаз сделал то же самое.

Далее они молча ели все, что было на столе. Алмаз не забывал подливать в рюмки, и через двадцать минут бутылка опустела на треть. Когда Джем ощутил благодатную сытость, посетившую его, он вдруг понял, что теперь ему совсем не хочется бить рожу разгульдяйскому пирату. Более того, он поймал себя на мысли, что неплохо было бы выступить с речью перед Алмазом и, пользуясь юридическими, этическими и всякими риторическими принципами, доказать контрабандисту, что тот является полным моральным уродом.

Алмаз, посверкивая хитрыми сытыми глазами (причем левый глаз его, обрамленный черным ореолом синяка, блеснул как-то ярче правого), явно ждал обличительных слов, но, странное дело, совсем этого не пугался, а наоборот – приветствовал.

– Спасибо за этот роскошный ужин, – начал Джем.

– Я рад, что он понравился вам, – ответил Алмаз, улыбувшись.

Джему вдруг расхотелось ругаться и обзывать, а также обращаться к хозяину звездолета на «ты». Поэтому он продолжил свою речь в цивилизованном ключе.

– Все, что случилось в прошлый раз, делает вас в моем понимании самым последним негодяем. Я мечтал о встрече с вами, чтобы поквитаться. Ведь вы спасли нас тогда. Точнее – мы так думали. А на самом деле вы продали нас как рабов! Поэтому не обижайтесь на фингал, который светит у вас под глазом... Кстати, не советую попадаться в руки Шмору Три-

надцатому. Он обиделся на вас куда сильнее меня. У императоров, знаете ли, чувство собственного достоинства располагается на одном уровне с манией величия.

– Да-да, понимаю, – кивнул головой Алмаз. – Но в той ситуации решал не я. Все, что случилось с вами – результат политики Премьер-министра Морса.

– Да ладно! – не поверил Джем.

– Я действительно хотел сгрузить вас всех, включая императора, бесплатно, – пояснил Алмаз. – Но Морс воспротивился этому. Деньги, уплаченные якобы мне, на самом деле пошли в доход Джаппурии.

– М-м-м, – промычал Джем, так как слов у него не было.

– Мне лишь наполнили баки топливом, – сказал Алмаз. – И не надо думать, что императора Шмора не приняли бы без выкупа. Деньги – игра. И провел ее Премьер-министр.

– Не может быть! – вскричал Джем, вскакивая со стула.

– Не нервничайте вы так, – спокойно сказал Алмаз. – Присядьте.

Джем медленно опустился на стул, а разгульдяец наполнил рюмки.

– Давайте выпьем, – предложил он.

Джем машинально чокнулся с Алмазом, и они выпили.

– Премьер-министр – инструмент, управляющий государством, – продолжил Алмаз. – И чем инструмент тверже, тем государство лучше себя чувствует. Так вот: Морс – хороший

инструмент.

– Получается, что весь этот фарс с выкупом лежит на его совести?

– Посудите сами. Зачем бесплатно принимать посольство, сбежавшее с другой планеты, если можно получить деньги?

– Но ведь мы бежали вместе со свергнутым императором. Это война!

– Если вы, Джем, впряглись в это дело (ведь это именно вы спасли императора), значит, Шмор должен был обязательно вернуться к власти. А раз так – деньги сами идут в руки. Получается выгода: сначала, типа, платишь (но деньги остаются на месте), потом ровно такую же сумму получаешь с Шмордона. Мне, естественно, никто не платил. Я в той ситуации выступал в роли балаганного клоуна. И даже драка, устроенная вами в моем корабле, послужила причиной повышения суммы выкупа. В итоге Шмордон заплатил вдвойне, а то и втройне, а мне за разбитое лицо досталось всего сто золотых бабосов. И это нас, разгульдяйцев, вы считаете жуликами?! Тогда Морс кто?

– Секундочку! – Джем взъерошил волосы у себя на голове. – Почему вам, как вы выражаетесь, «естественно, никто не платил»?

– Потому что я ничего и не хотел. Я действительно вам помог просто так.

– Не верю!

– Правильно делаете. Но все же это правда.

– Ничего не понимаю! – взорвался Джем.

Он вскочил и принялся бегать по комнате. Алмаз – как ни в чем не бывало – налил себе рюмку, выпил ее и закусил долькой апельсина. Джем, набегавшись, упал на стул и спросил:

– Что значит утверждение: «если я спас императора, он должен вернуться к власти»?

– Именно это и значит. Шмор Тринадцатый вернулся на трон? Да.

Джем хлопнул рукой по столу и свирепо заявил:

– Хватит! Объясните наконец, что происходит?!

– Для этого вы и летите со мной, – довольным голосом сказал Алмаз. – Я буду объяснять, а вы – слушать. Готовы?

– Готов! – воинственно воскликнул Джем, вращая глазами.

– Ну и хорошо, – сказал Алмаз, убирая бутылку с недопитым коньком под стол. – Вы очень везучий человек, не находите?

– Никогда об этом не задумывался, – сказал Джем.

– Все, что не делается вокруг вас, делается так, как вам нужно.

– Ничего подобного! Революция, которую мы хотели вернуть на Потенции, не получилась. И что? Здравствуй, как торга!

Алмаз, прищурив глаза, улыбнулся.

– К везению это не имеет никакого отношения, – пояснил

он. – Революции случаются не просто так. Революции готовятся. А вы готовились? Как же! У вас в голове кроме любви к королеве ничего больше не было! Вот и получили результат. Точнее – закономерность. Как запряг, так и поехал... А везенье – каторга вместо смертной казни, победа во Второй Шмордонской войне, в Третьей такой же, и даже в Четвертой, которая и войной-то пока не считается. Не зря вас в детстве тестировали на везение. Все прогнозы оправдались...

Джем во все глаза смотрел на усмехающегося Алмаза и молчал.

– Что-то не так? – поинтересовался разгульдяец.

– Все не так, – сказал Джем. – Я не помню своего детства.

Но, как видно, кое-кто помнит. Кто вы такой?!

– Разгульдяйский пират и контрабандист, – с апломбом ответил Алмаз.

– Этого мало! – вскричал Джем. – Если вы не объясните, откуда знаете все, что рассказываете, я за себя не ручаюсь!

Он вскочил и сжал кулаки.

– Тихо-тихо-тихо, – молитвенно сложил у груди руки Алмаз. – Умерьте пыл, сядьте и слушайте.

Джем сел.

Алмаз откинулся на спинку стула и принялся рассказывать:

– Когда-то давно (лет этак двадцать пять назад) в этом самом звездолете я вез в Джаппурию маленького мальчика. Он был один. Обычно я возил детишек партиями по де-

сять-двадцать человек. Но иногда приходилось доставлять особо ценный груз, и тогда пассажир был единственным, как в случае с тем мальчиком. Ему еще не исполнилось пяти лет, но он был очень шустр. Мальчик бегал, прыгал и болтал. Это были вы, Джем. Из всех детей, которых надлежало развести, вы единственный прошли тест на везучесть. В чем он заключается, я не знаю, но те, кто его проводил, понимают свое дело, поверьте...

– Стоп! – сказал Джем. – Давайте медленно, не торопясь. Хмель разом выветрился из его головы.

Детские воспоминания, посещавшие его иногда, ничего существенного не давали. Уже потом, в более позднем возрасте, Джем узнал, что у большинства детей есть отцы и матери, и дети эти живут не в детских домах, а в семьях, где существуют не только завтраки, обеды и ужины, но еще постоянные бананы, апельсины и конфеты когда вздумается. И, кроме того – масса всяких других вкусностей типа новых велосипедов по возрасту, катания на лыжах с мамой и папой, аквапарки с бешеными горками и любовь родителей, в которой купаешься день за днем, ныряя в нее с головой, не боясь при этом захлебнуться.

У Джема ничего этого в детстве не было, потому что оно прошло в детском доме, где воспитатели были собственностью нескольких сотен ребят и потому не могли дать любовь кому-то одному. Они дарили ее всем. А согласно любому закону сохранения: чем больше частей, на которые делится од-

но целое, тем меньше от этого целого остается. И части получаются совсем крохотными... Но воспитатели бывают разными, и если у кого-то из них нет любви к своим воспитанникам, то и делить не надо ничего.

– Вы когда-нибудь слышали слово «Земля»? – спросил Алмаз.

– Конечно, – ответил Джем. – Земля есть везде. Ведь мы по ней ходим. Ах да! Иногда свистон Эндюльген употреблял это слово в значении места, где находится рай. Но делал он это, находясь в убойной степени опьянения, и дальше никогда не распространялся. Как-то он сказал, что слово «Земля» имеет отношение к самым сокровенным тайнам религии, и знают эти тайны только посвященные свистоны высших рангов. Эндюльген предлагал мне заделаться свистоном, чтобы узнать...

– Земля – планета в Солнечной системе.

– Никогда о такой не слышал.

– Все жители нашей галактики – потомки землян. А некоторые из них – настоящие земляне. Как, например, вы, Джем.

– Я джаппурец!

– Сейчас да. Но в четырехлетнем возрасте были землянином.

– И где расположена эта система?

– Неизвестно. Может быть – в другой галактике, а может – в другой вселенной. Итак, по-порядку... В уголке мирозда-

ния, где находимся мы с вами, живет одна очень древняя раса. Можно называть их богами, сверхцивилизацией, да как угодно! Они – хозяева нашей метагалактики. Как они называют сами себя? Да черт их знает! Эти хозяева делают то, что нужно им. Зачем-то они стали возиться с темной материей, находящейся в области Черной туманности.

– Это сектор пространства, который расположен сразу за Джаппурией?

– Да. Возможно, что они сами и создали этот хаос. Кстати, следует заметить, что до появления их здесь, в нашей галактике не было разумной гуманоидной жизни. Оказалось, что цивилизация – редкое явление... В области Черной туманности есть звезда, вокруг которой вращаются две планеты. Хозяева (будем называть их так) сделали эти планеты пригодными для жизни и приступили к каким-то странным опытам с темной материей. Выяснилось, что сгустки пространства, состоящие из этого вещества, – тоннели, ведущие в чужие миры. И сначала они были неконтролируемы. То есть работали, как сами того хотели, подчиняясь странным и непонятным законам. На первой из планет появилось место, которое сейчас называется Попадбсом. Что такое Попадос? Потухший вулкан, а точнее – пещера в горе. Это огромное помещение в скале, где есть вход и нет выхода (в привычном для нас понимании слова). Короче говоря – пещеру перегораживает стена серебристого тумана. И вот из этого тумана все время что-то появляется. Какие-то неведомые жи-

вотные, предметы, и, конечно, разумные существа. Хозяева пытались вводить в туман коммуникационные приспособления, но все они исчезали, и сигнал с ними терялся. Просовываемые шланги и тросы засасывались в стену с дикой силой. Несколько Хозяев исчезли, втянутые туда вместе с оборудованием. Никто из них не вернулся обратно.

– Откуда все это известно? Ваш длинный разгульдяйский нос влез в доверие даже к этим самым Хозяевам?

– Нет, конечно. Времена, о которых я рассказываю, канули в лету. Хозяева давно разобрались с тоннелями и покинули нашу галактику, оставив ее людям. Итак, животные и другие непонятные существа, выбрасываемые из Попадоса, в основном гибли, так как среда обитания, в которой они оказались, не соответствовала их жизненным параметрам. Тех, кто выживал, Хозяева изучали и развозили по планетам нашей галактики, пригодным для обитания. Из разумных существ первыми появились пуцлики...

– Опять об этих пуцликах! Да это же сказки!

– Не сказки и скоро вы в этом убедитесь. Кто они? Люди как люди, только маленького роста, и к Земле никакого отношения они не имеют... Не зная, что случилось со своими товарищами, затянутыми в Попадос, Хозяева, как гуманные создания, не выталкивали пуцликов обратно, а расселяли их в ближайшей звездной системе, ныне именуемой Джаппурией. Продолжая экспериментировать со сгустками темной материи, Хозяева произвели несколько взрывов. Материя за-

двигалась в другом порядке, и это сразу же сказалось на Попадосе. Во-первых: пещера стала принимать гостей порционно, во-вторых: в основном с Земли.

Алмаз, вздохнув, взглянул на Джема. Тот, недоверчиво скалясь, произнес:

– Давайте, врите дальше.

Разгульдяец осуждающе покачал головой и продолжил:

– Хозяева, посчитав землян родственниками пуцликов, сначала отправляли их на планеты Джаппурии. Но там сразу же стали возникать конфликты. Хозяева решили более внимательно подходить к расселению людей. Таким образом, были найдены места для проживания представителям различных рас, поскольку люди Земли имели разные цвета кожи. Чернокожих доставляли в систему, называемую ныне Папуасой, краснокожих на планету Инчучун, людей с раскосыми глазами – во второй рукав нашей галактики, где сейчас существует несколько обитаемых миров в районе звезды Заогао. А на всех четырех планетах Джаппурии вспыхнула самая настоящая война! Пуцлики дрались с людьми. И те и другие использовали для этого оружие каменного века. Вот как давно это было! Но то же самое стало происходить на всех других планетах, заселенных землянами. Папуасовцы дрались с папуасовцами, инчучунцы с инчучунцами, а раскосоглазые со своими соплеменниками. Тогда Хозяева нашли лучший, по их мнению, выход. Они стали выделять из прибывающих землян людей, наиболее агрессивных

или чем-либо вооруженных. И таких принялись отправлять на Шмору. Каменный топор у тебя в руках – в Шмордон! Копье – туда же. Если из пещеры Попадоса выходит целое племя и все мужчины вооружены – группа отправляется на планету вояк (включая детей и женщин). Странное дело, но такая политика помогла, хоть и не полностью. В дальнейшем Хозяева следовали ей неустанно. Появился из пещеры римский воин – в Шмордон. Отряд французских рыцарей – путь известен. Так продолжалось в течении многих сотен лет.

– А кто такие «римский воин» и «французский рыцарь»? – спросил Джем.

– Ах, – отмахнулся рукой от вопроса Алмаз. – Вам вскоре придется изучать историю Земли. Вот тогда и узнаете все сами... Но в Джапурии сложилась катастрофическая ситуация. Люди стали побеждать пуцликов. И тогда Хозяева подогнали огромный звездолет, забрали пуцликов и перевезли их на вторую планету Черной туманности.

– Это из легенды о Ковчеге пуцликов?

– Да, только это не легенда... Короче, так продолжалось очень долгое время, но вдруг один из Хозяев, засосанных туманом в пещере, вернулся обратно целым и невредимым. Он рассказал, что все переходные тоннели имеют жестко закрепленную точку в нашей галактике и находится она, естественно, в горе Попадос. Зато другие концы переходов блуждают по Земле в произвольном порядке, но появляются, в основном, на суше. Далее он сообщил, что научился вычис-

лять их появление и потому смог вернуться обратно. Хозяева, воспользовавшись столь ценными сведениями, отправили на Землю несколько сотен своих исследователей, и все они смогли снова попасть домой. Оказалось, что выходы тоннелей находятся на одном месте всего несколько секунд, и потому, если появившемуся в Попадосе человеку дать пинка под зад, то он отправится на родную планету, вот только попадет совсем не в ту точку, откуда отправлялся. Этот факт очень обрадовал Хозяев, так как возня с вечно дерущимися людьми сильно им надоела. И они стали отправлять обратно всех дорогих гостей. Ворвался в пещеру человек – дуи обратно! Но совсем маленьких детишек, появившихся без сопровождения взрослых, решено было оставлять здесь. Если взрослый человек из своей страны вдруг влетит в другое место Земли – плохо, конечно. Но ведь он взрослый и голова у него на плечах имеется. Жить можно везде. А вот ребенок не сможет себя защитить никак...

– Как эти дети оказываются в тоннеле? – спросил Джем пересохшими губами. – И что потом с ними происходит?

– С перемещением все случается мгновенно, – пояснил Алмаз. – Вышла, например, мамаша погулять с ребенком. Усадила в песочницу лепить куличики, а сама уселась в двадцати шагах дальше на лавку болтать по телефону.

– Шморофону?

– Нет, именно телефону. Появляется рядом с песочницей легкое серебристое марево. Ребенок заинтересованно делает

шаг – и все. Здравствуй, Попадос! А через несколько секунд марево растворяется в воздухе.

– Так что происходит с этими детьми дальше? – взволнованно спросил Джем.

– Хозяева решили навести в галактике порядок. Детей тестируют. Тех, кто постарше – на умственное развитие. Со всем маленьким – на везение. Дальше либо оставляют на первой планете, либо отправляют в другие системы, где помещают в закрытые детские дома. Там ребят обучают по специальной программе. Потом из таких детишек получаются министры, управляющие государствами. Благодаря этой тактике везде исчезли внутренние войны. За исключением Шмордона, естественно. Хозяева туда не лезли принципиально. Потому шморы многие столетия безнаказанно били друг друга морды и резали глотки. Происходило все это до появления Шмора Великого. Но последний – явление местное. Даже среда военных идиотов иногда исторгает из себя умных людей. Кстати, Шмор Тринадцатый – из последней категории, чего никак не скажешь о Шмореныше.

– Получается, что детский дом, в котором я провел детство, необычный?

– Да.

– Кто об этом знает?

– Совсем незначительный круг людей. Министры, депутаты, некоторые из верховных судей. Все те, кто сам прошел по этому пути.

– А королева?

– Нет.

– Нет?!!

– Да!

– Как?!

– Так. Королева – успокоительный продукт недалекого джаппурского общества.

– Я тебе сейчас второй фингал повешу!

– Тихо-тихо-тихо, – сказал Алмаз, доставая из-под стола недопитую бутылку коньяка. – Понимаю ваше состояние. Правда – штука тяжелая. Давайте выпьем и успокоимся.

Он наполнил рюмки, и они с Джемом выпили.

– А кто решает, какого ребенка куда отправить? – вдруг поинтересовался Джем. – Хозяева?

– Они уже давно покинули нашу галактику. Разобрались с тоннелями и ушли. Иногда, правда, навещают первую планету, но очень редко. Решают люди, оставшиеся на первой планете.

– Они что, особенные?

– Можно сказать и так. На них Хозяевами наложена задача по отбрасыванию землян обратно. Более того – они сами научились уходить в тоннели и возвращаться назад. Далеко не все, конечно...

– И как называется первая планета?

– Гдэя.

– Где я? – удивился Джем.

– Нет, Гдэя, – поправил его Алмаз. – Эта фраза – первое, что произносят люди, оказавшиеся в Попадосе. Она миллионы раз звучала на всех земных языках. Вот Хозяева и называли так планету.

– Выходит, ее обитателей называют гдэяйцами?

– На такое прозвище они обижаются. Правильно будет называть их гдэяйцами.

– Ну хорошо, а почему я попал на Джаппурию один, а не в составе группы?

– Вы прошли тест на везение, а это – очень большая редкость. Такие как вы представляют огромную ценность, потому что становятся впоследствии главами государств.

– ?!!

– Вы удивлены? Но это так. Морсу тогда исполнилось тридцать семь лет. Вы должны были послужить ему заменой, потому вас и доставили в Джаппурию загодя. Недавно его хватил микроинфаркт, и он принял решение уйти в отставку. Для этого Премьер-министр и вызвал вас. Но сначала вам придется пройти обучение на планете Гдее. Вот туда мы как раз и направляемся.

– Получается, что эта гнида знала обо мне все?! – взревел Джем, вскакивая с места. – Она знала, что я стану ей преемником, и все равно гнобила меня на каторге?

Ответа на этот вопрос можно было не давать, и Алмаз, сложив руки на животе, с интересом смотрел на Джема, бегавшего по каюте и размахивавшего кулаками. Наконец, на-

бегавшись вволю, Джем схватил стул, на котором сидел ранее, грохнул его об пол и принялся топтать ногами к вящему удовольствию разгульдяйца. Дохрустев последними досками, Джем выпрямился, вытер рукавом пот на лбу и хриплым голосом поинтересовался:

– Там еще осталось, что пить?

– Конечно! – ответил Алмаз радостным после просмотра шоу голосом.

Он налил, они чокнулись, выпили, и Джем задумчиво уставился на стул разгульдяйца.

– Вы хотите повторить? – услужливо поинтересовался Алмаз, вскакивая на ноги и подвигая стул к Джему.

– Нет, спасибо, – сделал отрицательный жест рукой Джем. – Пойду, наверное, спать. Что-то устал я...

– Пожалуйста, – кивнул головой Алмаз. – Но я обязан вас кое о чем предупредить. Дело в том, что вы являетесь дублем.

– Кем?

– Дублем. Вообще-то положено начинать подготовку замены руководителям государств по достижению ими тридцати лет. Что и было сделано за семь лет до вас. Один из разгульдяйских звездолетов повез маленького мальчика, но был перехвачен шмордонским боевым кораблем, нагло напавшим в нейтральном пространстве. О судьбе корабля и мальчика ничего не известно до сих пор. Но замену нужно было готовить, а ее не было. Я уже говорил, что тест на ве-

зение проходят крайне редко. И здесь появились вы. Хотя и через семь лет, но все же...

– Зачем вы рассказываете это мне?

– Дело в том, что пропавшего мальчика звали Филом. Ему было пять лет, и два из них он провел на Гдее. А это уже та часть памяти, которая полностью не забудется. Если он до сих пор жив (у меня есть чувство, что это так), то ему уже больше сорока лет. Кому он служит? Чем занимается? Он владеет очень опасной информацией.

– Ну и черт с ним! – устало сказал Джем. – Я пойду...

Он развернулся и пошел к выходу из каюты, но вдруг остановился. Перед дверью в кадке стояло карликовое деревце с ровной кубической кроной.

– В прошлый раз вы мне ввали, будто купили эти деревья в Тарахтуне, – сказал Джем, не поворачивая головы. – Сейчас скажете, откуда они?

– Скажу, – усмехнулся Алмаз. – Я говорил вам правду. Они действительно продаются в Тарахтуне. Вот только возим их туда мы. Это карликовый вид. А гигантские кубические тополя растут на Гдее.

У Джема в голове тут же всплыл голос барона Филера, который спрашивал: «А вы в своих воспоминаниях, случаем, не видели деревьев с длинными стволами и кубическими кронами?»

Резко обернувшись, Джем сказал:

– Этот мальчик действительно жив. Теперь он барон. И

зовут его Филером.

Алмаз, вздрогнув, ответил:

– Это очень плохо.

– Почему?

– Потому что возникает предположение о неслучайности нападения шмордонского корабля. И еще ряд вопросов: кому было надо, зачем было надо, почему было надо и наконец – кто наводчик?!

– Пошли все к черту! – вялым голосом произнес Джем. – Катитесь вы все к пуцликам с вашими Морсами, Филерами и Попадосами! И если хотите, то катитесь к отцу Эндюльгену в свистоны и тогда точно окажетесь в раю на Земле. А я пойду спать!

Он вышел в коридор и от души грохнул дверью. Алмаз, что-то просчитывая в уме, еще долго смотрел на захлопнутую Джемом дверь.

ДЖАППУРИЯ. СОЧИ

Пахан Родимый, сидя за столом в своем рабочем кабинете, одним глазом просматривал полицейскую сводку криминальных событий за сутки, а другим ухом слушал нытье Кебаба, расположившегося по-барски на диване в углу комнаты.

– Черт знает что! – нудел Кебаб. – Дজেма отправили в какую-то секретную командировку, и даже королева не знает,

где он. Как он там без нее? А без меня?! Но здесь еще моя жена... Не представляешь, как напрягают беременные женщины! А ты меня с планеты не выпускаешь! Тоже мне родственник! А друг? Тьфу!..

– Правильно делаю, – ответил Пахан, бегая глазами по строчкам. – Попробуй тебя выпустить – тут же смоешься. И несчастная беременная женщина будет доставать меня. Вот уж хватит! Твоя жена – ты с ней и мучайся.

– Бессердечная полицейская морда! – с вызовом констатировал Кебаб.

– Как раз сердечная, – ответил Пахан, шевельнув усами. – Помогаю твоей жене обрести покой.

– Сволочь!

– Хочешь за оскорбление в тюрьму загудеть? Даже на это готов, чтобы смыться. Дудки! Мучайся...

Кебаб взвыл от горя!

Внимание Пахана тем временем привлекло следующее сообщение:

«Торговка Чурчхела Конченная выменяла на два початка вареной кукурузы железный пестик для приготовления пюре, именуемый в народе «толкушкой». Во время давления вареной картошки пестик, оказавшийся в итоге шмордонской противотанковой гранатой, отбросил кольцо и неожиданно взорвался, разворотив дом Чурчхелы полностью и два соседских дома частично. Торговка как всегда уцелела, отделавшись царапинами и ожогами. Следствие установило,

что гранату под видом пестика ей всучил несовершеннолетний пляжный вор-рецидивист Компот Резкий. Последний выкрал гранату из чемоданчика черного цвета одного из туристов. В результате допроса Компота выяснилось, что граната внутри была не одна, а сам чемоданчик по описанию напоминает служебный саквояж посла Крокозябла. Данный чемодан объявлен в розыск, а Чурчхела готовит иск к Шмордону с целью возмещения причиненного ей ущерба. Преподаватели Апрельского Университета начали изучать Чурчхелу на предмет связи вареной кукурузы с ее неубиваемостью. Один из них уже заявил, что имеет дело с неуничтожаемым феноменом, которому плевать на законы физики, химии, другие науки; и потому Чурчхела представляет для общества большую ценность как экземпляр для опытов».

– Что там с твоей нелюбимой теткой случилось? – спросил Пахан у Кебаба.

– А что с ней может случиться? – махнул рукой Кебаб. – Нашла где-то гранату, дура старая, и попыталась размять ею вареную картошку. Повезло, что кастрюля была старая, дедовская. Там толщина железа – как крышка люка в танке. Граната рванула, и вся сила взрыва вверх ушла. А Чурчхеле только указательный палец на правой руке оторвало. Ха-ха! Теперь ее в армию не заберут. Не потому что старая, а так как нажимать на курок нечем. Ну, а кукурузу можно и ногами варить...

Пахан взял трубку проводного шморфона и гаркнул в

нее:

– Дежурный по Управлению, ко мне в кабинет!

– Что случилось? – встрепнулся Кебаб.

– Да сиди ты! – махнул на него рукой Пахан. – Это не по твоему поводу.

– Жаль, – разочарованно вздохнул Кебаб.

Дверь кабинета распахнулась, и внутрь шагнул толстенький человек в полицейской форме. Он аккуратно закрыл за собой дверь и доложил:

– Дежурный по Управлению прибыл!

– Не понял! – удивился Пахан.

Перед ним стоял завхоз, которого звали Каптёром Крохобором. Пахан знал, что Каптёр не должен был заступать в наряд никогда, поскольку его хозяйственная деятельность никак не пересекалась с оперативной. Но в данный момент нарядное лицо Каптёра олицетворяло боевую готовность всего полицейского штата города Джяна и потому с этим приходилось мириться.

– Часть офицеров заболела, – пояснил Каптёр. – А остальные заслались под прикрытием на фестиваль джайкеров «Дым над дуплом», который сейчас проходит в Угореловке. Вы ведь понимаете, какое это опасное мероприятие? Как известно – Угореловка и Кемпинджик относятся территориально к Джяну, потому и пришлось отправить туда наши силы. А поскольку офицеров не осталось, пост дежурного по Управлению занял я. Начальник штаба утвердил. Перед тем,

как сам уехал на фестиваль... Кстати, министр полиции Квас Ядреный уже там и осуществляет общее руководство нашей полицейской агентурой!

– Еще раз не понял, – повторно удивился Пахан. – Дежурство подразумевает под собой сменный график.

– Я сознаю всю долю ответственности, – важно сказал Каптёр. – И потому вызвался дежурить круглосуточно, не щадя себя. Я взял из дома необходимые вещи и буду неотрывно нести службу, пока фестиваль не закончится, и офицеры не вернутся. А во время сна меня подменяют сержанты.

Пахан, кашлянув, посмотрел на Кебаба. Тот улыбался во всю ширь своего рта, поскольку хорошо знал Каптёра по прежним хулиганским делишкам, последнее из которых закончилось газовой атакой и побегом слона из цирка.

– Ладно, – произнес Пахан. – Сейчас посмотрим, как вы владеете оперативной обстановкой. Итак, что с судьей Пай Даем?

– Опять приходил, – усмехнулся Каптёр. – Снова хотел забрать свой танк. После того, как вы распорядились заварить электросваркой оба входных люка, судья не знает покоя. Сегодня он привел с собой целую бригаду рабочих, оснащенную самыми лучшими инструментами. Я, естественно, распорядился его пропустить, так как он – лицо неприкосновенное, а рабочих задержал у входа. Но судья показал разрешение на проведение работ, выписанное им самим. Тогда я позволил зайти всем, но инструменты к электрической се-

ти подключать запретил. Я сослался на бюджет, который не предусматривает лишних трат электроэнергии (вы ведь не хотите оправдываться перед новым прокурором за нецелевое расходование средств?). Целый час рабочие долбили лючки обычными зубилами, но ничего у них не вышло. Шмордонская броня крепка! Тогда Пай Дай потребовал эвакуатор. Но я сказал, что эвакуаторов, способных поднять такую машину, на планете Сочи нет. Судья тут же связался по шморфону с какой-то транспортной кампанией и заказал доставку нужной машины с Дубаря. У них там есть такие. Они грузят и перевозят тяжелые джакторы-скалорезы, которые делают тоннели в горах.

– Он хочет увезти танк домой и там разрезать люки? И как вы собираетесь действовать?

– Я уже все узнал! – торжественным голосом сообщил Каптёр. – Джакрэн и тягач с платформой, заказанные судьей, имеют резиновый ход. То есть – двигаются на больших колесах с шинами. У меня на складе нашлось несколько коробок с гвоздями-двухсотками. Мои подчиненные кладовщики уже приступили к сварке гвоздей в трехлучевые «ежи». Мы рассыпем их перед воротами, и пусть тогда заезжают!

– А если колеса не пробьются? А если машины снабжены компрессорами? – подал голос Кебаб.

Каптёр, задумавшись на несколько секунд, встрепенулся и сказал:

– Предлагаю расковырять нижний угол здания Управле-

ния и приварить танк цепью к арматуре, которая входит в состав бетонного основания фундамента.

– Во! – вскричал Кебаб, вытянув вверх палец над кулаком правой руки.

– Ты думаешь, это поможет? – с сомнением спросил Пахан.

– Сто процентов! – уверенности Кебаба не было предела.

– Конечно! – поддержал Каптёр.

– Ладно, – согласился Пахан. – Так и сделаешь. А теперь доложи мне, что там с чемоданом, в котором гранаты были?

– Компот Резкий рассказал, что сунул руку в саквояж, пока турист купался в море. Компот успел нащупать четыре цилиндрических предмета и смог спереть всего один, поскольку турист искупался слишком быстро. Согласно описанию, полученному от того же Компота, рожа этого туриста красуется в верхнем ряду доски объявлений, прибитой к стене в вестибюле нашего Управления. Там среди шморোগрафий двух рецидивистов-разбойников с Дубаря и злого неплательщика алиментов со Слякоти как раз расположено изображение некоего Жорика Чморика с Потенции, который специализируется на кражах портфелей и сумочек из ресторанов. Видимо, этот нехороший тип посетил нашу планету и продолжил свою воровскую деятельность, сперев саквояж у Крокозябла.

– Его ищут? – спросил Пахан.

– Конечно! – радостно сообщил Каптёр.

– А самого Крокозябла нашли? – поинтересовался начальник полиции.

– Да куда он денется! – воскликнул Каптёр. – Они с женой обнаружены в Угореловке на фестивале джайкеров.

– И что они там делают?

– Послу дали покурить и он «выпал в осадок», а жена его третий день «зажигает» с джайкерами, и ее выбрали королевой фестиваля.

– А перевести на нормальный язык можно? – поинтересовался Пахан, взглянув на Кебаба.

– Запросто! – ответил Кебаб, смеясь. – Крокозяблу дали курнуть той дури, которой джайкеры обычно заправляются на фестивалях, и потому он впал в прострацию, а жена его тем временем веселится во весь свой темперамент, поскольку эту сучку не берет никакая дурь, кроме распутства.

– Откуда информация?

– От наших офицеров, работающих на фестивале под прикрытием, – сказал Каптёр. – Крокозяблиха в раздетом виде рассекает на джациклах, а бородатые джайкеры каждую ночь устраивают из-за нее драки.

– Пусть выловят чету послов и доставят сюда. Посольство Шмордона подало Морсу ноту протеста. Крокозябла нет на рабочем месте! Морс достает меня звонками...

– Этого пока сделать нельзя.

– Почему?

– Наши офицеры – чтобы не выделяться из толпы – тоже

курнули. И теперь ничего не видят, кроме смысла жизни.

– Как же они тогда Крокозябла узнали?

– Это было в самом начале фестиваля. А потом курнули – и все...

– Га-га-га! – заржал Кебаб во весь голос.

– Хи-хи, – скромно поддержал его Каптёр.

– Хватит! – рывкнул Пахан, ударив ладонью по столу. – Немедленно послать им приказ: доставить сюда Крокозябла! Можно без жены. Пусть дама отдыхает, а то у них там, в Шмордоне, не то, что джайкеров, мужиков нормальных не сыщешь. Куда ни плюнь – одни военные вокруг...

– Есть! – отдал честь Каптёр и выскочил из кабинета.

– Слушай, давай я туда съезжу! – вдруг предложил Кебаб. – А ты мне командировочные выпишешь. Как внештатному сотруднику.

– Что, опять денег нет?

– Жена распоряжается! – Кебаб развел руками.

– Зачем же, как внештатному? Давай, я тебя устрою к себе в полицию?

– Ты что? Я ведь дважды судим!

– У тебя обе судимости сняты. Я проверял. Да еще ты – Герой Джаппурии. А кавалеру этого ордена дорога открыта везде.

– Н-ну, не знаю, – замялся Кебаб. – Как-то я не готов в полицию... Продавал раньше угнанные машины, а теперь что – ловить угонщиков?

– Я же ловлю? А кто в юности тебе машины поставлял?

– Ты. Вот я и думаю: как тебе совесть позволяет здесь теперь работать?

Пахан, усмехнувшись, встал и заявил:

– А тебе? Как позволяет совесть удирать от беременной жены? Ты даже в Угореловку готов смыться, лишь бы не оставаться дома! Вывод?

Он поднял вверх руку с выставленным указательным пальцем и выдал:

– Совесть есть понятие не только мифическое, но еще и растяжимое!

В эту минуту в коридоре раздался шум, дверь распахнулась, и в кабинет влетел модный певец Сексот. За ним гнался Каптёр. Первый выглядел растрепанно, а второй пытался схватить первого за шиворот.

– У меня срочное дело к начальнику! – орал Сексот.

– Неприемный день! – вопил Каптёр.

– Молчать! – гаркнул Пахан.

В кабинете наступила относительная тишина. Сексот бурно дышал, Каптёр переминался с ноги на ногу, Кебаб в предвкушении новых интересных событий тер руки, а Пахан, усевшись за стол, строгим голосом поинтересовался:

– В чем дело?

– Прет – как танк! – доложил Каптёр, указав на Сексота пальцем. – Я ему говорю: нельзя! Неприемный день! А он отвечает, что является модным кумиром миллионов и ему,

дескать, все можно!

– У меня секретная информация, касающаяся безопасности Джаппурии! – взвыл Сексот. – А эта легавая морда не пускает без ста тагриков! Не полицейский, а крохобор какой-то...

– Слышали?! – взревел Каптёр. – Он оскорбил мое служебное достоинство! Надо его задержать и отправить в козлятник!

– Молчать! – повторно гаркнул Пахан.

В кабинете опять стало тихо.

– Служебное достоинство к безопасности Джаппурии отношения не имеет, – спокойно сказал Пахан. – Слушаю вас, господин Сексот.

Модный певец, оглядевшись, судорожно ткнул пальцем сначала в Каптёра, потом в Кебаба, после чего заявил:

– Информация секретная! Попрошу убрать из кабинета вот этих двух.

Пахан Родимый махнул рукой, и Каптёр в мгновение ока скрылся в коридоре, хлопнув дверью.

– А это, – Пахан кивнул на Кебаба, – начальник первого ранга восьмого направления разведслужбы Джаппурии, и потому он допущен ко всем секретам.

Сексот и Кебаб моргнули одновременно. Первый от понимания, а второй от удивления.

– Итак? – спросил Пахан.

– Меня хотят убить! – вскричал Сексот. – Они следят

круглосуточно!

– Бывает, – скучным голосом произнес Пахан. – Так что там по поводу секретности?

– Меня обязательно убьют!

– Это имеет отношение к безопасности Джаппурии? – недоуменно спросил Пахан.

– Конечно! – Сексот кипел негодованием. – Ведь я кумир миллионов! Если меня убьют, несколько поколений джаппурцев потеряют смысл жизни! Ведь они живут моим творчеством...

– Да-а? – недоверию Пахана не было предела.

И здесь подал голос Кебаб.

– Наше восьмое направление знакомо с вашим творчеством, – сказал он густым солидным голосом, бросив в сторону Пахана ернический взгляд. – Безусловно, в текстах песен группы много оппозиционной философии. Вот, например: «Полицейские собаки лижут след мой кучерявый». Только вчера передавали по радио. Или: «Обдолблюсь я джакоином и расшторю день рутинный». Да уж. Ваша смерть действительно станет трагедией для тех, кто слушает такие песни! Но поверьте, через пару дней поклонники забудут вас и найдут утешение в фестивале «Дым над дуплом», который сейчас проходит в Угореловке. Там и без песен смысла жизни навалом. Кстати, вы, случайно, не там черпаете вдохновение?

Сексот, внимательно всмотревшись в Кебаба, вдруг по-

ник. Он поискал глазами стул, нашел его, уселся и сказал:

– Ладно-ладно, я вас узнал. Никакой вы не разведчик. Вы Кебаб Носатый, Герой Джаппурии. Я вашу фотографию в газетах видел.

Кебаб, необычайно польщенный, ответил:

– Ну, я тоже о вас много знаю. Так кто за вами гоняется?

– Два шмордонских негодяя! – вскричал Сексот, возвращаясь в прежнее возбужденное состояние. – Я их сразу узнал, потому что учился вместе с ними в школе народного творчества... Тьфу! То есть – в шмордонской разведшколе. Их зовут: Дивер и Сант.

– Гы! – воскликнул Кебаб, усмехаясь.

– Ты их знаешь? – поинтересовался Пахан.

– Еще бы, – ответил Кебаб. – Редкостные мерзавцы!

– Вот-вот, – продолжил Сексот. – Они приехали в Джаппурию под видом туристов и теперь ходят за мной – как привязанные! Куда бы я ни пошел, эти негодяи всегда рядом. Ходят и улыбаются. А улыбки их сверкают желтой злобой!

– Вы, господин Сексот, сейчас не в консерватории, а в полиции, – предупредил певца Пахан. – Поэтому говорите по существу, оставив в стороне всякие поэтические сравнения типа «желтой злобы», «полицейского произвола» и тому подобную метафорическую мишуру.

– Он как раз и говорит по существу, – поддержал Сексота Кебаб. – Дивер и Сант на нашей каторге стерли свои зубы. Император Шмордона за свой счет вставил им новые, но зо-

лотые. Теперь они действительно желто улыбаются.

– Интересное дело! – удивленно воскликнул Пахан.

– Ничего интересного, – ответил Сексот. – Я их знаю. Они – безжалостные убийцы-ликвидаторы. И послали их сюда, скорее всего, по наущению лорда Крокозябла. Для того, чтобы покарать меня за предательство. А я столько добра принес Джаппурии!

Сексот, опустив голову вниз, погрузился.

– И что я могу сделать? – поинтересовался Пахан. – Они сейчас туристы на законных основаниях. Следят за вами? Может, они ваши поклонники. Мало таких? Да сколько угодно!

– Но они профессионалы! – вскричал Сексот. – Дивер и Сант умеют убивать незаметно! Мое тело может всплыть в Бархатном море через месяц после утопления, а они уже будут далеко! А может и совсем не всплыть! Если груз к ногам привязать...

Сексот, опять опустив голову, задумался.

– Вот как всплывет, так и будем расследовать, – рассудительно решил Пахан. – А если не всплывет – не будем.

Сексот, ничего не говоря, смотрел в пол.

– Кхе! – кашлянул Кебаб.

Пахан с Сексотом как по команде повернули в нему свои головы.

– Вот если бы мне кто-нибудь выделил некоторую сумму денег, – голосом, полным таинственности, произнес Кебаб, –

то я решил бы эту задачу быстро.

– У меня бюджет, – тут же отреагировал на это предложение Пахан, и закачал отрицательно головой.

– Дам сколько надо! – обрадовался Сексот.

Через несколько минут модный певец вышел из кабинета, довольно потирая руки. Кебаб, не менее радостный, распикивал по карманам пачки тагриков, а Пахан Родимый, достав из бара бутылку виски, скручивал с нее пробку.

– Не понимаю ход твоих мыслей, – вдруг сказал он, замерев на месте. – Ну, поимел ты денег с этого придурка. Мне дал непонятно за что, но я совсем не возражаю... А дальше?

– А дальше я заманю этих шпионов (Дивера и Санта) в казино к Хачапуру Волосатому. Шепну тому пару слов. Он мне не откажет по старой памяти.

– Ну, прогудят они казенные шмордонские деньги. И что им помешает после этого убить Сексота?

– Они не только деньги прогудят, но и свои зубы. Уж мы с Хачапуром постараемся! А вот когда они поймут это, тогда, наверняка, потребуется и твоя помощь.

– Ах! Задержать парочку пьяных дебоширов? – Пахан рассмеялся. – Ну, это моя работа. И не имеет значения, с зубами они или без. Закон есть закон! А если Сексот отключит еще, то можно будет организовать срочную депортацию этих негодяев обратно в Шмордон. Но транспортные расходы придется оплатить дополнительно, потому что у меня бюджет!

– Еще как оплатит! – утвердительно кивнул Кебаб. – У него денег – что у дурака махорки. Вилять на сцене голосом и задом – гораздо прибыльнее, чем постоянно спасать Джаппурию.

Они выпили виски и обычный сочинский день продолжился.

Королева, гневно сверкая глазами, прохаживалась по террасе Летнего дворца и ругала Морса, расположившегося в плетеном кресле возле журнального столика. Порывистую походку Беллы существенно сдерживал выпиравший живот, и это обстоятельство раздражало ее еще сильнее.

– Черт знает что! – крикнула королева.

– Не чертыхайтесь, – попросил улыбающийся Морс. – Это вредно для здоровья плода.

– Вы стали набожным? – удивилась королева.

– Нет, это я так, на всякий случай.

– Не учите меня! С Богом я сама разберусь. Вон, налью свистону Эндюльгену пивную кружку коньяка, он мне за это все грехи отмолит лет на пять вперед, а то и на десять... Что за свинство?! Вы вызвали сюда Джема и даже не дали нам повидаться! А меня вообще не поставили в известность о том, что Джем станет вашим преемником!

– Неправда. Я как раз сегодня приехал к вам с эти известием.

– Спустя месяц после того, как он улетел?

– Дела, знаете ли, еле вырвался.

– А кто решил назначить Джема? И почему такая спешка?

– Парламент решил, – ответил Морс, закидывая ногу на ногу. – Спешка потому, что меня в любой день может накрыть новый инфаркт (врачи говорят, что я предрасположен к этому). Для того чтобы занять мою должность, надо быть подготовленным. Вот Джема и отправили на специальные курсы. Он пробудет на них около полугода.

– Как так? – вскричала королева. – А отпуск?

– Джаппурия в опасности, – развел руками Морс. – Отпуски отменяются. По крайней мере – для Джема.

– Черт, черт, и еще раз черт! – окончательно разозлилась Белла. – Опять я рожать буду одна?!

– Что вы, ваше величество! – Премьер-министр удивленно задрал брови. – С вами будут врачи. И я – ваш покорный слуга!

В эту секунду графин с водой, стоявший на столике, вдруг жалобно тренькнул и взорвался на мелкие кусочки. Сверкающие осколки хрусталя рассыпались мелким бисером по столу и дальше разлетелись по всей террасе. Королева от неожиданности вскрикнула и, схватившись руками за живот, сказала:

– Что это?! Так и родить можно раньше срока!

Морс, вскочив с кресла, целеустремленно прошел по террасе несколько шагов, нагнулся и поднял какой-то небольшой круглый предмет. Поднеся его к носу, он внимательно

рассмотрел находку и сунул в карман.

– Шарик от подшипника, – сообщил Премьер-министр, снова усаживаясь в кресло. – Мальчишки шалят. Обычно для этого используются рогатки. Надо будет навести порядок в вашей охране. А то пускают в сад всяких хулиганов...

– Вы мне не до конца ответили! – вернулась к разговору королева. – Я думала, что парламент назначает на должность Премьер-министра самого умного и достойного чиновника. Что, кроме Джема никого не нашлось больше?

– А разве Джем недостоин? – спросил Морс и хитро прищурился.

– Гм, – поперхнулась королева и, замолкнув, принялась ходить в задумчивости по террасе, давя туфлями осколки хрусталя.

– И где находится место, куда отправился Джем? – поинтересовалась Белла.

– На базе «Холодильник», – соврал Морс, не моргнув глазом. – Помнится, вы там бывали во время Третьей Шмордонской войны.

– Чудовищно красивый мир, – улыбнулась королева. – Впрочем, как и чудовищно холодный.

– База прекрасно отапливается, – напомнил ей Морс.

– Так! – встрепелась Белла. – Немедленно лечу туда! Шесть часов пути...

– Нет! – твердо сказал Морс. – Вы там никого не найдете. Сама база законсервирована. А вот под ней имеется отдель-

ный модуль, который закрыт для любых посещений. Парламент распорядился не пускать в этот модуль никого. Даже вас, ваше величество. И шморофонной связи с ним нет.

– Что же там такого секретного?!

– Джем вам сам все расскажет. Когда вернется.

Премьер-министр резко поднялся с кресла, собираясь покинуть королеву. Он напоследок почтительно поклонился, и в этот миг в ближайшем от террасы кусте самшита свистнул жгут. Шарик от подшипника с щелчком впечатался в тощий зад Премьер-министра, и рот Морса непроизвольно каркнул:

– Кр-р-р!!

Белла, ожидавшая совершенно других слов, удивленно спросила:

– Что-что?

– Йо!!! – взревел Морс и, схватившись рукой за больное место, молодецки сиганул с террасы на лужайку через перила.

С непониманием проследив за нервным бегом Премьер-министра, который скрылся за поворотом аллеи, ведущей к воротам, королева, повысив голос, позвала:

– Нелла!

– Что, мама? – раздался голос принцессы из самшитового куста.

– Ну-ка, иди сюда!

– Иду, – недовольно сказала Нелла, выбираясь из кустарника. – Поиграть не даешь...

– Покажи руки! – потребовала мать.

– Пожалуйста, – девочка вытянула обе руки перед собой.

Они были пусты.

– Ничего не понимаю, – сказала Белла.

Она развернулась и ушла в дом. Нелла опять вошла в куст, и оттуда послышались голоса. Какой-то мальчишка сказал:

– Хорошо ты ему припечатала! Правда, со второго раза. Теперь моя очередь! Вот только стрелять не в кого...

– Как это не в кого? – удивилась Нелла. – Вон, почтальон идет. Необычайно мерзкая личность! Вечно при встрече язык мне показывает.

– Ага! Дай сюда рогатку! Мне второго раза не понадобится.

Другой мальчишеский голос тут же плаксиво заныл:

– А мне? А я когда?

– Не ной! – прикрикнула Нелла. – Дождешься дворника. Этот живодер все время гоняет метлой мою любимую кошку!

Куст немного шевельнулся и затих.

Морс, стараясь сидеть на левой ягодице (правая сильно болела после посещения Летнего дворца), ехал в служебном шморовозе в космопорт. Точнее – еле двигался в пробке. Для Джяна это было несколько необычным явлением, потому что днем население этого курортного города предпочитало торчать на пляжах. Водитель недовольно бубнил себе под

нос, но так, чтобы это было слышно Премьер-министру.

– Начальник полиции – Пахан Родимый – вор и мерзавец, каких мало, – бухтел он. – Никакого порядка в Джяне нет. То машины эвакуируют, то пробки сплошные!

Морс, достав из кармана шморофон, набрал номер Пахана, но тот почему-то долго не отвечал. Сунув трубку в карман, Премьер-министр откинул крышку на спинке переднего сиденья и включил небольшой шморовизор, вмонтированный в панель кресла.

На экране возникло изображение центральной части Джяна, забитое джамобилиями, людьми и тучами белой пыли. Репортер, размахивая руками, рассказывал взхлеб:

– Судья Пай Дай решил забрать свой танк, стоявший на штрафстоянке полицейского Управления. Поскольку танк был не на ходу, прибыли специальный тягач и огромный карьерный джакран. Во время подъема танка оказалось, что гусеницы его кто-то приварил к арматуре фундамента здания Управления. Кран дернул танк, и весь дом развалился, как куча картошки! Из полицейских никто не пострадал, так как в момент подъема все находились на улице, наблюдая за проводимыми работами. Начальник Управления полиции Пахан Родимый сразу же получил от судьи Пай Дая нужную санкцию и уже арестовал мэра города Джяна. Это связано с тем, что здание полицейского Управления строила мэрия три года назад. Кучи пыли, которые остались от дома, не содержат в себе ни грамма цемента. Получается, что мэр украл весь

дорогой материал, а здание Управления построил из морского песка и глины. Единственная арматура, проходившая через фундамент, вытянулась вместе с танком и сейчас торчит позади боевой машины, как вешалка для белья...

Морс, выключив шморовизор, сказал водителю:

– Заткнись и смотри на дорогу.

В этот момент шморовоз остановился в очередной раз, и Премьер-министр вдруг увидел в окно Кебаба, шагавшего по тротуару в обнимку с двумя крепкими мужчинами дубинно-военной внешности. Морс опустил стекло и прислушался:

– Шпиончики мои! – орал Кебаб поочередно в уши мужчинам. – Если честно – я по вам даже соскучился! Сейчас зайдем в одно место и вспомним старое время. Я угощаю!

Мужчины улыбались, но как-то недоверчиво и криво. Морс, взглядевшись в лица попутчиков Кебаба, вздрогнул. Их зубы сверкали в лучах Джаппурии, как золотые шмордонские бабосы!

– Господин Кебаб! – крикнул Морс в окно.

Троица пешеходов замерла на тротуаре и уставилась на Премьер-министра.

– Знакомьтесь, – обратился Кебаб к своим попутчикам. – Это Морс, Премьер-министр Джаппурии.

Дивер и Сант (ибо это были именно они) от такого представления мгновенно одурели и инстинктивно отдали Морсу честь.

– Кто это? – спросил Премьер-министр, с подозрением разглядывая шмордонцев. – Сразу видно – шпионы: – ответил он сам на свой вопрос.

– Да, раньше они были шпионами, – кивнул головой Кебаб. – А сейчас вполне мирные туристы.

– Почему у них все зубы золотые?

– Это в Шмордоне нынче форма награды такая. Медали и ордена уже не в моде.

– Отведите их в полицию и пусть их там проверят, – потребовал Морс.

– Их уже черт знает сколько раз проверили, – сказал Кебаб. – А вы живете прошлым веком. Если у вас склероз, то я вам сообщаю: у нас со Шмордоном мир.

Морс, досчитав про себя до десяти, хотел еще что-то сказать, но шморовоз вдруг рванул с места и Кебаб остался позади. Обернувшись, Премьер-министр увидел, как Кебаб отдирает руки бывших шпионов от их голов, поскольку честь они отдали, а приказа «вольно» не получили.

Через несколько минут шморовоз Морса выехал на какую-то площадь, забитую народом. Люди в белых одеждах были везде. Именно эта толпа и спровоцировала пробку. Джамобили еле ехали, объезжая группы богомольцев. На помосте, собранном из парковых лавок, возвышался крепкий бородатый человек, который произносил речь.

Шморовоз опять уперся в бампер переднего джамобилия и остановился. Морс, опустив стекло, прислушался.

– Вокруг вас, дети мои, одни черти! – орал бородач. – Оглянитесь! Везде разврат, коррупция и наркотики!

– Хух! – ответила согласным криком толпа.

– Бог не фраер! – продолжал бородач. – Он все видит! И покарает грешников непременно! Но мерзавцев слишком много! И нечего Богу сильно утруждаться! У него и без этого много дел! Но мы ему поможем! Будем сами бить грешников!

– Хух! – восторженно взревела толпа.

– В Угореловке идет фестиваль! Там «зажигают» богопротивные джайкеры, которые курят всякую дрянь и слушают чертову музыку с названием «джок»! Дети мои, за мной! На фестиваль! Мы научим их любить Бога!

– Хух! – третий раз выкрикнула толпа, и в воздух взметнулся лес рук, сжатых в кулаки.

Шморовоз тронулся, и Морс, подняв стекло, достал шморфон. Он решил позвонить Пахану Родимому и поинтересоваться у того, осведомлен ли он о готовящемся погроме.

Кто такие джайкеры – Премьер-министр знал прекрасно. И ни капли не сомневался в том, что ретивый пророк после прогулки на фестиваль останется без бороды, а его паства займет все койки в травматологических клиниках Джяна. Но зачем нужны беспорядки, если их можно предотвратить? Для чего существует полиция? Вот именно такие вопросы Морс и решил задать Пахану.

Он, набрав нужный номер, прислушался к гудкам. Они

были длинными, как усы того, кому он звонил. Наконец суровый голос ответил:

– Да!

– Это Морс, – представился Премьер-министр на всякий случай.

– Очень рад, – ответил Пахан. – Слушаю вас.

Морсу вспомнились усы начальника полиции Джяна. Ему вдруг показалось, что усы эти прорвались через километры пространства и вылезли наружу сквозь личную шуморофонную трубку. В ухе защекотало и Морс, отдернув трубку от головы, паническим взглядом впился в кнопки прибора. Но нет! Никаких волос не торчало. Успокоив себя усилием воли, он снова приложил трубку к уху и спросил:

– Почему вы не отвечали мне ранее?

– Оперативная обстановка осложнилась, – ответил Пахан. – Некогда было отвечать на звонки.

– Что вы сейчас делаете и где находитесь?

– Нахожусь я сейчас в космопорту, где пытаюсь отправить на Слякоть первым же рейсовым джаблем чету Крокозяблов.

– Вы их поймали?! – радости Морса не было предела.

– Так точно, – сухо ответил Пахан.

– Почему же тогда вы не отвезете их в полицейском джабле?

– Бюджет не позволяет.

– Какой бюджет?

– Обычный. Такой полет не запланирован бюджетом. Топ-

ливо – дорогая штука.

– Что-то раньше от вас не поступало заявлений подобного рода. Вы, похоже, даже слова «бюджет» не знали.

– Теперь знаю, – голос Пахана наполнился злобными нотками. – После того, как у нас появился новый прокурор, который не пьет, не курит и все свободное от работы время лечится от импотенции.

Волна радости захлестнула сердце Морса. Ведь именно он способствовал такому назначению!

Штырь Несгибаемый начинал карьеру в прокуратуре Заквакинска рядовым следователем. Был он инициативным и легким на подъем человеком, чем и пользовалось начальство. Случилось что-то на праздник? Ах! Кого послать? Ведь все пьяны! А Штырь – тут как тут. Всегда готов. Вот его и посылали. Он неоднократно получал ожоги в пустынях, лихорадки в болотах, а в период одной из командировок на Дубарь умудрился отморозить себе тестикулы и еще что-то там такое же важное, мешающее полноценно общаться с женщинами.

Но – странное дело – несмотря на эту героическую жертвенность, Штырь продолжал оставаться рядовым следователем, ибо всем на свете была известна народная джаппурская мудрость: чем сильнее ты впрягаешься в телегу – тем больше в этой телеге окажется народа! Но один раз ему действительно повезло.

В коридоре здания Верховного Суда Штырь столкнулся с

Морсом. Увидев перед собой изможденного всеми болячками человека (в тот период жизни Штырь передвигался на костылях, поскольку случайно прострелил себе ногу в момент проведения следственного эксперимента в городе Апреле на Потенции), Премьер-министр просто пожалел его и попросил главного прокурора отправить Штыря в долгожданный отпуск на Сочи. Что и было сделано.

Вернувшись из отпуска, жертвенный следователь накатал документ, из которого следовало, что Сочи – полностью бандитская планета, и главными бандитами там являются отнюдь не какие-то там «Хачапуры Волосатые», а судья Пай Дай и начальник полиции Пахан Родимый.

Все его доводы основывались на простых наблюдениях, не подкрепленных никакими доказательствами, но выводы эти имели четкое логическое обоснование и потому были представлены Морсу, так как вырисовывалась картина полного коррупционного тупика целой планеты, и этот факт как раз вписывался в компетенцию Премьер-министра.

Морс через Генерального прокурора Ареста Непременного назначил Штыря Несгибаемого прокурором планеты Сочи, и теперь можно было наблюдать результат деятельности последнего...

Радуюсь своей прозорливости, Морс сказал в трубку шмофона:

– Ладно, не трудитесь. Я как раз лечу на Слякоть. Крокозяблов заберу с собой.

– Слава богу! – голос Пахана существенно потеплел.

Это сразу же обеспокоило Морса.

– Что-то не так? – спросил он.

– Все нормально! – браво ответил Пахан. – Уже.

И отключился.

Морсу подумалось, что он опять влип в какую-то пакость.

Но – не совсем ясно, в какую. Потому он решил подождать с выводами до прибытия в космопорт.

На стартовой площадке перед джаблем Премьер-министра встречала небольшая группа людей, состоявшая из Пахана Родимого и двух неопределенных личностей.

Начальника полиции Джяна Морс узнал сразу, поскольку черные гигантские усы Пахана строго обрисовывали линию горизонта. А вот двое других сначала показались совершенно лишними людьми. И это связывалось с их внешним видом.

Рядом с Паханом стояли мужчина и женщина. Мужчина был одет в порванную на груди майку и ободранные дырявые штаны. Зато на женщине из одежды присутствовали только повязки: набедренная и нагрудная. Свернуты они были из платья, служившего когда-то роскошным нарядом. Взгляд Морса сначала впился в стройные ноги женщины, а затем рывком поднялся к ее лицу. В горле у Премьер-министра пересохло в момент.

Из копны растрепанных (в воображении – ветром, а не джайкерами) волос на него смотрели два ярких сапфира,

своей глубокой синью затмевая рассудок. Женщина была обута с сандалии, сплетенные из тонких ивовых прутьев, а мужик в майке просто топтался босыми ногами на жарком бетоне космопорта. И если от последнего воняло козлом, то от женщины откровенно и тревожно пахло летними травами и восхитительно-сладким распутством.

В глубине души Морс знал, что сапфировое чудо – леди Крокозябл, и потому с ней нужно держать ухо востро, но это знание так в глубине души и осталось, поскольку любой мужчина имеет право на слабость перед женщиной и это никак не умаляет его достоинств! В связи с этим Премьер-министр, выкатив глаза, произнес:

– Здравствуйте!

– Ах, господин Морс! – нежным и чуть хриловатым голо-сом воскликнула леди Крокозябл, окончательно добив Премьер-министра. – Спасибо, что вы согласились нас подвезти!

– Не стоит, гм... благодарности, – запинаясь, произнес Морс. – Мой джабль к вашим услугам! Но, извините, мне надо сказать пару слов вашему сопровождающему.

И он указал рукой на Пахана, у которого губы разъехались в понимающей улыбочке, не заметной никому, так как усы начальника полиции скрывали все, что не предназначалось для постороннего взгляда.

– Конечно-конечно, – томно сказала леди Крокозябл. – Мы подождем.

– Чудесно отдохнули, – сказал вдруг вонючий мужик, ока-

завшийся лордом Крокозяблом. Он смотрел на Морса затуманенными глазами и постоянно облизывал свои губы.

– Я рад, что вам понравилось, – ответил Премьер-министр. – И что же вы делали во время отдыха?

– Искал смысл жизни, – пояснил посол.

– Нашли?

– Да.

– И в чем он заключается?

– М-м-м, – промычал Крокозябл задумчиво. – Знаете ли, смысл жизни приходит только на фестивале. Сейчас, в нефестивальном состоянии, он куда-то улетучился...

– В следующем году приезжайте сюда снова, – пригласил Морс.

– Непременно, – кивнул головой Крокозябл.

– А сейчас взбирайтесь по трапу и обратитесь к капитану джабля. Он отведет вас в свободную каюту.

Посол начал подниматься в джабль и леди Крокозябл, виляя бедрами, последовала за ним. Ее роскошная загорелая задница, выглянув из-под набедренной повязки, засияла подобно красному диску Джаппурии.

Морс, задрав голову вверх, проводил взглядом прекрасные ягодицы попутчицы, мысленно коря себя за эту мальчишескую выходку. Резко обернувшись, он заметил, что Пахан Родимый делает то же самое. Усы начальника полиции стояли дыбом, а глаза превратились в два масленых шара.

– Гм! – кашлянул Морс.

– Потрясающая женщина, – вернулся к действительности Пахан.

– Вы знаете, что у вас готовится погром? – строгим голосом поинтересовался Морс.

– Это вы про паству Джоса Суперзвездоса? – спросил Пахан.

– Я о людях в белых одеждах.

– Нет там людей, – сказал Пахан, доставая из внутреннего кармана форменного пиджака длинную сигару. – Вы позволите?

– Курите, – разрешил Морс.

Начальник полиции, чиркнув зажигалкой, раскурил сигару, выдохнул клуб сизого дыма и продолжил:

– Там одни фанатики.

– Тем более! – Премьер-министр был почему-то зол. – Они собрались устроить погром на фестивале джайкеров!

– Туда им и дорога, – флегматично заметил Пахан, пустив несколько дымных колец. – Как раз сегодня у джайкеров по плану фестиваля состоится военно-спортивная игра по мотивам Третьей Шмордонской войны. Половина джайкеров будет сидеть в песчаной крепости, символизирующей болотный редут Крокозябла, а вторая половина станет эту крепость штурмовать. Все они наденут на головы джациклетные шлемы и вооружатся простыми деревянными дубинами. Им как раз нужны раненые, чтобы таскать их на носилках в полевой лазарет. Вот паства Джоса и подойдет для

этой цели.

– Я вижу, у вас всегда готов ответ на любой вопрос! – констатировал Морс.

– На то я и начальник полиции, – веско ответил Пахан. – У меня везде порядок.

– Ладно-ладно, – неопределенно сказал Морс и, не прощаясь, взбежал по трапу в джабль.

Пахан, пожав плечами, выпустил в воздух клуб пахучего дыма и неторопливо пошел к зданию космопорта.

В своей каюте Морс снял костюм, надел пижаму и улегся в кровать. Лететь до Слякоти нужно было четыре часа, и потому Премьер-министр решил немного отдохнуть. Закрыв глаза, он расслабился и попытался заснуть, но в памяти его вдруг возникли две стройные ноги леди Крокозябл. Они медленно поднимались по трапу, вызывая известные любому взрослому мужчине чувства. Морс, выругавшись, перевернулся на другой бок. И здесь в дверь каюты кто-то тихо постучал.

– Кто там? – спросил Морс.

За дверью молчали.

Премьер-министр встал, повернул флажок замка и, слегка приоткрыв дверь, высунул в коридор нос. И тут его смело вихрем!

В роли природного катаклизма выступила леди Крокозябл, ворвавшаяся в каюту. Она толкнула Морса на кровать, хлопнула дверью и прыгнула на Премьер-министра сверху.

Руки ее стали проворно стаскивать пижаму со своей новой жертвы. Морс испуганным голосом интеллигентно поинтересовался:

– Позвольте, что вы делаете?

– Сейчас узнаешь! – ответила она.

Дальше диалог между ними развивался следующим образом:

– Не трогайте меня! Я женат! Неофициально...

– А я официально замужем. Одно другому не мешает!

– У меня больное сердце!

– Я лучший в мире доктор!

– Я уже стар для этого!

– Сейчас помолодеешь!

– У меня нет сил! Найдите кого-нибудь другого! Хоть капитана джабля...

– Я у него уже побывала!

– Ваш муж сейчас войдет!

– Не войдет. Он курнул и опять нашел смысл жизни.

– Не надо!

– Еще как надо! Расслабься, дурачок...

Сияющие сапфиры глаз леди Крокозябл надвинулись на Морса, губы ее впились в рот жертвы и несчастный Премьер-министр с космической скоростью ворвался в сладкий омут безудержной страсти...

ШАВЕЛЛА – КУКАРЕЛЛА

Когда-то давным-давно Кукареллой называлась только звезда. Вокруг нее вращались десять планет, девять из которых были безжизненны. Но на четвертой планете океаны омывали материки, полные зеленой растительности; птички ласково щebetали, склевывая попавшихся зоркому взгляду червячков, а наземные животные кушали поедом других наземных животных, и совсем не брезговали морскими обитателями, нечаянно попавшимися возле береговой линии.

Кстати, рыбы и морские животные аппетитом от сухопутных никак не отличались, завтракая, обедая и ужиная в толщах воды регулярно. И если им вдруг приходилось увидеть сухопутное создание, случайно свалившееся в воду (ну, или решившее поплавать с освежительной целью), такой факт воспринимался как пикантная добавка к их ежедневному рациону. И это было нормально. Потому что порядок вещей во вселенной один.

Именно эту четвертую планету и называли Шавеллой первые существа, способные произносить слова. То есть – люди. А когда это случилось? Уже никто и не помнит. Но со временем те из людей, которые достигли власти и достатка, посчитали зазорным жить на какой-то Шавелле и потому переименовали планету, дав ей имя звезды, открытой в свое время совсем не людьми. И впоследствии обитатели системы Кукареллы стали называться кукарелльцами.

Правда, это не коснулось тех, кто не достиг власти и богатства. Как они были шавеллами, так ими и остались. И это

тоже нормально, потому что порядок вещей во вселенной опять-таки один...

Мероприятие было подготовлено на высшем уровне, и очередной Акт Коммунального Удовлетворения обещал вылиться в красочное представление. Чаша ипподрома уже наполнилась народом. Трибуны были заняты все. И хотя в столице Кукареллы стояла жаркая погода, шавеллы нисколько от зноя не страдали, поскольку подобные мероприятия у них всегда пользовались необычайной популярностью.

До Великой Коммунальной Революции столица называлась Счѣтчиком. Какой смысл несло в себе слово, никто не помнил, но это название всегда связывалось с деньгами. Потому столицу переименовали, и она превратилась в Братанск. Теперь новое имя города олицетворяло среди шавелл братскую любовь друг к другу.

В центре некогда бегового поля чернела специальная конструкция. Она была сделана из дерева, но главная ее часть представляла собой остро отточенную полосу стали весом в сто килограммов. Эта полоса была поднята к верху деревянной рамы и застыла в пазах, сдерживаемая толстым канатом. Она готовилась упасть на колоду, стоявшую прямо под ней. И ей было все равно, кто окажется на пути. Вся конструкция целиком называлась Ударницей и несла в себе показательную функцию, конечными целями которой были обычное устрашение и предоставление шавеллам зрелища (кому

что по вкусу). Ударяла она всегда один раз, принося моментальное удовлетворение: очередное – зрителям, окончательное – тому, кто лежал на колоде. Вот только Акты этого Коммунального Удовлетворения в последнее время стали слишком частыми...

Генеральный Вождь Коммунальной Партии Республики Кукареллы шавелла Рылом Втаз вошел в закрытую личную ложу и расположился в своем любимом кресле. Справа от него уселся Главный Военспец Коммунальной Республики Кукареллы шавелла Филер. Вызывающе одетая секретарша подкатила к ним журнальный столик, заставленный бутылками и деликатесами.

– Можно начинать, – распорядился Рылом Втаз.

Он щелкнул пальцами, и понятливая секретарша убежала передавать приказ компетентным органам.

– Что-то слишком часто стала работать Ударница, – сказал Рылом Втаз.

– Революция не бывает бескровной, – пояснил Филер. – А конструкция, которую вы называете Ударницей (в Шмордоне ее прозвали гильотиной), создана именно для того, чтобы проливать кровь. Перестанете давать ей работу, она заржавеет и сгниет. Как, впрочем, и революция в целом.

– Возможно, – задумчиво согласился Рылом Втаз. – Но если честно, мне жаль Вбубен Бея. Мы вместе с ним поднимали шавелл на подвиг!

– С кем только вы не поднимали народ! – сказал Филер. –

Большая часть из них – недоумки, доведенные до отчаянья кредитами. Такие возьмут власть, и не знают, что с ней дальше делать. И каков итог? Вон, в гости к Ударнице: – Филер кивнул головой в сторону гильотины.

– Да, – согласился Рылом Втаз. – Для управления государством нужен ум, а у Вбубен Бея его не было. Потому он и не смог смириться с новой идеологической расстановкой. Не понял, что для осуществления галактической революции нужно сначала построить коммунизм в одной отдельно взятой системе.

– Он не смог смириться не с этим, – поправил Генерального Вождя Филер. – Он не смог смириться с отменой национализации женщин. Вбубен Бей не понял, что правильно оболваненная семья – залог патриотизма, который решает бесконечное количество военных вопросов.

– Согласен, – кивнул головой Рылом Втаз, беря с подноса бутерброд с черной осетровой икрой. – Но у меня, вот, семьи нет...

– Потому что вы Вождь, – перебил его Филер. – Вы жертвуете своей личной жизнью ради блага шавелл. Это еще один фактор патриотизма.

– Получается, что я лишен счастья создать семью, – печально вздохнул Рылом Втаз, широко откусывая от бутерброда.

– Зато у вас восемнадцать секретарш, – констатировал Филер. – Можно насчет семьи не печалиться.

– Шестая и одиннадцатая мне надоели, – сказал Вождь.

– Отдайте их вашему заместителю. Как там его?

– Похаре Бац.

– Вот ему и отдайте.

– У него своих десять!

– Ничего страшного. Отдайте и посмотрите, с каким лицом он примет подарок. И вообще – контролируйте своих заместителей. В этом заключается наука управления государством. И не только заместителей. Как увидели, что кто-то начал тянуть одеяло на себя – тут же его в путь!

– В какой путь?

– Туда! – Филер указал рукой на гильотину.

В этот момент к Ударнице подвели Вбубен Бея. Бывший командор был закован в цепи и рот его закрывал пластырь. Он дергался, пытаясь что-то крикнуть, но пластырь был приклеен крепко, и потому зрителям слышалось только мычание, что немало их забавляло. Трибуны принялись издевательски свистеть.

Но здесь раздался голос диктора, усиленный громкоговорителями, и свист стих.

– Бывший командор Вбубен Бей, – вещал хорошо поставленный тенор, – предал интересы революции!

– Ах! – вскричала толпа.

– Он захотел стать императором!

– Ох!! – раздался хоровой крик.

– Он решил убить Генерального Вождя шавеллу Рылом

Втаза!

– Ух!!! – толпа уже неистовствовала.

– Поэтому он приговорен к смерти!

– А-а-а!!! – рев трибун заглушил громкоговоритель.

Вбубен Бей, желая освободиться от цепей, сделал последнее усилие, но оно никаким успехом не увенчалось. Подскокившие палачи схватили его за руки и в момент уложили на колоду так, как было нужно.

– И-и-и!!! – переходя на визг, вопила толпа.

Рылом Втаз, отложив недоеденный бутерброд с черной икрой, налил себе полный бокал коньяка.

– А вы? – спросил он у Филера, встряхнув бутылкой.

– Налейте, – разрешил Филер. – Я выпью. Но не за бывшего командора, а за то, что вы впервые обратились ко мне на «вы». Наконец-то образовательный процесс стал чувствоваться.

– Признаться, мне это далось с трудом, – вздохнул Рылом Втаз.

– А вашему заместителю ничего с трудом не дается, – констатировал Филер. – Он меня сразу стал называть на «вы». И что в этом сложного?

– Знаете ли, – Рылом Втаз наполнил бокал Филера коньяком. – Идея равенства и братства несет в себе принцип равноправия.

– И поэтому нужно «тыкать» всякому встречному? – поинтересовался Филер. – Эта идея действительно подразуме-

вает братство равных людей. А вот какие они, – дикие или цивилизованные, – теория молчит. Главное – все равны. Да кто же против! Но если называть друг друга на «вы» – визуально исчезнет вся грязь и мразь окружающего нас с вами мира. Понятно, что на время, пока мы общаемся на «вы». Но такое время всегда можно продлить, потому что это во власти любого человека. А культура не зависит от монархий, революций, демократий и тому подобных людских потуг, основная цель которых – сделать мир удобным. Культура всегда выше человеческих действий, а иногда даже выше любого понимания.

– Н-да, – встряхнул головой Рылом Втаз. – Предлагаю поменять Вбубен Бея во имя Капитала.

– Стоп! – воскликнул Филер. – Во-первых, командор еще не казнен, а во-вторых – с чего это вы вдруг вспомнили ненавистного бога?

– Ах, простите, – сказал Рылом Втаз. – Самая натуральная привычка. Знаете ли – ум, задуренный с детства официальной поповской пропагандой. Но я с этим борюсь.

Филер, ничего не сказав, взял бокал в руки и посмотрел на поле.

Вбубен Бей лежал распластанным на деревянной колоде, а зрители ревели в восторге. Барон взглянул на Генерального Вождя, который вдруг начал захлеб пить коньяк из своего бокала. Повернув голову вправо, Филер увидел за своим плечом секретаршу, готовую на любой подвиг. Он кивнул ей

головой, и она упорхнула туда, куда было нужно.

Через минуту суровый голос диктора объявил:

– Смертная казнь приводится в исполнение!

Стокилограммовый нож тут же сорвался, отпущенный канатом, и врубился в колоду, резко отделив голову Вбубен Бея от зажатого цепями туловища.

Но Рылом Втаз, поглощенный всасываньем коньяка, не видел этого трагического момента, а узнал о нем, только услышав рев ипподрома. Филер сделал один длинный глоток и поставил бокал на стол.

– Ну, вот и все, – сказал он. – Теперь вы, шавелла Рылом Втаз, единоличный хозяин Кукареллы. Но про вашего заместителя не забывайте.

Филер встал, собираясь уйти. Рылом Втаз, осушив свой бокал до дна, вытер рот рукавом, громко отрыгнул и спросил:

– Куда же вы? Мероприятие не закончилось. Еще девять оппортунистов на очереди.

– Мне некогда заниматься вашей ударной возней, – ответил Филер. – Я подобные вещи видел много раз.

– Ну, не смотрите, – согласился Рылом Втаз. – Но все равно останьтесь. У меня к вам есть несколько вопросов. Успеете еще на свой корабль.

Филер опять уселся в кресло.

– Почему вы живете на орбите в истребителе? – продолжил Вождь. – Неужели приятно находиться в четырех сте-

нах? Хотите, я подпишу декрет о предоставлении вам поместья бывшего олигарха Зверло Немурло? И секретарш назначу – сколько пожелаете!

– Нет, спасибо, – отказался Филер. – Если вы не забыли, у нас с вами был договор. Вы предоставляете мне временное убежище, а я и мои офицеры приводят в порядок военный флот Коммунальной Республики Кукареллы. Так получилось, что сначала мне пришлось реорганизовать ваш политический строй, но за это вы мне можете только «спасибо» сказать. Ведь до сегодняшнего дня у вас был полный бардак! Стадо равных друг другу начальников, где не поймешь: кто кому подчиняется и что кому надо. Мои офицеры сейчас занимаются обучением шавелл искусству звездолетовождения и тактике космических сражений, плюс мною создана профессиональная разведшкола. Того оружия, что вы вывезли с Тарахтуна, хватит на многие годы. И пусть оно не лучшего качества, но все равно взрывается и может нанести противнику урон. Вскоре мы покинем вас, но к этому времени Кукарелла станет мощным космическим государством. И тогда вы сможете распространять идею Коммунизма дальше... ну, туда, куда вам надо.

– Мы уже попытались распространить ее в Шмордон. Спасибо, не надо!

– Да, сейчас империя гораздо сильнее вас. Но это пока.

– А что мешает Шмордону напасть на нас и уничтожить республику?

– Я хорошо знаю нынешнего императора, – сказал Филер. – Он человек рассудительный и осторожный. Ваша новая тактика действия малыми кораблями доставила Звездному Флоту Шмордона много неудобств. Поэтому император не станет соваться к вам, пока не подготовится основательно. А для этого необходимо полностью прибрать к рукам Тарахтун и оснастить эскадры малыми судами, которых до этого не было. Тарахтун уже готов войти в состав империи, но этот процесс займет не один месяц. А вот наклепать нужное количество малых кораблей за год – не под силу даже заводам Крокозябла-старшего. И если империя станет покупать у Джаппурии джабли ее производства, все равно пройдет достаточно времени, за которое шавеллы многому научатся. А сейчас надо возобновить мирные отношения с Тарахтуном и наладить с ним торговлю. И средства от этого нужно вкладывать в модернизацию собственного флота.

– Чем торговать? – уныло поинтересовался Рылом Втаз. – У нас есть только помидорро. Да и то: поля заброшены, потому что шавеллы теперь проводят все свое время на митингах в поддержку равноправия.

– Вот и торгуйте помидорами. На Тарахтуне они не растут.

– А как вернуть шавелл на поля?

– Выдайте им казенные кредиты.

– Опять кредиты?!

– Не нравится слово – назовите это по-другому. Скажем –

государственный займ. А еще лучше – коммунальный! Под десять процентов годовых для начала.

– Разве такие проценты бывают? Вот наши бывшие буржуи-олигархи меньше, чем под сто двадцать процентов не давали...

– За что и поплатились. А вы давайте под десять. Как только выданные деньги пропьются, проедятся, промитингуются, выдайте следующие займы, но уже под двадцать процентов. И объявите, что долги можно отработать на полях с помидорами. Через несколько месяцев у вас будет такое наполнение бюджета, что останется только ахать! Таким образом все население Кукареллы станет пахать на государство, отчего последнее быстро окрепнет. А чем крепче Кукарелла, тем больше шансов распространить Коммунизм на всю галактику.

– Не получится. Шмордон не даст.

– Если справа ты уперся в бетонный забор, иди налево.

– Не понял.

– В противоположной от империи стороне есть Папуаса.

– Ага... И Чингачгук тоже. С планетой Инчучуном.

– Вот-вот, – Филер улыбнулся впервые за всю беседу.

– Кстати, вы говорили, что уже послали туда шпионов?

– Нет. На Инчучун не засылал. А с одним из кораблей папуасовцев отправил двоих в Разгульдьяй и Джаппурию. Но этот шаг пробный и надеяться на положительные результаты сильно не стоит. Мы перехватили кое-что из радиооб-

мена между Тарахтуном и Дырой. Стало известно, что на шмордонской базе торчит лорд Хлебазл, Министр Безопасности Шмордона. Он занимает смехотворную должность коменданта офицерского общежития, но лорд Надолб тоже сидел на этом месте, и сейчас опять командует Звездным Флотом. Если Хлебазл делает хотя бы минимальные перерывы между пьянками, выловить моих шпионов ему не составит труда. Поэтому я решил активизировать разведдеятельность в направлении Инчучуна и Папуасы.

В этот момент на поле ипподрома вывели девять связанных людей. Диктор торжественно объявил:

– А сейчас будут казнены девять оппортунистов, несогласных с мудрым курсом Коммунальной Партии Республики Кукареллы. Все они являются уклонистами: трое в сторону анахронизма, двое – утилилизаторы и четверо – радикалбиды. Внимание! Впервые Ударница станет работать оптом! Сначала будут казнены утилилизаторы, потом анахронисты и вслед за ними – радикалоиды. Такого вы еще никогда не видели!

Ипподром зашелся восторженным ревом.

– Непримириемые! – вздохнул с сожалением Рылом Втаз. – Хорошо, что они не ладят друг с другом и потому не могут объединиться. Нестыковки в политических программах. Я хотел, чтобы их под Ударницу подсовывали тройками. Но радикалоиды наотрез отказались ложиться на колоду рядом с утилилизаторами! Принцип – великая штука! Их послед-

нее политическое желание будет исполнено. Боевые товарищи все же... Но колода не безразмерна, потому придется разместить четверых радикалоидов валетом, а потом крутануть плаху и еще раз врезать, как положено.

Генеральный Вождь наполнил свой бокал коньяком, отхлебнул глоток и продолжил:

– Анахрoнь – языческая богиня из пантеона древних кукарелльцев, можно сказать – природа. Анахронисты хотят возвращения к общинно-родовому строю. У них главный лозунг: «Анахрoнь – мать порядка!» Остальные относятся к уклонистам. Утильлизаторы к левым, а радикалоиды к правым. Разница в их программах заключается в следующем...

– Увольте меня от этой ахинеи! – раздраженно сказал Филер, демонстративно закрыв ладонями уши.

– Гы! – пьяно ржанул Рылом Втаз. – Вас, уважаемый шавелла, совсем не интересует коммунальная идеология. Быть может, ваше место не здесь, а на колоде? – и он кивнул головой в сторону поля.

– Мое место там, где я нахожусь, – спокойно ответил Филер. – Я работаю с вами по договору. Кто я? Военный специалист. А идеологию оставьте себе. Более того: я открою вам страшную тайну.

– Какую? – удивился Рылом Втаз.

– Вы гораздо ближе подошли к Ударнице, чем я. Поэтому слушайте мои советы, а то их будет слушать кто-то другой.

Рылом Втаз вздрогнул и посмотрел Филеру в глаза. Уви-

дев в них застывшие серые льдинки, Вождь вздрогнул повторно и тут же заметил примирительно:

– Вы что, шуток не понимаете? Кстати, если вы имели ввиду распространение идеи Коммунизма в сторону Папуасы и Инчучуна, то как же быть с доктриной галактической революции? Ведь мы отказались от нее! За что же тогда казнили Вбубен Бей?

– Вы где учились? – поинтересовался Филер.

– В цеху по производству помидорной пасты.

– Где-где?!

– На каждом консервном комбинате имеется цех, где мятые и слегка тухлые помидорро перерабатываются в пасту. Вот в нем я и работал с детства. А в перерывах учился читать по этикеткам на банках. Ну, а потом я вбирал в себя опыт других людей.

– Понятно, – мрачно резюмировал Филер. – Поясняю еще раз. От идеи галактической революции мы отказались для того, чтобы сосредоточиться на построении Коммунизма в одной отдельно взятой системе, то есть – в Кукарелле. Эта работа уже выполнена. Ваша власть крепка, шавеллы упорядочены. А если вы загоните их в глубокое дупло... гм, то есть – обеспечите шавелл доступным кредитованием, Коммунизм расцветет подобно прекрасному цветку. Но раз задача выполнена, можно браться и за глобальные вещи.

– Стоп! – вскричал Рылом Втаз. – Почему вы вчера об этом не сказали?! Вбубен Бей был бы жив!

– Ничего подобного, – покачал головой Филер. – Командору было все равно: будет ли установлен Коммунализм в одной системе или в сотне других. Вбубен Бею хотелось драться, размножаться и вкусно питаться. Таких как он – тысячи. Выбирайте любого нового.

Он встал.

– Н-да, – протянул Рылом Втаз, недобро глядя на Главного Военспеца. – Нет у вас души.

– Скажете, она есть у вас? – Филер хмыкнул. – Даже ваша старая религия не имеет места для души, ибо Капитал – деньги, а там, где правят деньги – душа отсутствует. Ну, а новой религии у вас нет, так как идея Коммунализма безбожна по своей сути.

Рылом Втаз, ничего не ответив, опустил глаза вниз и присосался к бокалу с коньяком.

Филер, двигаясь по темному коридору к выходу из трибуны Генерального Вождя, внимательно смотрел себе под ноги. Вдруг из ниши справа от него раздался тихий голос:

– Шавелла Филер, можно вас на несколько слов?

Военпец не испугался, потому что узнал говорившего. А кинжала или пули можно было не опасаться, так как под пиджаком Филера находился легкий и прочный бронежилет.

– Конечно, – ответил Военпец и шагнул в нишу.

В темноте угадывались контуры тощей и низенькой фигуры.

– Слушаю вас, шавелла Похаре Бац, – произнес Филер.

– Я тут проходил мимо двери ложи Генерального Вождя. Она была приоткрыта, и я нечаянно услышал конец вашего разговора. Нет-нет! Не подумайте! Действительно нечаянно!

– Ну?!

– Я хотел сообщить, что целиком и полностью разделяю ваши взгляды и потому готов руководствоваться любыми советами, которые могут поступать от вас. Повторю: любыми! Ну, а Вбубен Бей действительно был грубой и вонючей скотиной...

– У вас душа есть? – вдруг неожиданно для самого себя спросил Филер.

– Никак нет! – четко отрапортовал Похаре Бац. – Но если вам надо – будет!

– Понятно, – сказал Филер. – Стану иметь это в виду. А вы готовьтесь.

– Всегда готов!

– Вы даже не спросили: к чему надо готовиться?

– А я готов ко всему! Так сказать – под вашим руководством...

– Чего вам надо?

– Власти!

– Скажите, а где же учились вы?

– В том же цеху, что и Рылом Втаз. Только он упаковывал банки в ящики, а я эти ящики таскал в склад. Но у меня в мозге знаний гораздо больше, потому что Рылом Втаз видел перед своим носом только этикетки, а я еще и накладные

иногда подписывал. . .

– Знаете, чего мне сейчас хочется больше всего? – спросил Филер.

– Нет, – ответил Похаре Бац. – Но я рад поучаствовать в удовлетворении любого вашего желания. Опять повторю: лю-бо-го.

– Мне страшно хочется дать вам кулаком в ухо.

Контур тощей фигуры тут же изменил свое положение.

– Что вы делаете? – спросил Филер.

– Становлюсь так, чтобы вам было удобнее меня ударить, – послышался ответ.

– Тьфу на вас! – выругался Военспец. – Ждите указаний.

– Всенепременно!

Филер вышел из ниши и направился дальше по коридору.

В этот момент ипподром грохнул диким человеческим ревом и Военспец понял, что Ударница принесла окончательное революционное удовлетворение группе оппортунистов. Но какой именно – утильлизаторской или радикалоидной – он не знал, да и знать не хотел. Мало ли их еще будет в дальнейшем? Ведь любая революция – процесс развивающийся. И Филер помнил, что если этим процессом не управлять, он продолжит разгораться произвольно. Тогда революция сожжет все вокруг вместе с самими революционерами и покроет планету толстым слоем пепла. Но Военспец совсем не желал подобного исхода. Так что же ему было нужно? А вот этого он не знал и сам. . .

ЧЕРНАЯ ГУМАННОСТЬ. ГДЕЯ

Джем, стоя рядом с Алмазом возле большого иллюминатора, смотрел на глыбы темной материи, вращающиеся в тусклом сером свете, который, казалось, исходил не из какого-то определенного источника, а лился со всех сторон. Корабль разгульдяйца двигался в узком проходе, руководствуясь автоматическими маяками.

– И что, любой звездолет может пройти по маякам и оказаться у Гдей?– спросил Джем.

– Пройти и оказаться – да, – ответил Алмаз. – Тем более, что вход этот не один. Вот только его уже будут ждать, так как маяки автоматически информируют базу.

– А если весь Звездный Флот Шмордона пройдет этим путем?

– Не знаю, – пожал плечами разгульдяец. – Но почему-то думаю, что у гдейцев на этот случай найдется, чем ответить.

Они замолчали, разглядывая маяк, оказавшийся рядом с кораблем.

Алмаз, задумчиво глядя в иллюминатор, произнес:

– Мой народ называли цыганами.

– Какой народ, разгульдяйский? – спросил Джем.

– Нет. Тот, который кочевал по Земле.

– Что такое кочевал?

– Ну, передвигался от места к месту.

– Зачем?

– Я и сам не знаю, – ответил Алмаз. – Они по всей Земле двигались на телегах, называемых кибитками. Род был табором. И эти таборы кочевали туда-сюда.

– Короче – ни черта не делали, – резюмировал Джем. – А если они что?

– Что бог пошлет.

– Какой бог?

– Какой-нибудь. Мало богов на свете, что ли?

– И много боги посылали?

– Ну, если цыгане живы до сих пор, значит – достаточно.

– Нет, не понимаю, – сказал Джем. – Предположим, болтаются туда-сюда группа людей. И не имеет значения, где. Едят они что?

– То, что бог пошлет, – повторил Алмаз.

– Бог обычно посылает что-либо несъедобное. Например – проблемку какую-нибудь. Насчет еды любой бог скуповат.

– Конечно, не все так просто! – воскликнул Алмаз. – Мне на Гдее говорили, что цыгане гадали и торговали известкой. И это давало им возможность питаться.

– А где они эту известку брали?

– Ну, не знаю, – задумался Алмаз. – Рыли, наверное, в подходящих местах во время кочевки.

– Ну хорошо, нарыли они этой известки, – махнул рукой Джем. – Но как такой кочевой народ вдруг превратился в лучших торговцев галактики?

Алмаз, польщенный последними словами Джема, выпя-

тил живот и заявил:

– Мы – движущая сила вселенной!

– Живот втяните! – вернул его к повседневной жизни Джем.

Алмаз втянул живот и ответил, отбросив пафос в сторону.

– Да ладно-ладно, это я пошутил. Но если честно – первый табор вошел в Попадос не так давно. Лет семьсот назад. Его отправили на Кукареллу. И последующие таборы посылали туда. Но благодатная почва планеты сказала свое слово. Зачем куда-то перемещаться, если помидоры растут всюду? И никакая известка не нужна! Вот так цыгане и стали в нашей галактике оседлыми. Но во всяком народе есть люди, которые не смыслят жизни без приключений! И такие личности не могли заниматься помидорами!

– Значит, они занялись разбоем, – констатировал Джем.

– Почему сразу так? – встрепенулся Алмаз.

– Потому что вы лично никоим образом не относитесь к каким-то там кочевникам, опомидорившимся на благодатной Кукарелле. В моем понимании вы – натуральный хищник космоса, живущий за счет удачи, которая поворачивается к вам разными боками.

– Вы талантливый молодой человек! – воскликнул Алмаз. – Только чересчур прямолинейный. Но дипломатическому искусству вас научат там, куда мы уже почти прибыли. А насчет цыган могу сказать следующее: на Кукарелле их почти не осталось. Те люди, что там сейчас живут – никакие не

цыгане, а черт знает кто! В эпоху первых звездолетов передовая часть цыганства перебралась в Разгульдьяй, где и основала независимую торговую республику. И никакой Шмордон не сможет прекратить ее деятельность! Пусть империя захватила нашу основную планету Ромалу со столицей, носящей имя Лавандос! Нас, настоящих цыган, это не сломит никогда! Плевали мы на этот Шмордон!

– Я сочувствую вам, – сказал Джем. – Частично. Потому что вы жулики.

– Я бы назвал это предприимчивостью, – согласно кивнул головой Алмаз. – Но по сравнению с жителями вашей планеты Сочи любая цыганская предприимчивость отдыхает! Как не залетишь туда – вечно без штанов останешься.

– А откуда у вас такие большие и быстроходные звездолеты? Что-то они совсем не похожи на телеги.

– Этот корабль принадлежал еще моему деду и достался мне по наследству от отца. Он модернизируется от времени ко времени. Естественно – на Гдее. Потому может уйти от любого шмордонского звездолета. Космические технологии остались от Хозяев, а остальные приходят с Земли. И мы, связные нашей галактики, пользуемся ими.

– Интересно, если технологии приходят с Земли, почему они не доходят в Джаппурию? Я имею в виду корыта, называемые джамобилями.

– Ваши джамобили не имеют к Земле никакого отношения. Их делают пуцлики на второй планете Черной туманно-

сти, которая называется Хламиллой. Поскольку они не любят джаппурцев, в свое время чуть не уничтоживших их народ, в производство джамобилей пуцлики вкладывают душу. Вот и получаются у них ржавые ведра.

– Опять какие-то пуцлики!

– Но это правда. Я вот, например, чтобы не идти обратно пустым, загружусь джамобилиями и джамовозами (одни других не лучше). Пуцлики говорят, что производят автохлам для того, чтобы джаппурцам было чем заняться. День едешь – три дня ремонтируешь. Такое положение всех устраивает. Пуцлики не сильно напрягаются, а джаппурцы привыкли. Пока ремонтируешь – нет времени для революций. Говорят, традиция производства автохлама тоже пошла с Земли. Там в одной из стран до сих пор существует несколько заводов, специализирующихся на выпуске корыт, подобных джамобилиям. А Хламилла получила свое название из-за того, что Хозяева использовали ее как склад. Они сбрасывали туда все вещи, оказавшиеся в Попадосе, и свои какие-то приборы, ставшие ненужными. За многие тысячелетия там накопилось столько барахла, что теперь пуцлики не нуждаются в материалах для производства джамобилей.

– Да прекратите вы мне врать! – разозлился Джем. – Какие, к черту, пуцлики?!

– Вот видите, – заметил Алмаз, – мои рассказы о Земле вы сразу принимаете на веру. А от пуцликов отмахиваетесь, как от сказочных персонажей.

– Это и есть сказка!

– Хорошо, – кивнул головой разгульдяец. – Сами разберетесь. Только при встрече с ними не делайте резких движений. Они до сих пор ненавидят вас, джаппурцев, а с гдейцами работают рука об руку.

Куски темной материи за бортом раздвинулись в стороны, и звездолет ворвался в пространство, заполненное серебристым туманом.

– Эта завеса окружает систему Гдеи, – сообщил Алмаз. – Она является некоей границей. О! Нас встречают.

В иллюминаторе возник джабль. Маленький кораблик подлетел к звездолету и двинулся параллельным с ним курсом. Через несколько минут завеса стала редеть и наконец рассеялась полностью. Звездолет вошел в обычное пространство, и Джем увидел маленькую красную звезду, вокруг которой вращались всего две планеты.

– Первая из них – Гдея, – сказал Алмаз. – Вторая – Хламилла. Ну, а звезду они называют Солнцем, подражая землянам.

И вдруг Джем увидел жуткую картину: несколько кусков темной материи, прорвавшись через серебристую завесу, устремились к первой планете!

– Что это?! – воскликнул он. – Катаклизм?

– Нет, – ответил Алмаз. – Сейчас будет сеанс связи с Землей. Такие сеансы происходят раз в сутки и длятся по часу.

Джем увидел, как куски материи состыковались в длин-

ную изогнутую линию, конец которой плавно опустился на Гдею и воткнулся в поверхность планеты. Издалека казалось, будто черный хобот какого-то гигантского животного впился в арбуз с целью соснуть сладкого сока.

– Конец коридора как раз и есть Попадос, – сообщил Алмаз. – Ну вот и окончен ваш путь, Джем. Сейчас я передам вас гдейцам, а сам отправлюсь на Хламиллу загружаться автотобарахлом.

От джабля, неотрывно следовавшего за звездолетом, отделился спасательный бот, который юркнул в открывшийся шлюз корабля.

– Пойдемте встречать гостей, – сказал Алмаз, направляясь к шлюзовому ангару.

– А как я потом доберусь в Джаппурию? – спросил Джем, догоняя Алмаза.

– О, не беспокойтесь на этот счет! – бодрым голосом ответил разгульдаец. – Вас обязательно доставят. Либо я, либо кто-то из моих соплеменников.

В ангаре их уже ждали двое: симпатичный темноволосый человек одного с Джемом возраста и ребенок лет десяти-двенадцати, одетый в поношенный рабочий комбинезон. Темноволосый держал в руках какую-то черную пластину, в которую безостановочно тыкал пальцами. Он был так увлечен этим занятием, что даже не заметил появившихся в помещении Алмаза с Джемом. Зато ребенок увидел их сразу.

Он недобро улыбнулся и неожиданно взрослым голосом

произнес по-джаппурски, обращаясь только к Джему:

– А-а, еще одна джаппурская сволочь прибыла! Будет, кем пообедать сегодня!

Джем чуть не поскользнулся от такой наглости.

– Эй, мальчик! – воскликнул он. – Тебя что, хорошим манерам не учили?

– Я тебе сейчас покажу, какой я мальчик, – деловито сказал ребенок, доставая из кармана комбинезона настоящий лучевой пистолет.

Направив дуло пистолета Джему в живот, подросток заорал жутким голосом:

– Руки вверх!

Джем задрал руки, а Алмаз почему-то не стал этого делать. Взрослый гдеец, вздрогнув от вопля ребенка, оторвался от своей пластины и обвел помещение взглядом.

– Мальчик, опусти вниз пистолет, – попросил Джем терапевтическим голосом. – А то получишь щелбан в лоб. Оружие – не игрушка для ребенка.

И здесь темноволосый наконец принялся действовать. Но вместо того, чтобы отобрать пистолет у зарвавшегося малолетнего хулигана, он просто похлопал того по плечу и произнес:

– Хватит веселиться.

Ребенок тут же спрятал пистолет в карман, отдал честь по шмордонскому строевому уставу и, подмигнув Джему, поинтересовался с язвительной улыбочкой на губах:

– Что, сынок, обдристался?

Джему вдруг страшно захотелось взять наглого подростка за ноги и треснуть его головой об стенку ангара, но он, сдержавшись, ответил:

– Не на того напал.

– Здравствуйте, – сказал темноволосый гдеец. – Прошу извинения за этот спектакль. Пец – самый веселый пуцлик на свете. Иной раз не успеваешь его сдерживать.

Он подошел к Джему с Алмазом и пожал им руки. Пуцлик сунулся за тем же, и если с Алмазом у него все получилось, то Джем с ним здороваться не захотел вовсе.

– Да ладно тебе, Джем! – приятельски произнес Пец. – Хорош обижаться. Ты что, шуток не понимаешь?

– За такие шутки морду бьют, – пояснил Джем.

– Вы, люди, слишком грубы! – возмутился Пец. – Никакой душевной тонкости в вас нет. Потому и не понимаете юмора. Но я же в этом не виноват!

Джем, внимательно посмотрев на Печа, сильно удивился. Ничего детского в лице маленького человека не было! Более того – он не походил ни на карлика, ни на лилипута. Человек как человек, только малого роста.

Пец, заметив удивление на лице Джема, поинтересовался:

– Что, пуцликов никогда не видел?

– Я думал – их не существует, – виновато ответил Джем.

– Так у вас даже изображений наших не осталось?

– Каких изображений?

– Ну, картины в музеях, например... Взять хотя бы битву за Дундúковую Рошу, которая произошла две тысячи триста пятьдесят четыре года назад. Ох мои предки и навешали твоим! Людишки бежали галопом, как сайгаки, а пуцлики подгоняли их стрелами, которые посылали в мелькающие задницы!

– Первый раз слышу.

– Как вы учите историю?! Нет, я его сейчас точно застрелю!

– Угомонись! – прикрикнул темноволосый.

Пец заткнулся.

– Сол, – представился гдеец.

– Джем Баламут, – сделал то же самое Джем. – А полного имени у вас нет?

– Давай на «ты», – предложил Сол. – Чем проще – тем лучше, тем более, что мы с тобой приблизительно одного возраста и нам еще достаточно часто предстоит общаться.

Джем не возражал.

– А мое полное имя – Соломон.

– Сол Омон? – переспросил Джем.

– Какой ОМОН? – сначала не понял Сол. – Ах! Ты имеешь в виду прозвища, которые дают в Джаппурии... У нас такого нет. Мы наоборот сокращаем имена, чтобы было удобнее общаться. А полные имена у нас зависят от имен отцов. Моего, например, звали Вениамином. Полное мое имя – Соломон Вениаминович. А есть еще и фамилии. Мой род – Ива-

новы. Потому полностью я зовусь так: Соломон Вениаминович Иванов.

– Бр-р-р! – замотал головой Джем под одобрительный смех пуцлика. – Как у вас тут все сложно!

– Вот поэтому я и предлагаю называть меня Солом.

– С удовольствием буду поступать именно так, – честно сказал Джем.

– Ну и слава богу. Пойдем за мной.

Они попрощались с Алмазом, сели в бот и перебрались в джабль, который доставил их на Гдею. В корабле пуцлик ушел по каким-то своим делам.

Во время пути Сол спросил у Джема:

– Алмаз тебе наверняка сообщил, что собой представляет наша система?

– Да, – ответил Джем. – Он просветил меня насчет Попадоса и Гдеи,, но ничего не сказал об обитателях этих мест.

– Ну, в Попадосе никто не обитает, – пояснил Сол. – Там работают. А вот на планете – все как везде.

– И как она управляется?

– Нормально она управляется, – странно ответил Сол.

– Я имею в виду государственный строй.

– Все, что тебе положено знать – узнаешь, – сообщил Сол. – У тебя для этого будет достаточно времени. А чтобы ты не скучал, мы добавим тебе сокурсников. Вас будет целая группа курсантов, прибывших из нескольких систем.

– Выходит, не одна Джаппурия управляется отсюда?

– Все системы управляются на местах. Но управленцы готовятся здесь. А Джаппурия – ключевая система, потому что прикрывает Гдею.

Раздался короткий мелодичный сигнал и Сол вытащил из кармана черную пластину, которой занимался до встречи с Джемом. Посмотрев на матовую поверхность, он принялся тыкать в нее пальцами.

– Что это? – спросил Джем.

– Планшет, – ответил Сол.

– Если судить по экипировке шмордонских офицеров, то планшет – кожаная сумка с картами, карандашами, линейками и плоской фляжкой с водкой (последний элемент обязателен). А у джаппурских полицейских в дополнение имеется соленый огурец, зато отсутствует все прочее, кроме фляжки.

– Нет-нет, – улыбнулся Сол. – Планшет на Гдее – коммуникатор. Это и средство связи, и хранилище информации и, наконец, рабочий инструмент. С помощью планшета я могу связаться в системе с любым человеком или пуцликом.

– То есть, он работает как шморифон?

– Да. И как шморовизор. Сигналы передаются через интернет.

– А это что такое?

– Земное изобретение. Всемирная информационная сеть, распространяемая специальными спутниками.

– У нас такой нет, – с сожалением сказал Джем.

– Скоро будет, – пообещал Сол.

Спасательный бот стартовал из джабля, зависшего на орбите Гдеи, и быстро доставил Сола с Джемом на специальную посадочную площадку, расположенную близ одной из окраин столичного города Армагеддона.

– На самой планете запрещено движение космических транспортных средств, – сказал Сол. – Мы пользуемся автомобилями, электричками, самолетами и вертолетами. Исключение составляет лишь зона Попадоса, где никак не обойтись без тяжелой техники.

Он, пользуясь своим планшетом, вызвал такси, и через несколько минут подъехала машина, не похожая ни на шморовоз, ни на джамобиль. Джем с Солом уселись на заднее сиденье, и водитель плавно тронул такси с места.

Город был невысотым и красивым. И самое главное – очень зеленым. Вдоль каждой улицы росли ровные ряды кубических тополей, устремивших свои кроны высоко в небо, и Джем, разглядывая их, испытывал такое чувство, будто он наконец вернулся домой.

Сол, видимо, знал о своем попутчике все, потому что спросил:

– Ностальгия?

– Да, – ответил Джем. – Ответь мне, пожалуйста, на пару вопросов.

– Попробую, – пообещал Сол.

– Как я сюда попал и что такое тест на везение?

Сол, хмыкнув, ответил:

– Мы едем в одно хорошее место. Там я тебя познакомлю с человеком, который принимал непосредственное участие в твоей судьбе. Вот он и ответит.

– А почему не ты?

– Я твой ровесник, и потому не смогу ответить на вопросы, касаемые твоего рождения.

– Ты тоже жертва Попадоса?

– Нет, я рожден на Гдее.

– Какую должность ты занимаешь здесь?

– Ее название тебе ничего не даст. Объясню приближенно. Я координирую пространство вокруг системы Гдеи. Движение всех космических судов находится в моей компетенции. Естественно – этим я занимаюсь не один. Нас несколько десятков. Плюс еще ряд обязанностей. Одна из них – обеспечение процесса обучения таких, как ты. Я формирую группы курсантов и являюсь их общим руководителем.

– И много таких групп?

– Нет, – Сол убрал планшет в карман. – Обучение здесь проходят только те, кто займет на своих планетах главные должности. Это случается нечасто. Приблизительно – раз в три-четыре года. И в группах бывает не больше пяти человек. Но в этот раз вас будет девять. На одной из планет Заогао случился голод...

– И что, руководителей съели?

– Ха-ха! – рассмеялся Сол. – Вот сам у них и спросишь.

Водитель – молодой лопоухий парнишка – не обращал на

своих пассажиров никакого внимания. Джем, привыкшему к джаппурским таксистам, имеющим особенность залезать без мыла в душу, поведение таксиста показалось странным.

– Водитель что, немой? – поинтересовался он у Сола.

– Нет, – покачал головой гдеец. – Он просто не говорит по-джаппурски.

– А шмордонский он знает?

– Опять нет. Нам периферийные языки здесь не нужны. Гдейцы знают много земных.

– Периферийные? – удивился Джем.

– Да, – сказал Сол и опять рассмеялся. – Гдея – центр нашей галактической цивилизации и скоро ты это поймешь.

Такси заехало на территорию, огороженную красивым кованым забором. Для этого Солу пришлось набрать какой-то код на панели автоматического шлагбаума. За оградой оказался огромный парк, в углах которого стояли большие здания, блестящие разноцветными стеклами.

– Это Армагеддонский Гуманитарный Университет, – сказал Сол. – Здесь вы будете проходить обучение.

– А зачем это вообще нужно? – спросил Джем.

– Те, кто создали нашу цивилизацию (называй их Хозяевами), поручили нам, гдейцам, следить за порядком в галактике. А лучший способ следить за порядком – управлять мозгами цивилизации. Именно мозгами, а не за мозгом, потому что систем много. Вот вы и являетесь этими мозгами.

Такси остановилось перед небольшим двухэтажным фли-

гелем, спрятанным в самом дальнем углу парка.

Сол поднялся на второй этаж и показал Джему пальцем на одну из дверей.

– Это ваша комната, – сказал он.

– Ваша? – переспросил Джем.

– Ты прибыл первым. Комната рассчитана на двоих, но твой сосед немного задерживается. Он придет вот-вот. Остальные заселятся гораздо позже вас. Если точнее – через несколько месяцев. Но у них немного другая программа. А вы двое – самые ценные курсанты, поэтому ждать остальных нет необходимости. Можешь гордиться этим.

– Послушай, Сол, – сказал Джем. – Меня засунули в звездолет разгульдяйцев в страшной спешке, и потому я не взял с собой никаких личных вещей...

– О! – воскликнул Сол, останавливая Джема жестом руки. – Даже не думай об этом. Мы готовились к вашему прибытию. И у тебя, и у твоего будущего соседа шкафы заполнены одеждой, бельем и средствами личной гигиены. Если еще что-нибудь понадобится, обратитесь к своему непосредственному наставнику (это не относится к желанию получить алкоголь и доступных женщин, потому что вы приехали сюда учиться, а не отдыхать). На первом этаже находится столовая, в которой вас будут бесплатно кормить четыре раза в день. И еще. Деньги вам не понадобятся, потому что за территорию университета выходить запрещается! Это к лучшему, так как для обычных гдейцев вы нисколько не интерес-

ны и даже более того – смешны. Ваши периферийные языки знают лишь единицы типа меня, у которых работа связана с этим. Все. У меня куча дел, но мы не раз еще увидимся. Я оставляю тебя располагаться и ждать своего наставника, который скоро придет. Ввиду того, что наставник находится в преклонном возрасте, называть его лучше на «вы». Если я и «тыкаю» ему, то только потому, что он приходится мне родственником по бабушкиной линии. Кстати, совет: не думай, что твой наставник добренький дурачок. Все. Пока!

Сол ушел, а Джем принялся осматриваться.

Комната была просторной и хорошо меблированной. Имелся даже телевизор. Две кровати стояли в разных углах помещения, и возле каждой из них находилось по большому плательному шкафу. Джем, выбрав себе койку у окна, открыл шкаф и обнаружил в нем множество удобной и качественной одежды, сшитой по его фигуре как на заказ.

Ради интереса он залез в шкаф, предназначенный для соседа, и нашел там то же самое. Примерив на себя несколько вещей, Джем определил, что фигура у соседа близка к его собственной, но рост выше на полголовы минимум.

Он закрыл шкаф, оделся в спортивный костюм и решил спуститься в столовую, чтобы узнать часы ее работы. Открыв дверь в коридор, он остолбенел от неожиданности, потому что чуть не столкнулся с человеком, пытавшимся, видимо, войти в его комнату.

Человек этот был седым старичком маленького роста,

и лицо его украшали аккуратная треугольная бороденка и усишки, подкрученные на концах вверх.

– Ах! – сказал старичок, смутившись, и подпрыгнув от неожиданности.

У Джема в голове тут же промелькнула мысль, что старикашка смутился из-за того, что попросту подслушивал под дверь и подсматривал в щелочку. Но он отмел это пошлое предположение, исходя из представления об образе жизни культурных гдейцев, которым наверняка претит заниматься такими подлыми вещами.

– Здравствуйте! – приветливо произнес Джем по-джаппурски.

Старичок ответил на том же языке:

– И вам не хворать, Джем! Как вы выросли! Ох и красавец!

Джем понял, что старик знал его мальчиком и страшно этому обрадовался.

– Вы помните меня ребенком? – тут же спросил он.

– Конечно! – ответил старичок.

– Расскажите об этом!

– Непременно, тем более – что тайны в этом нет никакой.

Но я вижу, что вы куда-то собрались?

– Хотел узнать, как работает столовая.

– Вот давайте вместе спустимся и пообедаем. Столовая ждала только вашего приезда, потому что этот флигель специальный и кроме его обитателей никого не обслуживает. Но

она уже запустилась, и теперь вы сможете питаться в отведенные для этого часы. Сейчас мы с вами как раз и проверим качество приготовленной пищи. Но сначала позвольте представиться: Наум Маркович Пшездецкий – доктор исторических наук, профессор Армагеддонского Государственного Университета, начальник кафедры хождения.

– Мх-х-х, – странно ответил Джем, ошалело встряхнув головой.

– Ах, понимаю, – всплеснул руками старичок. – Зовите меня просто: дед Наум. Меня в тесных кругах все так зовут.

– Какой-какой кафедры? – поинтересовался Джем, приходя в себя.

– Кафедры хождения. Это такая гдейская наука, напрямую связанная с Попадосом. Я вам о ней позже расскажу. Ну что, идем?

– Показывайте дорогу, – учтиво предложил Джем.

Во время пути он спросил:

– Скажите, есть ли возможность связаться с моей семьей?

Насколько я понял, меня засунули сюда надолго.

– Вообще-то контакты с мирами, откуда вы прибываете, запрещены на все время обучения, – сказал дед Наум. – Но я считаю эту установку перегибом. И потому помогу вам. Напишите письмо и я передам его с каким-нибудь надежным разгульдяйцем. Только никому об этом не говорите.

– Огромное вам спасибо! – обрадовался Джем.

Они спустились вниз и зашли в небольшую уютную сто-

ловую, где дед Наум начальственным тоном потребовал принести на дегустацию все, что приготовлено. Поскольку готовилось только на одного человека (кроме Джема никого во флигеле не ожидалось, и персонал столовой был об этом извещен), блюд было много, но еды они содержали мало. Деда это не смутило, и он с отменным аппетитом съел (даже не съел, а быстро сожрал!) все, что было предложено. Джем еле успел выхватить у него из-под носа блюдечко капустного салата и пирожок с картошкой.

Продегустировав все блюда, дед Наум, сытно отдуваясь, заявил официантке:

– Отлично приготовлено, замечаний нет, – и уже Джему, – а ваши впечатления от обеда?

– Чудесные! – кивнул головой Джем, проглатывая последний кусочек пирожка.

– Ну, тогда пришло время поговорить, – заявил дед. – Пойдемте в парк.

Они нашли лавочку в одной из тенистых аллей, уселись на нее, и дед Наум, находящийся в прекрасном расположении духа, принялся рассказывать:

– наших гдейских предков называют евреями. Они и сейчас живут на Земле. Мы говорим на языке, называемом ивритидишем. Хозяева выбрали нас для того, чтобы беречь тоннели и нашу галактику. Но поскольку жизнь гдейцев связана с Землей больше, чем с периферийными мирами типа Шмордона, Разгульдья и тому подобными системами, боль-

шинство нашего населения знает только ивритидиш и земные языки. Лишь редкие специалисты вроде меня и Сола обучены языкам нашей галактики. Вы можете свободно ходить по территории университета, но не удивляйтесь, если студенты не будут вас понимать. Кстати, библиотекари прекрасно говорят по-шмордонски. У них есть книги на всех языках, в том числе и на джаппурском. Первое время, пока не выучите ивритидиш, можете использовать библиотечную помощь. Занятия у вас будут проходить в разных корпусах, расписание я вам дам. Уже через неделю вы сможете посещать некоторые лекции вместе с другими студентами.

– Что я там делать буду, если преподавание наверняка идет на вашем ивритидише? – спросил Джем

– О, через неделю вы прекрасно будете знать новый язык!

– Вы слишком переоцениваете мои умственные способности.

– Я все и всегда оцениваю правильно, – заявил дед. – Наши методики позволяют изучать языки очень быстро. Завтра убедитесь в этом сами... Итак, по поводу лекций. У вас будет много предметов, в изучении которых вы будете пересекаться с другими студентами. Прошу вас, не говорите им, кто вы и откуда прибыли! Лучше уходите от ответа или отмалчивайтесь. Наша молодежь имеет слишком высокое мнение о своей цивилизационной исключительности и жителей остальной галактики считает грязными неумытыми варварами, одичавшими вдали от Земли. И еще запомните одну

очень важную деталь. Наши девушки очень красивы и вступать с ними в интимные отношения отнюдь не возбраняется (если они сами захотят с вами связываться), но детей от людей с периферии рожать им запрещено, поэтому советую предохраняться, если не хотите, чтобы вашу партнершу подвергли принудительному аборту (контрацептивы есть у вас в тумбочке).

– Почему так? – недобро прищурившись, спросил Джем, которого вдруг начала сильно раздражать получаемая информация.

– Мы заботимся о чистоте нашей гдейской крови, – ответил дед.

– Так вы гдейцы или еврейцы?

– И то и другое. Только не еврейцы, а евреи. Это древняя земная раса и мы относим себя к ней.

– А дети, которые появляются в Попадосе, и которых вы оставляете здесь? Ведь не все из них евреи. Я слышал, что на Земле живут многие расы.

– Каждый ребенок проходит через генетическую экспертизу. Евреи остаются на Гдее, а остальные отправляются на периферию.

– Говорите, Хозяева вас выбрали?

– Да.

– А не выбрали ли вы себя сами?

– Это неприличный вопрос.

– Вы тоже ребенок Попадоса?

– Нет, я рожден здесь.

– А я, случаем, не еврей?

– Нет.

– А кто?

– Уже не помню. Знаю, что по результатам экспертизы решено было приготовить вас для Джаппурии.

Джем, помолчав немного, спросил:

– Так что такое тест на везение?

– Ха-ха-ха! – мелко рассмеялся дед Наум. – Его не существует.

– Алмаз рассказывал, что...

– Кто такой Алмаз?

– Разгульдяйский жулик, который доставил меня сюда.

– Ах! – пренебрежительно махнул рукой дед. – Это одна из баек, которые распространяют эти пираты. – В случае с вами все было просто. Проще некуда! Именно я и занимался вами.

– Правда?

– Да. Итак, что такое хождение?

– Вы меня, конечно, простите, – сказал Джем сквозь зубы, – но мне глубоко наплевать на ваши хождения, беганья и ползанья!

Дед Наум, пораженный неожиданным тоном Джема, с удивлением взглянул на него.

– А также я чихать хотел на вашу цивилизационную исключительность, – продолжил Джем и вдруг заорал, – как и

откуда я сюда попал!

Дед Наум отшатнулся в испуге и сказал скороговоркой:

– Что вы, что вы, успокойтесь!

Джем, повращав глазами, взял себя в руки и голосом, не предвещавшим собеседнику ничего хорошего, потребовал:

– Ну!

Дед, пару раз хлопнув ресницами, сказал:

– Да уж... Сложная жизнь у вас в Джаппурии, раз вы подвержены таким эмоциональным всплескам. А знаете, я был неправ насчет наших женщин. Им наверняка понравится такая первобытно-звериная экспрессия!

– Короче! – потребовал Джем.

– Короче не получится, – заявил дед. – Как вы собрались учиться, если не можете получать информацию по порядку?

– Я не собирался, – ответил Джем. – Меня собрали.

– Все равно. Молчите и слушайте. Итак, хождение – это умение уходить на Землю через тоннели Попадоса и возвращаться назад. Людей, которые знают такую науку, очень мало, и я один из них. Нас называют ходецáми, но чаще – ходюкáми. Ходюки посещают Землю и приносят оттуда много полезных вещей: технологии, новые веяния культуры и много чего еще...

– То есть крадут! – утверждающе сказал Джем.

– Необязательно, хотя то, что вы называете кражей, можно охарактеризовать как помощь одной цивилизации другой. Как говорится: бог велел делиться.

– И еще говорят: на бога надейся, а сам не плошай, – добавил Джем. – В вашем случае получается так: если не помогли даром – значит, можно спереть.

– Не всегда, – сказал дед Наум. – Есть много способов получить желаемое и без этого.

– Назовите хотя бы один!

– Пожалуйста. На Земле много стран с прекрасно охраняемыми границами, где действуют жесткие таможенные тарифы. Иной раз мы помогаем миновать таможню, протаскивая грузы через Попадос из одной страны в другую. Не все страны дружат между собой. Некоторые накладывают запретительные санкции на провоз определенных товаров: продовольствия, сигарет, оружия, наркотиков, обогащенного урана и других. Мы помогаем и за это получаем требуемое нам: технологии, деньги, некоторые готовые приборы...

– Короче – занимаетесь контрабандой.

– Джем, мне иной раз кажется, что наша молодежь права, считая вас, жителей периферии варварами. Ваши мысли могут опозлить что угодно, и даже святые вещи превратить черт знает во что!

– Выходит, что кража и контрабанда – святые вещи?

– Тьфу на вас! Извините, вырвалось... Пойдем дальше. Как-то раз, будучи в одном из земных городов, я направлялся к месту, где существовал тоннель, открывавшийся там регулярно. Но вдруг увидел такой же проход, возникший спонтанно в совершенно неожиданной точке. Это была детская

площадка во дворе одного из многоквартирных домов. Вход в тоннель открылся между двух кустов, ограждавших угол с качелями.

– И как он выглядел?

– Небольшое серебристое облачко, повисшее в кустарнике. Поскольку все тоннели ведут в Попадос, я решил воспользоваться проходом, так кстати подвернувшимся под руку, и направился к нему. И вдруг какой-то шустрый пацан соскочил с качели и, обогнав меня, сиганул в этот проход прямо перед носом! Я, естественно, вошел туда же и спустя несколько секунд обнаружил ребенка в пещере Попадоса. Тот стоял с широко открытым ртом и разглядывал суету, царящую вокруг него (знаете ли, Попадос – очень оживленное место). Я, не мешкая, схватил его за руку и шагнул обратно вместе с ним. Оказавшись опять возле качелей на той же детской площадке, я погрозил пацану пальцем и сказал слово: «Нельзя!» После этого я вернулся на Гдею, но не стал уходить далеко от места моего появления. И не зря! Пацан снова оказался в Попадосе. Вы спросите, где же были родители? На детских площадках происходит следующее: мамы треплют языками с таким ожесточением, что не замечают никого вокруг, а папаши частенько ныряют в ближайшую забегаловку, считая, что за время засасывания рюмки коньяка мир стоит на месте, трава не растет, а ребенок никуда деться не может... Мне пришлось поднять мальчишку на руки и опять вернуться на ту же детскую площадку. Оказавшись на

месте, я оглянулся и понял, что тоннель вот-вот закроется, поскольку облачко стало менять цвет с серебристого на серо-стальной. Родители никак не хотели обращать внимание на чужого дядьку, державшего их ребенка на руках. То ли мамаша еще не до конца истрепала свой язык, то ли папаше одной порции коньяка показалось мало, и он решил добавить, а может, бабушка грезила о молодости... Поставив пацана на ноги, я больно пнул его ботинком в голень, чтобы отвлечь от тоннеля. Он разревелся и плюхнулся на задницу. Тогда я с чистой совестью вошел в уже начавший закрываться проход. И каково же было мое удивление, когда пацан, скользя пузом по каменному полу, въехал в Попадос вслед за мной! Видимо, он нырнул в гаснущее облако рыбкай. Отправлять его обратно в третий раз не было смысла, потому что он мог оказаться где угодно, но только не на своей детской площадке. Вот и все. Я надеюсь, вы поняли, кто был этим настырным пацаном?

– Это был я, – сказал Джем задумчиво.

– А дальше все известно, – сказал дед Наум.

– В каком городе и в какой стране это было? – спросил Джем.

– Ох, уже и не помню, – сокрушенно ответил дед. – Я тогда, бывало, в неделю раз двадцать ходил на Землю.

– Но тот день вы помнили. Почему нельзя было вернуть меня домой через другие тоннели? Ведь вы сами говорили, что в этом городе был еще один проход, открывавшийся все-

гда в определенное время?

– Если вы думаете, что я альтруист, то глубоко заблуждаетесь. Я и так сделал все, что мог. А если из-за каждого такого случая носиться по всей Земле с детьми под мышкой – никакого времени для других дел не хватит! Таких как вы – много, а дед Наум – один. Понятно?

– Понятно, – мрачно ответил Джем. – У кого я могу узнать, из какого города меня сперли? Наверняка у вас где-то учитываются такие случаи.

– Во-первых, не сперли, а сам сбежал из-за халатности родителей. А во-вторых: даже если кто-то и владеет этой информацией, вам ее все равно не откроют.

– Почему?

– Потому что вы моментально сбежите на Землю искать своих непутевых родителей для того, чтобы плакаться им в сиськи! А кому это надо? Вас кормили и растили для чего? Будьте добры теперь отрабатывать вложенные в вас средства!

Джем, вскочив, заорал:

– Кого и где кормили и растили? Меня?! Сначала в детдоме, а потом на каторге?!

– А вы еще и на каторге успели побывать? – удивился дед Наум, в этот раз почему-то совсем не пугаясь поведения Джема. – Вот Морс молодец! Хорошо закалил свою смену. Теперь вы, Джем, знаете все стороны жизни и сможете принимать взвешенные решения.

Джем, плюнув под ноги деду Науму, широкими шагами

пошел в сторону флигеля, совсем не попрощавшись со своим наставником.

– Завтра подъем в семь утра, – крикнул ему дед вдогонку довольным голосом. – Завтрак в семь тридцать, начало занятий в восемь тридцать. Корпус «Е», аудитория номер сто двадцать один. Попрошу не опаздывать!

Достав из шкафа хороший костюм, Джем облачился в него и посмотрел на себя в зеркало, висевшее в простенке. Вид получился достаточно респектабельный. Лаковые туфли из нижнего ящика того же шкафа оказались как нельзя кстати и добавили еще большей солидности. Ну, а в антресоли Джем не полез, поскольку совсем не любил головные уборы.

Уже спускаясь по лестнице, он задумался над вопросом: принято ли у гдейцев носить шляпы? Подумав немного, он решил, что задача не принципиальна, так как возвращаться в свою комнату совсем не стоило.

Пройдя по аллее парка несколько сотен метров, Джем присел на лавочку, находившуюся в непосредственной близости от шлагбаума, открытого сегодня Солом для того, чтобы впустить такси.

После нескольких минут наблюдения он выяснил, что машины заезжают на территорию университета по пластиковым картам, приложенным к специальному окошку, или если водитель набирает известный ему код, пользуясь планшетом.

Но пешие студенты спокойно выходили и входили через постоянно открытую калитку, расположенную слева от шлагбаума. За калиткой находилась будка охраны, в которой два здоровенных и толстых охранника сидели сиднями и даже не выходили проветриться.

Поднырнуть под шлагбаум было нельзя, потому что с него свисала металлическая сетка, а перепрыгивать его не стоило тем более, поскольку такое действие выглядело бы как что-то совсем невообразимое в университетском царстве науки и покоя.

Джем, сидя на лавке, подумал о том, что ему совсем незахочет выходить за территорию университета, но на душе у него было так гадостно, что он отмел прочь всякие рассуждения и, встав, решительно направился к калитке. Влившись в струйку студентов и преподавателей, выходивших на улицу, он уверенно подошел к калитке и, уже минуя ее, вдруг заметил на штанге кованого забора шморокамеру (впоследствии Джем узнал, что такие приборы называются здесь видеокамерами), направленную как раз на проход.

Звук сирены, раздавшийся в воздухе, заставил застыть всех, кто пересекал границу университетской территории. Из будки тут же выскочили охранники и почему-то сразу вцепились именно в руки Джема.

– Чего надо?! – вызывающе поинтересовался у них Джем.

Охранники, переглянувшись, отодвинули его в сторону от пешеходной тропы, и студенты потянулись через калитку

привычным порядком.

– Ты это! – сказал по-шмордонски один из охранников Джемю. – Марш в дом! Раз– два, раз-два, – раз-два-три!

– Не понял, – ответил им Джем на том же языке.

Второй охранник бесцеремонно взялся рукой за воротник костюма, в который был одет Джем, приподнял его вместе с Джемом над землей и, поставив на асфальт лицом к университету, заявил на ломаном шмордонском языке:

– Марш в казарму, шейгиц! А то – ай-лю-лю!

Джем понял, что его шморография заложена во все входные камеры. Он помнил это еще по каторге, которую отрабатывал в Джаппурии. Но здесь, в отличие от каторги, за попытку побега ничего не грозило, и потому Джем решил не ерничать, а просто ретироваться, что и сделал, освободившись от рук охранников.

Поднявшись на второй этаж флигеля, Джем вошел в свою комнату, включил в ней свет и моментально остолбенел. На его кровати спал полуодетый чернокожий человек!

Осмотревшись, Джем увидел, что оба плательных шкафа вывернуты наизнанку и их содержимое валяется на полу. Более того – спящий в его кровати человек храпел, как конь! Но самое главное, что потрясло Джема – весь воздух в комнате был просто пропитан алкогольным перегаром!

Джем видел папуасовцев не раз, и потому никакого отрицательного чувства к ним не испытывал. Но сейчас он расвирепел. И не потому, что заняли его койку, а по той при-

чине, что папуасовец смог найти на Гдее место, где наливают, а Джем не смог! И эта причина оказалась главной.

Джем опрокинул свою койку и папуасовец свалился на пол. Перевернувшись пару раз, он вдруг сказал трезвым голосом на чистом шмордонском языке:

– Это мой негрол! На Гдею с негролом нельзя? Тогда я его выпью! И выпил!

Он снова захрапел.

Джему вдруг стало жалко самоотверженного негрольщика, и потому он, просунув руки под тело папуасовца, поднял его с пола, положил на свободную кровать и накрыл одеялом.

– Отжим, куда вы льете! – пробормотал вдруг папуасовец во сне. – Мимо стакана же льете! У-у-у, морда козлиная...

Джем, удивившись такому точному определению сущности Отжима Чтоплохолежима, пожал плечами и принялся наводить в комнате порядок.

ШМОРДОН. ШМОРА

Отжим шел по подземному ходу за Хлебазлом след в след, почти уткнувшись носом в спину своему наставнику. На груди его позвякивала только что врученная Шмором Тринадцатым медаль. Она стучалась о железную пуговицу шмордонского полковничьего кителя, в который Отжим был одет.

На прием к императору надо было прийти в хорошем костюме или военной форме. Ни того ни другого у Отжима не

было, поскольку штатский костюм засалился во время жизни на Дыре, а джаппурская военная форма здесь не котировалась. Потому Отжиму подобрали шмордонскую полковничью форму танковых войск, и на вручении награды он предстал именно в этом виде.

Разговор императора с графом Вискерсом никто из награждаемых не слышал, но звучал он так:

– Вы этого клоуна нарядили так для того, чтобы меня повеселить?

– Да, ваше величество.

– Вы добились своей цели.

– Рад стараться, ваше величество!

Хлебазл был помилован за то, что раскрыл заговор, который сплели кукарелльцы Носом Вшкаф и Шкафом Внос. Оказалось, что они планировали поднять на Дыре восстание, окоммунализировать эскадру контр-адмирала Бамбукера и, двинув ее в сторону столицы, разбомбить Шмору полностью. Поскольку в раскрытии заговора принимал непосредственное участие Отжим Чтоплохолежим, ему также досталась награда.

– Чем вы там цокаете? – недовольно спросил Хлебазл, резко остановившись.

– Медалью, – ответил Отжим, уткнувшись в спину лорда.

– Все побрякушки надо снимать перед выходом на задание, – поучительно заметил Хлебазл.

Он посветил фонариком в карту, которую держал в руке,

и продолжил:

– Так, вот этот ход ведет в кухню. А где выбалтывается самое большое количество тайн?

– В постели с женщинами, – сообщил джаппурскую хрестоматийную истину Отжим.

– Это у вас в Джаппурии так, – не согласился с утверждением Отжима Хлебазл. – В Шмордоне в постели спят, а не языком болтают. С женщинами или без – не имеет значения, потому что везде должен быть порядок. Постель создана для чего? Чтобы в ней спать! Вот все и спят. А болтают где? На кухне. В чем вы сейчас и убедитесь.

Хлебазл свернул в одно из ответвлений подземного хода и стал крадучись подниматься по ступенькам каменной лестницы.

– Тс-с-с! – прошипел он, обернувшись к Отжиму.

Отжим аккуратно начал подниматься следом за лордом, испытывая наслаждение от сеанса обучения, в котором он участвовал. Сеанс этот был последним и, если сказать честно, спонтанным.

После церемонии награждения Хлебазл пригласил Отжима в свой кабинет, расположенный в здании Министерства Безопасности Шмордона. И хотя Отжим, высадившись с корабля, не успел даже зайти в свое посольство, отказать лорду он не посмел, поскольку испытывал к своему наставнику величайшее уважение.

Согласно шмордонской боевой традиции награды поло-

жено было «обмыть», чем Хлебазл с Отжимом и занялись. Пили они, естественно, не помидоровку, а благородные напитки, которые почему-то не оказывали на них нужного в таких случаях действия.

– Вот это мы закалились помидоровкой! – установил причину Хлебазл.

После опустошения ими второй бутылки виски, Хлебазлом вдруг овладело чувство наставничества, и он решил преподать Отжиму мастер-класс, чем и тут же и занялся. Вот так они и оказались в подземельях, пронизывающих ходами всю подвальную часть шмордонской столицы.

Поднявшись на площадку, которой заканчивалась лестница, Хлебазл прошептал Отжиму, занявшему место рядом с ним:

– С той стороны наклеены обои шпалерного типа.

Лорд нажал на стенке какой-то рычажок и на уровне его головы появился небольшой квадрат, состоявший из тонких вертикальных щелей. Получилось некое подобие решетки, через которую была видна центральная часть кухни джаппурского посольства. Ну, а слышимость гарантировалась узкими прорезями.

Хлебазл сделал рукой приглашающий жест и оба контрразведчика приникли носами к шпионскому окошку.

За столом, расположенным в центре комнаты, сидели трое: Батон, Хапс и, странное дело, – агент Хмырь. Перед ними стояли стаканы, а на столе возвышалась наполовину

опустошенная пятилитровая бутылка кагора.

– Вот вы говорите: шпион такой, шпион сякой, – сетовал Хмырь. – А что в этом плохого? Работа как работа. И ничего мерзкого в ней нет. Вон, палач пытается и головы рубит, мясники в кишках ковыряются, ассенизатор ведрами черпает сами знаете, что... А здесь – сиди, слушай и докладывай. Можно подумать, шпион виноват в том, что люди языками треплют, как попало! А язык для чего человеку нужен? Для того, чтобы в любви объясняться, или, скажем, песню спеть. А еще лучше – чувствовать вкус пищи! Люди сами выливают грязь на свет божий, а винят во всем доносчиков! Вы думаете, легко быть шпионом?

– Тяжело, конечно, – кивнул головой Хапс. – Нужно запомнить кучу оптовой информации, умудриться не забыть ее, и донести до следующей инстанции, ничего при этом не перепутав. Адский труд!

– Вот-вот, – подтвердил Хмырь, благодарно взглянув на Хапса. – А бывает, столько мерзостей за смену наслушаешься, что перестаешь верить в род людской, потому что одни мерзавцы вокруг! А платят гроши... И все время то холодно, то жарко, то сквозняки, то дождь. А куда деваться? Служба есть служба. Вот и слушаешь. А если еще кто-нибудь жрет что-либо вкусное, или, скажем, перед твоими глазами с женщинами развлекается... Терпение у шпиона должно быть железное! Кстати, бывает, что развлекаются совсем не с женщинами, а даже наоборот! Как такое выдержать? Приходит-

ся употреблять все внутренние силы.

– Вот гад! – прошептал Хлебазл Отжиму. – Государственные тайны выдает. Продался за бутылку вина. За рядовыми исполнителями нужен контроль. Бывает, что и личный. Не следует начальнику гнушаться таким контролем!

Отжим утвердительно кивнул головой, показывая, что запоминает информацию.

– А ты закрывай глаза и уши в такие моменты, – посоветовал Хмырю Батон.

– Никак нельзя, – печально покачал головой агент. – Вдруг в эту минуту кто-то что-нибудь ценное скажет. Да и интересно же, все-таки. Знаете, чем люди занимаются, когда думают, что их никто не видит и не слышит? Вот, например, лорд Хлебазл...

– Молчать! – взревел вдруг Хлебазл.

Он нажал какую-то кнопку на стене, и панель с потайным окошком отъехала в сторону.

Троица собутыльников, сидящая за столом, удивленными глазами уставилась на Хлебазла с Отжимом, так неожиданно появившихся в уютной до этого кухне.

– Ах ты, мерзавец! – рявкнул лорд, сходу хватая Хмыря за ухо. – Ну-ка, марш за мной!

– А-ва-ва! – потерянно ответил агент, повинувшись крепкой руке своего главного начальника.

Хлебазл подтащил агента к открытой панели, дал ему хорошего пинка и Хмырь, привычно мелькнув в воздухе фор-

менными сапогами, загремел вниз по лестнице. Министр молча шагнул в темную дыру подземного хода, и панель встала на свое первоначальное место.

Из-за стены донесся приглушенный вопль Хлебазла:
– Смирно стоять! Сейчас я к тебе спущусь!

Потрясенные эффектным появлением новых действующих лиц, столь резко оборвавших застольную идиллию, Батон с Хапсом удивленно таращились на Отжима. Последний, испытывая от беготни по подвалам страшную жажду, подошел к столу, налил из бутылки вина в стакан Хмыря и, выпив его залпом, произнес значительно:

– Вот так работает контрразведка!

И наполнил стакан снова.

Потрясение, испытываемое Батоном и Хапсом, моментально переросло в обалдение. Это случилось из-за того факта, что бывший ранее закоренелым трезвенником Отжим стал хлебать кагор со скоростью джамовозного бензонасоса!

– Что, прохлаждаетесь тут без меня? – нагло осведомился Чтоплохолежим. – Расслабились? Ну, ничего. Теперь будем жить по-новому. Я вас научу родину любить! Кстати, а почему меня посол не встречает? Его что, на рабочем месте нет?

Он осушил залпом второй стакан, швырнул его в пасть камина, плавно опустился на четвереньки и лихо (в два оборота) закатился под кухонный стол.

Батон с Хапсом наконец пришли в себя. Они нагнулись и увидели, как Отжим, подложив под правое ухо кулак, до-

вольно захрапел.

– Такое ощущение, что он занял привычное для него место, – догадался Хапс.

– Может, отнесем его в ванную и устроим холодный душ? – предложил Батон. – А как придет в себя, набьем ему морду и начнем допрашивать.

– Нет, – покачал головой Хапс. – Слишком долгая процедура. Лучше пусть проспится. А завтра за пару стаканов вина для похмеления он выложит все, что знает и не знает.

– И медаль у него отберем, – согласился Батон. – А то нашелся тут шмордонский воин-интернационалист.

– Угу, – ответил Хапс, наполняя стаканы из бутылки...

Пропи́стор Инквизит, погасив свечу, улегся в койку и принялся молиться шепотом.

Ночи перестали быть душными и потому прожаренная за день стальная бочка, быстро остывая, приносила святому отцу несказанную радость.

Во время заключения в бочке барона Филера существовала возможность улучшения жилищных условий узников. Заклучалась она в обещании Шмореньша установить кондиционер. Но обещание было дано Филеру, который в свое время смог выбраться из узилища, и потому отцу Инквизиту никаких благ в этом плане не светило. Пропистор, вспомнив, как плохо он сам отзывался о правящей династии, сплюнул на пол и продолжил молиться, перемежая святые слова ру-

гательствами.

Он имел полное право быть недовольным хотя бы потому, что теперь не мог высовывать свою бороду в зарешеченную форточку. Обычно борода Инквизита, торчавшая сквозь прутья решетки, приводила верующих, собиравшихся по утрам возле памятника Шмору Великому, в экстаз. Но в это утро она приклеилась к железным прутьям, и пропистор простоял с задраным вверх лицом несколько дольше, чем он привык это делать. Этак, часа на два.

Бывший маркиз Шухер (поскольку он был во второй раз лишен дворянства, пропистор называл его дважды маркизом), а ныне опять дворник, вечером во время плановой уборки помещения обнаружил святого отца насмерть приклеенным к окошку. Пришлось обрезать бороду ножницами и теперь пропистор стал похож не на главу шмордонской церкви, а на старую плешивую гиену, так как ножницы были садовыми и стригли клочками.

Трогая рукой оставшиеся от варварской стрижки пучки волос, Инквизит молился:

– Господь мой, Двенадцатиликий Бог, накажи охальников лютой карой, и дай твоей церкви возродиться под моим благим руководством! А для этого порази мерзопакостного Шмора Тринадцатого жертвенной смелостью – пусть уйдет по пути своих самоубийственных предков! И брата своего Шмореныша туда же прихватит, бес его задери!

Сплюнув последний раз перед сном на пол, Инквизит по-

вернулся набок и попытался заснуть, но вдруг его уши уловили какое-то шуршание под койкой. Пропистор затих, прислушиваясь.

Где-то под кафельными плитками пола раздавались непонятные звуки: скрежет шестеренок и чей-то отборный мат, приглушенный толщиной перекрытия. Инквизит, спрыгнув с койки, зажег свечу, подsunул ее под кровать, разлегся на полу поблизости от источника света и, взяв в руку свой левый сапог, стал ждать. Ожидание его длилось недолго.

Лорд Хлебазл, стоя снизу, периодически пинал ногами агента Хмыря в область копчика, приговаривая при этом:

– Разленились, сволочи, без меня! Почему все люки заржавели? Не проверяли вовремя! Теперь зубами открывай, сволочь!

Хмырь, царапая руки в кровь, приподнял люк, прикрытый сверху кафельной плиткой, и доложил:

– Проход свободен, ваша светлость!

Хлебазл, отодвинув в сторону агента, поднялся по лестнице на несколько ступеней вверх, и его голова высунулась из люка прямо под кроватью Инквизита. Лорд осмотрелся и уткнулся взглядом в неведомое страшное лицо, еле видимое в отблесках пламени свечи.

Лицо это было обрамлено драными клочьями седых волос и напоминало голову выжившего после страшной засухи бабуина, сожравшего ради этой цели всех своих одностайников.

– Ух! – испугался лорд Хлебазл.

– Изыди, бесово семя! – услышал он в ответ.

И тут же министр получил в свой синий нос сапогом, отчего рухнул вниз на поджидавшего его агента Хмыря. Ворочаясь в глубинах подземелья, лорд крикнул:

– Инквизит! Это я, лорд Хлебазл!

– Да? – донесся сверху изумленный голос пропистора. – Извини, не узнал.

– Я тоже, – ответил лорд, карабкаясь по лестнице второй раз.

Осторожно высунув голову из люка, Хлебазл спросил:

– Что с твоей бородой, святой отец?

– Бесы отстригли! – заявил пропистор.

– Надо ее помянуть, – заявил Хлебазл.

– Влезай! – радостно сказал Инквизит.

– Зачем? – удивился лорд. – Нырять вслед за мной! У меня в кабинете условия для этого дела в сто раз лучше!

– Спасибо тебе за освобождение! – проникновенно сказал Инквизит, отодвигая свою койку в сторону.

– Какое освобождение? – удивился Хлебазл. – Ты дружбу с императорским гневом не путай! Я тебя сейчас напою по старой памяти и все. Обратно в бочку! Я, в отличие от тебя, со Шмором больше ссориться не стану. Себе дороже. Поэтому предлагаю: хочешь выпить – давай за мной. Не хочешь – сейчас люк закрою...

– Хочу-хочу! – засуетился Инквизит, натягивая на ноги

сапоги.

– Ну, и слава богу! – кивнул головой Хлебазл и стал опускаться по ступеням. – Не забудь люк на место вернуть: – сказал он Хмырю, поджидавшему его внизу.

– Будет исполнено! – отрапортовал агент разбитыми в кровь губами, отдавая при этом честь.

Сверху посыпалась труха, и показался объемистый зад пропистора, закрывший весь проход...

В кабинете императора за столом сидели трое: сам Шмор, граф Вискерс и дон Крендель.

– Итак, вы находите дочерей тарыхтунского президента прекрасной партией? – спросил император у Вискерса.

– Да, ваше величество, – ответил граф. – Все они хороши.

– И сколько их?

– Трое. Одной восемнадцать лет, второй двадцать, а третьей двадцать один. Выбирайте любую.

– Они что, не попали под кукарелльскую национализацию? – Шмор свел брови к переносице.

– Нет, – вмешался дон Крендель. – За час до капитуляции президент Бендекс отправил их на дачу к своей матери. Бабушка тут же спрятала их в подвал с припасами. Там они и сидели весь период оккупации, который продолжался недолго.

– А бабушка?

– Была национализирована.

– Бабушка?!

– Шавеллы, – развел руками Крендель. – Короче – варвары.

Шмор, побарабанив пальцами по столу, поинтересовался:

– Получается, вы оба предлагаете мне жениться на одной из дочек демократа?

– Ваше величество, – сказал Крендель. – Демократия – фиговый листок, которым прикрываются все, кому не лень. До объединения Тарахтуна в республику – которое, кстати, произошло совсем не мирно – планета представляла собой конгломерацию монархий. Род Бендексов владел одной из самых больших стран, правителями которой были короли. Вы смело можете родниться с этим семейством, нисколько не боясь за свою родословную.

– Более того, – добавил Вискерс. – Такой брак быстро и мирно присоединит Тарахтун к вашим владениям. Бендекс согласен занять должность генерал-губернатора.

– Мирно? – не поверил император.

– Конечно! – подтвердил Вискерс. – Лорд Надолб уже прибыл в Тарахтун с двумя эскадрами. Он высадил кучу солдат, которые братаются с местным населением. А Бендекс находится здесь, в Шморе, вместе с дочками. Он каждый день в здании тарахтунского посольства дает балы, на которых, кстати, всегда присутствует лорд Пендрол.

– Не надо о нем! – поморщился Шмор.

Вискерс стыдливо прикрыл рот рукой, а дон Крендель

взглянул на графа с укоризной. Но было уже поздно. Двери разлетелись в стороны, и в кабинет ворвался Шмореньш. Был он как обычно: нетерпелив, резок и очень деятелен.

Бесцеремонно усевшись за стол напротив Шмора, лорд сказал задиристо:

– Хочу жениться!

Вся державная троица впала в ступор от столь неожиданного желания Пендрола.

– Мне уже шестнадцать с половиной лет! – заявил Шмореньш. – Шморofilмы категории старше шестнадцати смотреть можно, а жениться, значит, нельзя?!

– И кто тебе приглянулся? – ласково, чтоб не спугнуть, поинтересовался Шмор.

– Дочки президента Бендекса! – заявил Пендрол.

– Все три?

– Да! Все три! Но не надо делать из меня идиота. Я прекрасно знаю, что императорская власть опирается на Двенадцатиликого Бога, который повелевает иметь всего одну жену. Я именно одну и хочу! Но нравятся мне три!

Шмор, придя в себя, хлопнул рукой по столу и строго спросил:

– Почему именно они?

– Потому что, во-первых: нравятся. А во-вторых: свадьба делает меня наследником тарахтунского престола.

– Демократического престола? – удивился вслух Вискерс.

– Конечно! – воинственно воскликнул Шмореньш. – Пер-

вые выборы я выиграю, пользуясь административным ресурсом своего тестя, а вторых уже не будет!

– Гм, – поперхнулся Шмор. – Послушай, Шморик. А это все, на ком ты хотел жениться?

– Не понял? – удивился Шмореныш.

– Ты еще кого-нибудь видел, кроме дочек Бендекса?

– Некогда было, потому что они мне понравились сразу.

– Послушай! – сказал Шмор многозначительно. – Я предоставил политическое убежище Зашло Неалло, который был Первым министром Кукареллы. Он сейчас арендует поместье лорда Думбума. Так вот: у него тридцать две жены...

– Ты предлагаешь мне жениться на одной из них? – Шмореныш подпрыгнул на стуле от омерзения. – Фу, какая гадость!

– Нет, – покачал головой Шмор. – Я хотел лишь сказать, что у жен Зашло Неалло около пятидесяти детей, тридцать из которых – девушки.

– И все красивые? – заинтересовался Шмореныш.

– Сам посмотри, – предложил Шмор.

Шмореныш, задумавшись на секунду, спросил:

– И что мне за прихоть жениться на каких-то помидорных торгашках?

– Не скажите, ваша светлость! – воскликнул дон Крендель.

От «вашей светлости» лорда Пендрола передернуло, как эпилептика от незапланированного испуга. Он уже давно не

слышал обращения «ваше высочество», но никак не мог с этим смириться.

– Половина жен Первого министра выводят свои родовые из баронства. А сам Зашло Неалло родной прапраправнук Великого Князя Кукареллы Шмыгль Заугль.

– Вот-вот, – подтвердил слова дон Кренделя Шмор. – Если ты возьмешь в жены одну из дочек кукарелльского министра, тебе даже в выборах участвовать не придется. Есть хороший повод вернуть власть над планетой силой. А потом можно провозгласить монархию. Подчиненную Шмордонской империи, естественно...

Шмореныш, притихнув на минутку, обдумал предложение и спросил:

– И где этот Неалло арендуется?

– Пойдемте, ваша светлость, – вскочил с места граф Вискерс. – У меня в приемной адрес на столе лежит. Вместе с картой, чтоб легче искать было.

Шмореныш вышел вслед за Вискерсом, и дон Крендель, облегченно вздохнув, сказал:

– Ну наконец-то, ваше величество, я могу поговорить с вами откровенно.

– А раньше не могли? – удивленно спросил император.

– Нет.

– Зря. Если хотите знать, Вискерс в деле подслушивания даст вам сто очков форы, и все равно услышит больше вас.

– Когда же он успевает, если все время пьет?

– Есть на свете навыки, которые пропить невозможно.

Итак, что новенького в галактике?

– Отжим Чтоплохолежим, которого вы наградили медалью, прибыл в джаппурское посольство и на следующий день убыл.

– Куда?

– В Джаппурию. Временный поверенный в делах Батон и секретарь посольства Хапс грубо загрузили его в почтовый джабль, и в сильно избитом состоянии отправили на родину. Мои люди не стали этому мешать.

– Правильно сделали, – кивнул головой император. – Какие бы отношения у нас ни были с Джаппурией, признаться, этот Отжим – мерзавец, каких мало. А после общения с моим тестем, лордом Хлебазлом, Чтоплохолежим вообще превратился во вражескую бомбу. Вот пусть теперь постоянно детонирует в Джаппурии, чтоб у Морса голова почаще болела. Дальше.

– В Кукарелле странное затишье. Согласно отрывочным данным, поступающим от тарактунцев, там происходит борьба за власть. Одни коммуналисты режут других. И за всем этим стоит – сами знаете кто.

– А нельзя ли туда подать весточку о том, что я готов заплатить за голову Филера? – спросил император. – Неужели эти варвары бескорыстны?

– Вы, ваше величество, уже предлагали миллион, – сказал дон Крендель. – И кукарелльцы об этом знают. Но результа-

тов пока никаких.

– Распространите слух, сто я дам пять миллионов. Золотом!

– Хорошо, ваше величество, – кивнул головой дон Крендель.

– Что там с Черной туманностью?

– На незначительном удалении от нее находятся наши корабли. Один крейсер и три челнока. Они, используя режим полного радиомолчания, зависли в нескольких точках перед входами, которых найдено пока три. Раз в неделю один из челноков, собрав записанную на шморокамеры информацию со всех кораблей, уходит на границу империи и передает ее посыльному звездолету, который и доставляет эти разведданные в Шмору, где мы анализируем их. Оказывается, все три входа – оживленные места. Но летают там только разгульдйские корабли. Я имею в виду тех контрабандистов, которые не стали вашими подданными, а разбежались по всей галактике в момент включения Разгульдья в состав Шмордонской империи. Нами разработан план захвата одного из них, и я как раз хотел сегодня просить у вас разрешения на это.

– Я даю разрешение, – кивнул головой Шмор. – Только сделайте это аккуратно и желательно подальше от входа. Чтобы никого не спугнуть.

– Так точно, ваше величество. Мы засекали несколько больших звездолетов, которые чаще других болтаются там.

Вот один из них и захватим.

– Не надо захватывать. Просто досмотрите. Мы ведь не знаем конкретно, что там скрывается внутри этой бесовской туманности...

В дверь постучались, и на пороге возник граф Вискерс.

– Разрешите, ваше величество?

– Заходите.

Секретарь уселся за стол и доложил:

– Лорд Пендрол-л-л умчался смотреть невест.

– Пусть, – махнул рукой Шмор и посмотрел на Кренделя. – У вас есть еще что-нибудь?

– Да, – ответил тот. – Сегодня ночью пропистор Инквизит самым странным образом исчез из бомбы.

– ?!!

– Замки были целыми и решетка также. Мои люди принялись за усиленные поиски.

– Нашли?

– Нет. Но утром при повторном осмотре бомбы Инквизит был обнаружен внутри спящим на своей койке.

– Ваши люди набраны, случайно, не из общества слепых и глухих?

– Нет, ваше величество, – спокойно ответил дон Крендель. – Они ежегодно проходят медкомиссию.

– Может, они курят что-то особое? – предположил Вискерс. – У меня есть сведения, что наши туристы стали привозить из Джаппурии какие-то странные папиросы.

– Мои люди на работе не курят, – сказал Крендель, поморщившись. – Во-первых: пропистор был скотски пьян и потому храпел, как боров. А во-вторых: ночью в здании Министерства Безопасности были освещены окна кабинета лорда Хлебазла, откуда до утра доносились пьяные вопли и похабные песни. Мною сделан вывод, что в бомбе имеется подземный ход, который связывает ее со зданием Министерства Безопасности. Мы простучали пол и обнаружили пустоту под кроватью пропистора. По всей видимости, это проделки вашего тестя – лорда Хлебазла.

– Вы уже залили ход бетоном? – поинтересовался Шмор.

– Нет. Мы решили его изучить и в дальнейшем держать под контролем.

– Нечего его изучать, – сказал император. – Вон, обратитесь к Вискерсу. Граф предоставит вам карту всех подземелий столицы.

– Не может быть! – воскликнул Крендель, с удивлением взглянув на Вискерса.

Граф с улыбкой кивнул головой.

– У вас все? – спросил Шмор у Кренделя.

– Почти, – несколько стесненно ответил дон.

– Слушаю вас.

– Видите ли, ваше величество, – начал Крендель, явно смущаясь. – Нельзя ли мне присвоить звание, достойное моего положения? Я – начальник разведки. А как майором был, так им и остался. У меня в подчинении сотни офицеров, ко-

торые имеют более высокие звания. Право, даже неудобно иной раз...

– Да-да-да! – воскликнул император. – Спасибо, что напомнили. Я займусь этим вопросом. Вы свободны.

Крендель с довольным видом выскочил из-за стола, отдал честь и покинул кабинет.

Как только дверь захлопнулась за ним, Шмор сказал Вискерсу:

– Напишите приказ о присвоении звания дону Кренделю, я подпишу.

– Какое звание туда внести? – поинтересовался Вискерс.

– Подполковника.

– Гм, – поперхнулся граф.

– Что-то не так? – задрал вверх брови Шмор.

– Нет-нет, – поспешно ответил Вискерс. – Будет исполнено.

– И еще, Вискерс, – вспомнил вдруг Шмор. – Не забудьте послать приглашения на свадьбу Премьер-министру Джаппурии Морсу и королеве Белле.

– На какую свадьбу? – опешил граф.

– На мою, естественно, – ответил Шмор.

– Так вы еще невесту не выбрали, ваше величество!

– Я доверяю вкусу своего братца.

– И женитесь на всех троих?

– Нет, конечно. Выберите сами, Вискерс. Только пусть невеста пройдет полное медицинское обследование. Мне

нужны здоровые наследники. И о сроках позаботьтесь. Вы – человек во всех смыслах грамотный.

– Ну, если взять за основу этикет, – задумался Вискерс, – то сначала надо оформить помолвку, а потом – приблизительно через год – назначить день свадьбы.

– Увольте меня от этого, граф! – воскликнул Шмор. – Какая помолвка?! Чтоб через месяц было все закончено!

– Есть! – сидя отдал честь Вискерс.

– Вы пьяны? – осведомился Шмор.

– Нет! – Вискерс сконфуженно спрятал правую руку за спину.

– Тогда идите выполнять поручение.

– Простите, ваше величество, – замялся граф. – Можно задать один вопрос по-существу?

– Пожалуйста, – кивнул головой император.

– А Джему приглашение посылать? – поинтересовался

Вискерс.

– Это вопрос по-существу?

– Да, ваше величество.

– Гм, – задумчиво сказал Шмор.

Он встал из-за стола и принялся шагать по кабинету. Вискерс неотрывно следовал за ним взглядом. Продолжалось это минут пять. Наконец Шмор, найдившись, остановился и спросил:

– А кто он такой?

– Посол Джаппурии в Шмордоне, – ответил граф.

– Был! – поднял указательный палец вверх Шмор. – Его отозвали при крайне странных обстоятельствах, и где он находится нынче – никто не знает. И жаль! А кто Джем сейчас? Тоже никому не известно. Может, он уже давно на каторге или дворником работает? Тогда зачем его приглашать на императорскую свадьбу? Вы еще маркиза Шухера пригласите!

– Все понял, ваше величество! – сказал Вискерс. – Разрешите идти?

– Идите, – сказал Шмор.

– А кто будет проводить официальную церемонию?

– Инквизит, естественно. Ведь именно он является главой церкви.

– Простите, ваше величество, но вряд ли он согласится. После отсидки в бомбе...

– Куда он денется! – властно сказал Шмор. – Пусть спасибо скажет, что еще жив! Пока... И вообще, это не мое дело, а ваше. Вот и займитесь!

– Есть! – отрапортовал Вискерс. – Разрешите привлечь к этому делу людей дона Кренделя!

– Пожалуйста, – махнул рукой Шмор.

Вискерс поклонился и вышел из кабинета.

Инквизит начал действовать решительно.

Это было связано с посещением Вискерса, который сообщил пропистору об императорской свадьбе. Естественно, Инквизит принял это сообщение в штыки, но граф доказал

святому отцу неотвратимость предстоящего события и пропистор понял, что от его участия в этом деле отвертеться не получится. Однако информация о том, что придется женить еще и Шмореныша, добила пропистора не хуже контрольного выстрела, и он впал в откровенно яростное состояние духа. Заявив, что не будет участвовать в венчании ни при каких обстоятельствах, Инквизит добавил:

– Пусть я приму мученическую смерть, но женить этих бесов не стану!

Вискерс поздравил святого отца со скорой канонизацией и ушел.

Толпа обожателей никогда не покидала площадь. Она была небольшой (охраняющие бомбу гвардейцы следили за количеством паломников и пинками разгоняли их по мере накопления), но присутствовала и днем и ночью. Паства молилась на зарешеченное окошко, в котором периодически появлялась рожа Инквизита, и потому ему не составило труда попросить у своих прихожан монтировку.

На следующий день после посещения Вискерса, во время смены караула, когда гвардейцы были заняты уставными строевыми приемами, из толпы выпорхнул посланный точным движением ломик. Он влетел в окошко подобно копыю, чуть не убив при этом пропистора, мирно отдыхавшего в своей койке. Теперь Инквизит получил нужное ему орудие и мог сбежать в подземелье, из которого он надеялся выбраться методом тыка.

Ночью святой отец тихонько отодвинул кровать от люка, осторожно содрал ломиком половую плитку и увидел квадратную металлическую крышку, закрывавшую лаз, ведущий к свободе. Стараясь не шуметь, религиозный мученик вставил расплющенный конец своего орудия в паз и, используя силу рычага, принялся ломать механизм, запирающий подземный ход.

Через полчаса упорной работы под крышкой что-то хрустнуло, и она откинулась вверх. На Инквизита пахнуло сыростью. Он увидел железные ступеньки лестницы, уходящей в черноту подземелья. Вытерев со лба пот, пропистор подобрал рясу, спустил ноги вниз и стал осторожно спускаться, не забыв закрыть за собой люк.

Не видно было ни зги. Святой отец наконец встал ногами на твердый бетонный пол подземного коридора и, опираясь правой рукой на стенку, побрел в неизвестном ему направлении, справедливо полагая, что ход обязательно куда-нибудь да выведет. Но путешествие его продолжалось недолго.

Неожиданно где-то чиркнула спичка, раздалось непонятное сипение, и в нескольких метрах впереди себя пропистор увидел огненную вспышку. Он резко остановился, прикрыл глаза рукой и сквозь щель между пальцами заметил, как пучок огня вытянулся, сжался в линию и превратился в узкую жаркую струю полуметровой длины. «Паяльная лампа!» – пронеслось в мозгу Инквизита.

Грубый и хриплый голос поинтересовался из темноты:

– Ну что, святой отец, погреться не желаешь?

Струя медленно двинулась к Инквизиту.

Пропистор, развернувшись, побежал обратно к лестнице. В голове его билась мысль, что вход в стальную бомбу находится рядом, так как прошел он совсем немного, не более тридцати шагов! И он с облегчением наткнулся на первую ступеньку лестницы.

Инквизит начал подъем, но длинная ряса вдруг за что-то зацепилась. Пропистор похолодел сердцем. Он дернулся всем телом. Раздался треск материи, но ряса оказалась пошитой из добротной ткани, и потому святой отец остался на месте.

– Ага! – послышалось сзади. – Вот это гудок! Фиг промажешь...

Вслед за этим пропистор ощутил запах паленой тряпки и почувствовал появившееся вдруг тепло в области нижней части спины. Осознав, что тепло это вот-вот превратится в жгучую жару, Инквизит с диким воплем рванулся что было сил и, с треском выпрыгнув из рясы, взлетел вверх по лестнице, мелькая в темноте белым исподним бельем.

Люк тут же распахнулся и пропистор увидел склоненную над собой голову графа Вискерса.

– Ну так как, святой отец? – поинтересовался граф весело. – Будете венчать Шмора и Шмореньша?

Голова убралась из люка, а вместо нее появилась нога, обутая в изящный сафьяновый сапог, которая уперлась в го-

лову пропистора и надавила на нее как следует. Внизу лязгнула нижняя ступенька лестницы, и жутко завоняло бензином.

– Да-а-а! – дико заорал Инквизит.

Нога тут же убралась. Вискерс, свесив руку, крикнул:

– Хватайтесь скорее, пропистор!

В две секунды Инквизит оказался наверху, а люк был захлопнут и надежно припечатан ножкой кровати.

– Зря вы суетесь в подземелье, – авторитетно заявил граф. – Там, знаете ли, можно нарваться на что угодно. Говорят, души убиенных преступников шатаются в этих ходах туда-сюда, испытывая жажду мщения...

Инквизит, отдуваясь, с ненавистью смотрел на графа.

– Если вы сунулись туда от алкогольного голодания, то я прекрасно вас понимаю, – продолжал граф. – Но теперь, когда вы прониклись торжественностью момента и согласились провести церемонии венчания, у вас больше не возникнет потребности шляться по ночам бес знает где.

Вискерс указал пальцем на пятилитровую пластиковую канистру, стоявшую посреди помещения.

– Это вам от меня. Чудесная пятидесятиградусная виноградная водка. Пейте – сколько хотите.

Инквизит посмотрел на канистру и облизнулся. На душе у него вдруг стало легко и спокойно.

– А вы, граф? – спросил он умиротворенно.

– С удовольствием! – ответил Вискерс, доставая из карма-

на складной пластиковый стакан. – Как раз обсудим порядок проведения церемоний.

Инквизит, махнув на все рукой, галопом поскакал к канистре.

ДЖАППУРИЯ. СОЧИ – СЛЯКОТЬ – ДУБАРЬ

Прокурор планеты Сочи сидел в своем кабинете и перебирал на столе всякие бумаги. Бумаги эти были именно всякими, потому что ничего не проясняли в тех делах, которые были интересны слуге порядка.

Звали прокурора Штырем Несгибаемым, и он пытался бдеть закон, но, к его великому сожалению, ничего хорошего из этих попыток не получалось.

Возможно, все было связано с тем, что покосившееся здание прокуратуры походило своим видом на сарай для хранения силоса, и никто из жителей Джяна не воспринимал всерьез чиновников, обитавших в этом хлеву; но, вероятно, что-то было не так в организации работы прокуратуры, и виноват в этом был, конечно, сам прокурор.

Штырь взял в рот таблетку от импотенции, запил ее стаканом воды из графина и затих. Никакого прихода не последовало. Пятиминутное ожидание ничего не дало. Тогда он выдвинул верхний ящик стола и достал оттуда пачку порнош-морографий.

Посмотрев на обнаженных женщин, Штырь осознал, что

таблетки, купленные им на рынке у какой-то старой ведьмы, никакого блага ему не принесли. Потому он швырнул порношморографию в ящик, резко задвинул его на место, и решил заняться делом.

Для начала прокурор набрал номер судьи. Разговор был таким:

- Алло!
- Это судья Пай Дай?
- Да.
- Прокурор Штырь.
- Ну?
- Что, ну?
- Копыта гну!

И шморофон отключился.

Помня о том, что судья – личность неприкосновенная, Штырь решил изменить тактику. Он набрал другой номер. Разговор получился более содержательным.

- Алло! – слышалось в трубке.
- Пахан Родимый? – поинтересовался прокурор.
- Да.
- Это прокурор Штырь.
- Ну?

Штырь, опешив, переспросил:

- Что, ну?
- В смысле: чего надо? – поинтересовалась трубка.
- Это Пахан?

– Да.

– Я прокурор Штырь! Что за вопросы?

– Ну, чего надо?

Прокурор, выругавшись про себя, строгим голосом заявил:

– Господин начальник полиции, доложите мне, куда подевался мэр города Джяна, который был задержан вами за кражу бюджетных денег.

– Он отпущен под залог, – ответил Пахан. – И приступил к исполнению своих обязанностей.

– Как это приступил? – удивился Штырь. – Он же уличен в мошенничестве!

– В каком?

– В строительном. Он же построил здание вашего Управления из глины!

– Ну, это не доказано...

– Как не доказано? Вы что, экспертизу не проводили?

– Нет, конечно! А за какой черт ее проводить? Падение зданий не предусмотрено бюджетом. И экспертиза, которая денег стоит, в той же категории! Вы же сами мне мозг выели этим бюджетом! Нет денег – и ладно. Главное – конечный результат.

– Какой результат? – прокурор ничего не понимал.

– Все нормально. Мэр уже строит новое здание Управления. Обещал закончить через месяц.

– Тоже из глины?

– На этот раз из бетона. За этим присматривают.

– И каков залог?

– Здание.

– Не понял!

– Ну что тут непонятно? Чему вас в прокуратуре учат?

Построит мэр здание Управления за свой счет, считай – ничего он не украл. А потом еще и стадион достроит...

– Это же ни в какие процессуальные кодексы не вписывается!

– Зато польза большая. А так посадишь мэра – ни здания не будет, ни денег ворованных не вернешь. Процессуальными действиями занимайтесь на Слякоти, а здесь и без вас все в порядке!

Шморофон отключился. Штырь попытался снова соединиться с Паханом, но в трубке звучали лишь короткие гудки. Тогда прокурор включил шморовизор.

Диктор сообщал последние новости. На экране возникла решетчатая комната, в которой сидели на лавке два крепких мужчины с избитыми лицами. Они возмущенно размахивали руками и пытались что-то пояснить в репортерский микрофон, просунутый сквозь прутья решетки. Но вместо связной речи из их ртов вырывалось какое-то бессвязное сюсюканье. Приглядевшись внимательней, Штырь понял, что у мужчин отсутствуют зубы. Диктор рассказывал:

– Шмордонские туристы в сочинском городе Джяне стали чувствовать себя как дома! Они хамят и хулиганят в об-

щественных местах! Вы видите двух представителей шмордонской цивилизации, которые в казино «Полный карман» проигрались в пух и прах. Мало того – они поставили на кон свои золотые зубы, проиграли их с треском и не захотели расплачиваться! Служащие казино связали их и выдернули законно заработанные зубы. А когда развязали, шмордонские хулиганы принялись громить казино! Пришлось вызвать полицию, которая применила к ним физическую силу. В этом полицейским помог Герой Джаппурии Кебаб Носатый, как раз проходивший мимо и не стерпевший надругательства над мирным джаппурским укладом жизни. Теперь шмордонским туристам грозит депортация... Но не следует думать, что все шмордонцы похожи на этих озверевших мерзавцев. Совершенно другой пример показывает жена имперского посла.

На экране возник заснеженный склон, по которому сновали лыжники. Диктор сообщил:

– Всемирно известный дубарьский курорт Бодунхутор посетила леди Крокозябл. Фиалка Крокозябл отдала должное хорошо развитой инфраструктуре и сделала существенный вклад в дружбу народов.

Из шморовизора на Штыря Несгибаемого взглянули большие синие глаза, и он онемел. Леди Крокозябл была одета в легкий лыжный костюм, который обтягивал ее бесподобную фигуру. Слегка растрепанные белые волосы обрамляли голову жены посла подобно короне. Покрасневшие на моро-

зе щеки делали ее похожей на сказочную принцессу, а ярко на помаженные губы манили, как магнит.

Раздвинув алые губы в улыбке, леди Крокозябл произнесла слегка охрипшим голосом:

– Курорт Бодунхутор – настоящее снежное чудо! Поистине, это жемчужина Джаппурии!

И здесь Штыря Несгибаемого посетило страстное желание обладать этой женщиной! То ли ведьмина таблетка наконец включилась в работу, то ли действительно в прокуратуре вспыхнуло всепоглощающее чувство любви – не суть важно. А важно то, что какая-то дикая неведомая сила вдруг схватила его за мужскую сущность, потянула, и он, выпрыгнув из-за стола, принялся носиться по кабинету, опрокидывая стулья.

Побежав пять минут, Штырь схватил шморофонную трубку, набрал нужный ему номер и, тяжело дыша, потребовал:

– Билет на Дубарь! На первый же рейс!

Выскочив в приемную, он бросил делопроизводителю, с нудным видом копавшемуся в бумажках:

– Я улетаю в командировку на Дубарь.

– На сколько дней? – спросил делопроизводитель.

– Не знаю. Следы деятельности коррупционеров Джяна обнаружались в Бодунхуторе. Дело очень секретное, потому не трепите никому языком!

– Хорошо, – кивнул головой делопроизводитель. – А как же здание Управления полиции?

– Какое, к черту, здание?! – взревел прокурор. – Да пусть оно провалится в воровскую клоаку вместе с Паханом Родимым, мэром и судьей Пай Даем!

Он выскочил на улицу, поймал такси и унесся на нем в космопорт.

В отдельной палате городского госпиталя Заквакинска лежал Морс. Пипетта Обязательная, поправив под головой Премьер-министра подушку, продолжила заниматься тем, чем занималась последние полчаса. Что же она делала?

У разных народов вселенной существует огромное количество выражений, характеризующих именно это свойство женской натуры. В Шмордоне говорят: полоскать мозги. В Тарахтуне – нить до одурения. Гдейцы называют такую процедуру: спускать тузика (имеется ввиду цепь и гавкучая собака по кличке «Тузик»). Ну, а в Джаппурии определение звучит так – выносить кукушку.

Продолжая выносить кукушку Морсу, Пипетта сказала:

– Ну неужели нельзя побереечь себя? Только вышел из больницы – и сразу за работу! Да еще такую тяжелую. Да в твоём рту десны кровоточили, когда на носилках тебя вынесли из джабля. Надо же, диагноз: истощение организма! Разве можно отдаваться работе с таким фанатизмом! Никакого сердца не хватит...

Морс, вспомнив свою последнюю работу, которую пришлось выполнять в джабле на протяжении трех последних

часов полета, испытал угрызения совести. Покраснев, он виновато взглянул на Пипетту и, взяв ее руку, поцеловал.

Этот жест еще больше добавил министresse азарта, поскольку был классифицирован ей как указатель того, что она находится на правильном пути. Пипетта добавила оборотов, и кукушка у Морса стала выноситься чаще и активнее.

– Я заметила, что самая пагубная для твоего здоровья планета – Сочи, – заявила она. – Как только ты посещаешь ее, следствием является либо предынфарктное состояние, либо полное истощение организма. Ненавижу эту планету! Все! Отныне ты туда – ни ногой. Если тебе что-то нужно от них, пусть сюда летают. Ты Премьер-министр или фантик от конфеты «Мишка на Дубаре»?

Морс, вспомнив полные груди леди Крокозябл, ритмично болтающиеся вверх-вниз, вдруг перестал испытывать чувство вины. Слушая гневные речи своей тайной жены, он вспоминал время, проведенное с леди Крокозябл, и почему-то совсем не противился таким воспоминаниям.

Пропуская нудные упреки Пипетты мимо ушей, Премьер-министр держал в воображении прелестную фигуру жены шмордонского посла, и ему становилось хорошо. Более того, он вдруг почувствовал возбуждение!

– Теперь тебе положен отпуск, – рассказывала Пипетта. – Все, никаких дел. Как только выпишешься из больницы – улетим вдвоем на Потенцию розы нюхать. Что это такое?!

– А? – вернулся в палату Морс.

Взгляд Пипетты был направлен на одеяло, укрывавшее Премьер-министра. В области паха явственно вырисовывался бугор.

– А вот этого тебе сейчас никак нельзя! – злобно сказала Пипетта и по-медицински профессионально стукнула кулачком в нужное место одеяла.

– Ай! – скривился от боли Морс.

– Я его лечу, а он думает черт знает о чем! – закричала Пипетта, вскакивая на ноги.

– Ну что ты, дорогая, – прокряхтел Премьер-министр. – Это просто рефлекс.

– Рефлекс?! – министресса уже визжала. – А эта сука леди Крокозябл, которая летела с тобой в одном джабле? Тоже рефлекс?!

– При чем здесь она? – удивился Морс. – У нее муж есть. Он тоже с нами летел.

– И тоже на носилках покинул джабль! Только он спал, бормоча во сне о каких-то шипастых крокодилах! Зато жена его выглядела довольной и сытой!

– У меня в джабле с едой все нормально, – попытался оправдаться Морс.

– Дурак ты, Морс! – вдруг понизив голос до хрипа, сказала Пипетта. – Женщины всегда чувствуют, когда их обманывают в любви. Мы с тобой вместе столько лет живем в горе и радости. И в один единственный миг ты променял меня на шмордонскую шлюху, которой все равно: где, с кем и как.

– Нет-нет! – воскликнул Премьер-министр. – Я не собирался тебя менять!

– Конечно! – нормальным голосом сказала Пипетта. – Сам признался, дурак. Типа – гульнул налево, гульнул направо. Со мной такой фокус не пройдет! Живи сам! И хоть сдохни теперь, мне все равно!

Она с гордым видом покинула палату, громко хлопнув дверью.

Морс, выдохнув с облегчением, взглянул на одеяло в области паха. Там было спокойно. Это его несколько огорчило, но, вспомнив, что он находится в достаточно преклонном возрасте, Премьер-министр перевернулся на левый бок и решил немного поспать. Не тут-то было!

День, начавшийся с вынесения кукушки, не собирался продолжаться спокойно.

Медсестра, заскочившая в палату, радостным голосом поведала:

– Господин Премьер-министр, к вам королева!

– Пожалуйста, – ответил Морс, принимая в постели полусидячую позу.

Белла зашла осторожно, потому что ей мешал уже достаточно большой живот. Как бы ни хотела она оформить беседу с Премьер-министром в обычном для нее ключе, положение беременной женщины накладывало свой отпечаток и потому приходилось осторожничать.

– Здравствуйте, – сказала королева недовольным голосом.

– Вы прекрасны, ваше величество, – ответил Морс.

– Спасибо за правду, – ответила Белла, усаживаясь в кресло, в котором недавно сидела Пипетта. – Я смотрю, от посетителей у вас отбоя нет. Кресло теплое.

– Вы пришли навестить меня? – спросил Морс.

– Как бы не так! – возмущенно сказала королева. – В последнее время вы мне отвратительны! И если вы обидитесь на мои слова – сами в этом виноваты!

Морс молча слушал упреки, произносимые королевой, прекрасно понимая, что главное – впереди. Время ежемес-
ячного доклада еще не подошло. И если Белла соизволила прилететь на Слякоть, которую не любила, то у нее была для этого серьезная причина. И эта причина выскочила без за-
держки.

– Вот! – сказала королева, протягивая Морсу распечатан-
ный почтовый конверт.

Премьер-министр взял конверт в руки и посмотрел на его лицевую сторону, на которой ничего не увидел.

– Доставайте-доставайте! – потребовала Белла.

Морс достал из конверта листок бумаги, развернул его и глянул на строчки, написанные неровным мужским почер-
ком.

– Читайте вслух, – потребовала королева.

Морс, пожав плечами, попытался быстро пробежать пись-
мо глазами, но у него это не получилось. Потому что текст выглядел так:

«Здравствуй, милая Белла. Я очень сильно скучаю по тебе, но не могу вырваться из этого * * * места. У меня все нормально, потому что еще жив. Передай привет Нелле и скажи, что если я вернусь, привезу ей новую игру, которая называется бейсболом. Там всего-то надо: биту, мячик и перчатку. Мы здесь играем с * * * , * * * , и с * * * . Эти студенты – нормальные ребята, хоть и конченные * * * ! Я не знаю, когда вернусь, но хочу сказать, что очень люблю вас: и тебя, и Неллу, и того маленького мальчика, который сидит у тебя в животе и скоро станет моим сыном!

Здесь, на * * * мы живем в нормальных условиях. Мой сосед по комнате, папуасовец * * * , говорит, что прекрасней Беллы нет королевы на свете (он видел тебя по * * *). А я даже ревности никакой не испытал, потому что * * * – мой друг с большой буквы, который ценит красоту просто как она есть, без всяких * * * условностей. Он, правда, * * * кожей, но какое это имеет значение? Прости, что не могу быть рядом с тобой, но в этом виноват не я, а несколько сволочей, первая из которых – Морс. Передай ему привет. И не забудь припечатать его помидором, когда он будет выходить из твоего дворца. Любящий тебя, * * * ».

– Что это такое? – возмущенно спросила королева.

– Письмо, – ответил спокойно Морс. – Кстати, как оно к вам попало?

– Не ваше дело! – с вызовом сказала Белла. – Это что за звездочки? С каких пор в Джаппурии появилась цензура?

– Я разберусь с этим делом, – заявил Морс, не глядя королеве в глаза.

– Но перед этим переведите хоть! – потребовала Белла.

– Да не могу я этого сделать! – раздраженно повысил голос Премьер-министр.

– Если вы некомпетентны в управлении государством, то, может, я смогу сама справиться с этим делом? – предложила королева, кипя от гнева.

Морс, закатив глаза к потолку, вскрикнул:

– Ой, плохо мне! Позовите врача!

– Не дождетесь! – заявила королева. – Буду терроризировать вас, пока не ответите на все мои вопросы!

– Вам в таком положении вредно нервничать. А у меня больное сердце.

– Вот и чудесно! Вы помрете, а я прямо здесь рожу!

Дверь открылась, и в палату вошел лорд Крокозябл.

– Что-то у вас тут шумно, – сказал он, осматриваясь. – Ах, ваше величество! Здравствуйте! И вам скорейшей поправки, господин Морс.

Премьер-министр испытал облегчение от появления шмордонского посла, но на всякий случай поинтересовался строгим голосом:

– Как вы сюда попали, ведь для этой палаты введен спецрежим?

– Денег дал, кому надо, – махнул рукой посол. – Знаете ли, удобная штука. В любом народном обычае есть своя прелесть. В Джаппурии взяточничество – древнее и повсеместное явление. Интересно, а в вашей недавно созданной армии все хорошие обычаи сохраняются?

Премьер-министр, поморщившись, спросил:

– Вы явились сюда затем, чтобы задать именно этот вопрос?

– О, нет, конечно, – извинительно сложил на груди руки Крокозябл. – Я пришел с двумя делами. Первое: как ваше здоровье?

– Нормально, – ответил Морс, внезапно испытав гордость от того, что недавно наставил послу рога.

– И второе...

Посол повернулся вполоборота к королеве и торжественно сообщил:

– Император Шмор Тринадцатый ровно через месяц женится!

– Неужели?! – воскликнула королева, и в ее голосе почему-то прозвучали нотки разочарования.

– Да! – гордо сказал Крокозябл. – И он приглашает на свою свадьбу Премьер-министра Морса и королеву Беллу!

Посол выхватил из-за спины два больших пакета и поочередно вручил их Морсу с королевой.

– А Джема не приглашает? – поинтересовалась Белла.

– Зачем его звать, если он посол? – вывернулся Кроко-

зябл. – Он и так имеет право быть на ней.

– Вот возьму и поеду, – сказала Белла, задумчиво разглядывая красивый пакет.

– Ни в коем случае! – каркнул Премьер-министр.

– Какое право вы имеете указывать мне?! – вскричала королева. – Я могу перемещаться, куда хочу!

– Но только в пределах системы Джаппурии, – не согласился Морс.

Крокозябл, с удовольствием наблюдая за перепалкой, возникшей в стане противника, тихонько попятился и решил усесться в кресло, стоявшее напротив шморовизора с большим экраном.

– А про другие звездные системы в Конституции ничего не сказано! – не сдавалась королева. – Если не запрещено, значит – разрешено.

– Зачем вам это? – недовольно поинтересовался Морс. – В вашем положении вредно удаляться далеко от роддома.

– Роддомы есть и в Шмордоне! – в запальчивости ответила Белла. – Но я хочу посмотреть на невесту!

– О! – вмешался Крокозябл с хитрой улыбкой на губах. – Ее красота ни в какое сравнение не идет с вашей!

Морс и Белла повернули головы к послу. В этот миг Крокозябл плюхнулся в кресло и почувствовал задом какой-то твердый предмет. Предметом этим был дистанционный пульт управления шморовизором, который сработал, как положено, и на экране моментально возникла небритая

рожа модного певца Сексота. Палата наполнилась громкими звуками музыки и из шморовизора полетели крылатые поэтические фразы:

«А женщина не знает, чего хочет!
Она собакой охраняет сено.
И всем козлам хоть море по колено,
Но сена пожевать – никак не вскочит!»

Морс с Беллой переглянулись, и королева смущенно потупила глаза.

Но картинка в шморовизоре вдруг сменилась новостным выпуском и на экране возникла идиллическая сцена, в которой главную роль играла леди Крокозябл. Ее нес на руках высокий небритый детина, и она нежно обнимала последнего за шею. Дело происходило на заснеженном горном склоне.

– Леди Крокозябл сегодня попробовала прокатиться по сложной горнолыжной трассе и упала в расщелину, – сообщил диктор. – Но высокие сугробы погасили скорость и потому она не пострадала. А из расщелины ее достал галантный джаппурец Штырь Несгибаемый.

– Благодарю за спасение! – сказала леди Крокозябл в микрофон репортера. – Только в Джаппурии есть настоящие рыцари!

Она приподняла голову и нежно заглянула в глаза Штырю. Сочинский прокурор подпрыгнул от счастья, а лорда Кроко-

зьябла тут же накрыл припадок ревности. Он вскочил и понесся к выходу из палаты.

– Куда же вы? – удивилась королева.

– У меня много дел! – невежливо крикнул посол и, вылетев в коридор, громко хлопнул дверью.

Усевшись на первую попавшуюся лавку, он достал шмо-рофон, набрал номер жены и, прижав трубку к уху, стал ждать, нервно барабаня пальцами по колену своей правой ноги. Наконец трубка ответила недовольным женским голо-сом:

– Да!

– Милая, с тобой все в порядке? – поинтересовался Крокозябл, еле сдерживаясь.

– Лучше не бывает, – услышал он в ответ. – Ты позвонил не вовремя. Я сильно занята.

– Чем?! – взревел посол.

Проходившая мимо него медсестра от неожиданности сиганула в сторону.

– Не кричи так! Я чуть не оглохла, – сказала леди Кроко-зьябл. – У меня важная вербовка.

– Чего-чего? – удивился посол.

– Я тут специально свалилась в овраг и дала себя спасти некоему Штырю, который служит на Сочи прокурором. Сей-час я его буду вербовать.

– Интересно, каким образом? – спросил Крокозябл.

– Милый, ты что, ревнуешь? – услышал он сладкий го-

лос жены. – Ну прекращай, ей-богу... Ты ведь знаешь, что я только твоя, и верна тебе по самый гроб!

– Конечно-конечно, – сказал Крокозябл, нисколько не веря жене. – Когда ты прилетишь на Слякоть?

– Как только завербую Штыря, так и прилечу. Парочку денечков мне хватит.

– Ладно, – согласился Крокозябл.

Он отключил шморофон, встал с лавки и побежал к выходу из здания. Выскочив на улицу, посол поймал такси и, рывкнув водителю: «В космопорт!», унесся на джамобиле в сторону стоянки межпланетных джаблей. В голове Крокозябла постоянно звучало имя «Штырь» и посол пришел к выводу, что состояние, в котором он сейчас находится, можно смело обозвать словом «вштыривание». Далее, прокрутив в мозгу последнее слово, он употребил его по отношению к жене и понял, что оно подходит к возникшей ситуации как нельзя лучше. Удивившись богатству джаппурского языка, посол сосредоточился и усилием воли подавил в себе порывы необоснованной паники. Ну, а ревность он давить не стал, так как знал, что это чувство не уничтожается даже ядерной бомбой, и потому убить его не получится никак.

Пока Крокозябл следовал в космопорт, королева выносила кукушку Морсу.

– Если я не увижу Джема в течение суток – улечу в Шмордон! – шантажировала она.

– Врача! Мне плохо! – кричал Премьер министр.

– Никто вам не поможет! – отвечала королева. – Вы же взятку главврачу не давали? Вот и отвечайте мне: где Джем?!

Морс вынужден был принять полностью лежачее положение. Кроме того – он совершенно бессовестным образом натянул одеяло на голову и повернулся к Белле спиной. Королева, осознав, что не добьется больше от Премьер-министра ничего, встала и заявила:

– Я понимаю, что утомила вас. Так уж и быть – отдыхайте сегодня. Но завтра я приду опять! Готовьтесь...

С этими словами она покинула палату и степенно пошла по коридору к выходу. Морс, тайком высунув нос из одеяла, осмотрел комнату и вздохнул с облегчением.

– Не день, а дурдом какой-то, – сказал он вслух. – Слава богу, все закончилось.

Шморовизор, продолжая работать, показывал чемпионат по охоте на сусликов.

Премьер-министр отбросил одеяло в сторону, и собрался было навестить туалет, но – не тут-то было! Шморофон, лежавший на тумбочке, нежно заквакал сентиментальной мелодией и у Морса сразу потеплело на сердце.

– Алло! – сказал он в трубку, нежно прижав ее к уху.

– Морсик, как ты там? – промурлыкал нежный развратный голос леди Крокозябл.

– Все нормально! – браво ответил Морс. – Жду – не ждушь новой встречи!

– Встреча будет обязательно, – проворковал голос. – А по-

ка скажи мне: сколько полков бото-десантных войск сформировало ваше министерство обороны? Кстати, какова их численность и структура?

И здесь Морс понял, что означает выражение: любовь требует жертв. Он, простонав, зашвырнул трубку шморофона в кресло, улегся на кровать и накрыл голову подушкой. Из шморофона еще целую минуту звучал волнующий женский голос, который все повторял и повторял:

– Морсик, милый, ты где? Морсик, любимый, ну отзовись, наконец!

Премьер-министр, твердя про себя текст присяги Джапурии, делал вид, что не слышит голоса, звучавшего из шморофона, до тех пор, пока трубка не отключилась. Как только в палате стало тихо, он осторожно выскользнул из-под одеяла и шмыгнул в санузел.

Сделав дело, Морс с чувством глубокого удовлетворения вышел из туалета и обомлел. В кресле сидел незнакомый мужчина, одетый в шмордонскую военную форму! На груди мужчины сверкала большая серебристая блямба странной формы, а лицо посетителя было покрыто потеками какой-то разноцветной жидкости.

В шморовизоре опять пел Сексот. Под жесткий ритм электрической джалалайки с экрана неслись слова:

«На свой чугунный торс надену портупею,
И стану я танкистом – хоть куда!»

Морс, еле сдержав вопль ужаса, собравшийся вырваться из его груди, внимательно взгляделся в мужчину, и душа его наполнилась облегчением, потому что он узнал посетителя. В кресле сидел Отжим Чтоплохолежим. Лицо последнего было разукрашено отнюдь не краской, а самыми обычными синяками различной степени свежести. Серебристая блямба на груди при детальном рассмотрении оказалась обычной медалью, завернутой в трубочку самым необычным образом.

– И вы тоже попали сюда за деньги? – спросил у Отжима Премьер-министр.

– Обижаете, – ухмыльнулся Чтоплохолежим. – У контрразведки есть другие способы проникновения.

Морс улегся в кровать и распорядился:

– Докладывайте, чему вы научились.

Отжим вытащил из-под своей задницы пульт шморовизора, щелкнул кнопкой, и в палате наступила тишина. Засунув пульт зачем-то туда, где он до этого находился, Чтоплохолежим наклонился к кровати и заявил:

– Прошу обратить внимание на поведение сотрудников джаппурского посольства в Шмордоне.

Он указал рукой сначала на свое лицо, а затем на медаль, свернутую в трубочку.

– Господа Батон и Хапс не соблюдают субординацию, плюют на дипломатический протокол, постоянно употребляют алкогольные напитки и при этом все время занимаются ру-

коприкладством!

Премьер-министр, поморщившись, ответил:

– Это не ко мне. Напишите жалобу на имя министра иностранных дел Стандарта Резинового. Все посольства находятся в его прямом подчинении. А мне расскажите, чему вы обучались и каких успехов достигли.

– Пожалуйста, – кивнул головой Отжим. – Пока я прожигался по заднему двору больницы, мне довелось увидеть много интересных вещей. В личный джамобиль главного врача (кстати, багажник его был постоянно приоткрыт) чего только не клали! Представьте себе – туда поместилось даже полкабана в вяленом виде!

– Пойдите, – сказал Морс недовольным голосом. – Для того, чтобы наблюдать подобные вещи, совсем не нужно было летать черт знает куда. Вы, насколько я помню, и так умели это делать раньше.

– Секундочку! – сделал рукой успокоительный жест Отжим. – Я зашел в кабинет главврача и поинтересовался у последнего, откуда в его джамобиле полкабана. В ответ он сунул мне две тысячи тагриков и попросил никому об этом не рассказывать. Тагрики я, конечно, взял (возможно, они впоследствии послужат вещественным доказательством). Но возникает вопрос: если главврач под страхом разоблачения первому встречному позволяет управлять им, не возникнут ли потом проблемы с охраной пребывающих на лечении лиц государственного масштаба? Я имею в виду вас. К вам может

проникнуть любой шпион!

Морс, вспомнив неожиданное появление Крокозябла в своей палате, понял, что Отжим во всем прав. И еще он понял, что основное умение контрразведчика заключается, прежде всего, в способности делать нужные выводы из самых простых на первый взгляд событий, случающихся там и тут.

– Я вижу, вы действительно многому научились, – сказал Премьер-министр. – А теперь расскажите мне, как проходило обучение, и откуда у вас взялась медаль.

– Хорошо, – сказал Отжим.

Он нагнулся к кровати ближе и хотел было поведать Морсу о своем пребывании в Шмордоне, но изменение положения тела переместило зад Отжима в кресле и пульт, сработав, опять включил шморовизор, который взорвался новым новостным выпуском.

На экране возникла автозаправочная станция, похожая на поле боя. В центре площадки зияла воронка, а вокруг дымилось то, что осталось от бензоколонок и магазина. Асфальтовый каток, смотревшийся в этом пейзаже несколько лишним, все равно в нем присутствовал. Он лежал на крыше, задрав вверх два своих железных колеса.

Диктор, захлебываясь, рассказывал:

– В сочинском городе Джяне полицией проведена операция по поимке вора Жорика Чморикиа. Последний украл у посла Крокозябла саквояж, в котором почему-то находи-

лось несколько противотанковых гранат. В результате Жорик Чморик превратился в опасного террориста и потому операцию по его задержанию лично возглавил начальник полиции Пахан Родимый. Террорист пытался скрыться и в процессе погони за ним оказался окруженным стражами порядка на автозаправочной станции, где как раз проходили работы по укладке асфальта. В связи с этим заправка не работала, но бензин в колонках был. Пытаясь избавиться от украденного саквояжа, Жорик Чморик швырнул вещественное доказательство куда попало, и портфель с гранатами угодил под колеса движущегося автоматического катка. От давления гранаты сдетонировали и вместе с катком взорвали станцию. Никто не пострадал, за исключением Пахана Родимого, у которого сгорели усы. Сейчас мы возьмем у него интервью...

В шморовизоре возникло копченое лицо Пахана, над верхней губой которого вместо привычных усов странно торчали два каких-то растрепанных кустика. Глаза начальника полиции метали молнии, а рот кривился от еле сдерживаемой ярости.

– Скажите, – обратился к нему репортер. – Вы будете подавать в суд на Крокозябла с целью возместить моральный ущерб за потерянные в бою усы?

Плечо Пахана дернулось, на экране возник резко приблизившийся к объективу камеры кулак, раздался звон битого стекла, и изображение куда-то пропало.

– Извините, – донесся из черноты экрана голос диктора. – Связь потеряна. Мы будем держать вас в курсе после восстановления линии.

Отжим, сунув руку под задницу, нащупал пульт, снова отключил шморовизор и продолжил доклад Морсу.

ЧЕРНАЯ ТУМАННОСТЬ. ПОПАДОС

Джем читал книгу, лежа в кровати. Перевернув очередную страницу, он попытался прочесть еще несколько строк, но понял, что в голову больше ничего не влезет. Тогда он хлопнул книгу на тумбочку и, повернувшись на правый бок, посмотрел на соседа.

Последний спал, спрятав лицо в раскрытом томе, который вольно располагался поверх его носа. На обложке жирными буквами чернело название: «Преступление и наказание». Чуть выше виднелось имя автора: «Ф. И. Достоевский».

– Пираты по курсу, к бою! – рявкнул Джем по-шмордонски.

– Караул, в ружье! – взревел сосед на том же языке, и книга, укрывавшая его лицо, белой птицей взметнулась вверх.

Шелестя страницами, труд Достоевского шлепнулся на пол, а Мбабан (это был именно он), уселся на кровати и уставился на Джема мутными белками глаз.

– С-скотина! – хрипло вымолвил Мбабан.

– Ничего подобного, – не согласился с такой формулиров-

кой Джем. – Когда я читал эту книгу, ты мне вовсе не давал спать. Теперь моя очередь.

– Ну не могу я ее осилить! – с отчаянием в голосе воскликнул Мбабан. – Я не психиатр и не патологоанатом, чтобы копаться в кишках сознания ущербных людей! У меня с нервами все в порядке, потому что я нормальный. Слушай! Давай поменяемся книгами, а? Ты что читаешь?

– «Государь» Никколо Макиавелли, – ответил Джем, мило улыбнувшись.

– Тьфу на тебя! – мрачно сказал Мбабан, и сплюнул через левое плечо. – После такой книги вообще жить не хочется. Лучше уж Достоевский...

Он замолчал и принялся разглядывать свои черные ноги, свесившиеся с кровати.

Джем, заняв такое же положение, заметил:

– Ты зря углубляешься в чтение. Пропускай слова сквозь себя и не задерживай в сознании их смысл. Тогда в памяти останется прочитанное, но ты не станешь соучастником описанных переживаний.

– Это вы, русские, так умеете делать. С вас все – как с гуся вода. А я на это никак не способен.

– Я не русский. Я джаппурец.

– Пойди, расскажи это своей маме.

– У меня нет мамы!

– Мамы есть у всех, даже у сынов божьих. Впрочем, как и отцы.

Взглянув в остекленевшие от злости глаза Джема, Мбабан принялся извиняться:

– Да ладно тебе, успокойся! Подумаешь, русским обозвали. Если Достоевский пишет о каких-то психах, это еще не значит, что все русские такие. Может, он нашел десяток-другой, да и написал о них парочку книг ради стеба. А остальные русские – сплошь нормальные люди.

– Я не русский! – взревел Джем. – Я джаппурец.

– Вот видишь, как ты расстроился! – сочувственно улыбнулся Мбабан. – В следующий раз не будешь меня будить. Чтоб не расстраиваться больше...

Джем резко метнул свою подушку в Мбабана и та, врезавшись в кудрявую голову папуасовца, опрокинула последнего на кровать. Вслед за подушкой Джем отправил книгу, которую читал до этого, и она больно стукнула Мбабана по животу. Но папуасовец, отняв подушку от лица, не обратил внимания на боль, а просто заорал во весь голос.

– Внимание, русский шпион в Джаппурии! – вопил он. – Хватайте диверсанта! У него в голове психическая бомба с названием «Достоёвка»! После взрыва зомбируется все население! Хватайте камикадзе, пока не поздно! Ха-ха-ха!

В стену справа от Джема застучали, и он сразу вспомнил, что уже двенадцатый час ночи. Вслед за этим открылась дверь и в проеме возникла патлато-носатая голова инчучунца Гыатууза, который жил в соседней комнате слева по коридору.

– Однако время позднее уже, – сообщила на хорошем шмордонском языке возникшая голова. – Совести у вас нет.

Услышав последнюю фразу, Мбабан принялся икать от смеха, указывая зачем-то пальцем в сторону Джема.

– Все-все-все, – умиротворяюще сказал Джем. – Ложимся спать.

Голова инчучунца пропала и дверь захлопнулась. Джем, не обращая внимания на Мбабана, продолжавшего веселиться (правда – уже молча), разделся, погасил свет и влез в свою постель под одеяло. Мбабан, задушено всхрюкнув напоследок, тяжело вздохнул и принялся возиться в темноте, тоже укладываясь в кровать.

Соседи по коридору появились совсем недавно. До этого Джем с Мбабаном почти шесть месяцев жили одни на этаже и потому не привыкли стеснять себя громкой речью даже по ночам. Но теперь помещения слева и справа от них были заняты, и приходилась с этим считаться.

Правда на этот раз тишина в комнате продолжалась недолго.

– Что, и спокойной ночи другу не скажешь? – негромко спросил Мбабан.

– Не скажу, – так же тихо ответил Джем.

– Все, – вздохнул Мбабан. – Теперь мне всю ночь будут сниться ужасы. Ну, русские танки в джунглях Папуасы, или джаппурцы с красными знаменами, штурмующие Железный Дворец в Шморе.

– Дурак ты, Мбабан, – констатировал Джем. – И голова у тебя тупая как баобаб, на котором сидят бабуины. Твои предки, кстати. А может – и детки.

– Хорошо загнул! – задушено всхлипнул Мбабан.

– Давай спать, – предложил Джем.

– Давай, – согласился Мбабан.

В комнате стало тихо. И опять недолго.

– Значит, завтра всех нас повезут в Попадос, – сказал Мбабан.

– Да, – подтвердил Джем. – И нас, и инчучунцев, и этих, которые с Заогао. Слушай, что за человек этот дед Наум? Станный он какой-то...

– Изя Джапаридзе (студент с ломбардно-прикладного факультета) рассказывал, что на самом деле дед Наум такой же землянин, как и мы с тобой. Оказывается, он еще ребенком стал шнырять в Попадос. Только с Земли на Гдею. Его неоднократно пытались поймать, но он был слишком прытким. Выскочит из тумана, сопрет что-нибудь (все, что под руку подвернется: фонарик у персонала, пистолет-парализатор, бутерброды у трактористов) и был таков. Так продолжалось не один год. Когда его выловили, ему стукнуло девятнадцать лет. Теперь он живет то здесь, то там. Говорят – у него семья на Гдее, и на Земле еще парочка в разных странах.

– Возможно, – задумчиво сказал Джем. – Хотя Изе верить – себя не уважать. То еще трепло...

Замолчали оба. Лишь сопение обитателей комнаты выда-

вало, что никто из них не спит.

Наконец Джем произнес:

– Сол рассказывал, что никакие телескопы не смогли обнаружить созвездия, близкие тем, которые располагаются рядом с Землей. Были исследованы все ракурсы. А в звездных скоплениях, наблюдаемых с Земли, не нашлось даже намека на конфигурацию нашего звездного мира.

– Выходит – параллельные миры?

– Нет. Просто Вселенная настолько велика, что ни наша, ни земная оптика (а также радиотелескопы) пока не могут дотянуться до границы соприкосновения миров. Лишь тоннели темной материи соединяют две системы.

– Кстати, я не ожидал, что уровень развития цивилизаций будет настолько разным, – сказал Мбaban. – Мы сильно обогнали землян в космосе. Они, вон, до сих пор на орбите болтаются, да спутники рассылают по своей системе. А мы построили космических кораблей.

– Скорее всего – в этом нам помогли Хозяева... Зато у нас нет интернета.

– Уже есть. Правда, только на Гдее. Но, думаю, скоро интернет распространится на всю галактику.

– Ах, да! На разгульдяйском звездолете, который доставил меня сюда, шморовизор показывал все что угодно, причем из разных углов нашей галактики... Интересно, а есть ли интернетная связь с Землей?

– Законный вопрос! – воскликнул Мбaban.

В стенку справа от Джема застучали.

– Не ори! – задушенным голосом потребовал Джем.

– Да я уже тихо, – с досадой прошептал Мбабан.

Они помолчали.

– Хорошая штука гипноиндуктор, – заметил Мбабан. – На изучение каждого языка – день. Сколько в тебя всунули?

– Одиннадцать, – ответил Джем. – Тарахтунский, разгульдйско-кукарелльский, инчучунский, иврителидиш и ваш, папуасовский. Это наши. Плюс земные: английский, французский, немецкий, русский, китайский и арабский.

– В меня тоже одиннадцать. Только вместо китайского и арабского зачем-то суахили с банту, которые составляют основу папуасовского. А джаппурский я и так знал... Ах, да! Во втором рукаве нашей галактики расселились потомки японцев и китайцев. Говорят – их языки не ушли далеко от земных.

– На кой ляд нам это нужно?! – возмутился Джем. – И эта история Земли! У меня уже голова от нее пухнет! А литература и искусство? Мало нам своей культуры?

– Ничего-ничего, – успокоил его Мбабан. – Знания лишними не бывают. Слушай, понятно, почему гдейцы разговаривают на иврителидише, но ты заметил как немецкий с шмордонским похожи? А джаппурский с русским?

– Насчет последнего ты не совсем прав.

– Еще как прав! Я имею в виду лексику. И вашу образность мышления.

– Отстань!

Они опять замолчали. Минут через пять Мбабан, вздохнув, выругался:

– Козлы! Денег не дают. Ни выпить – ни закусить! Хорошо хоть столовка бесплатная. Эх!.. Вот бы негрола сюда. Вкусная штука. Нигде такой нет!

– Еще чего?– не согласился Джем. – У нас его на Потенции из сахарного тростника производят. Только он ромом называется. Пойло как пойло. Коньяк лучше.

– Ты еще настоящего пойла не пил! – раздраженно вскричал Мбабан. – Я по пути в Джаппурию попробовал помидоровки. Вот где гадость! До сих пор отрыжка, как вкус вспомню...

Дверь неожиданно распахнулась, кто-то щелкнул выключателем и комнату залил яркий свет. Джем с Мбабаном, щуря глаза, увидели на пороге инчучунца Гьяутууза. Из-за плеч соседа выглядывали головы еще троих его соотечественников.

– Однако вы достали! – сообщил Гьяутууз грозно. – Выходите в коридор как мужчины. Сейчас будем морды вам бить.

Джем с Мбабаном переглянулись.

– Вот чего нам не хватало, – обрадованно заявил Мбабан. – И негрола никакого не надо. Ну, чингачгүки, держитесь!

Они вскочили с кроватей и ринулись на инчучунцев.

Драка продолжалась недолго, потому что Мбабан по пути

прихватил стоявшую в одном из углов комнаты бейсбольную битку (они с Джемом как раз осваивали этот вид спорта в свободное от учебы время). Поскольку инчучунцев было четверо, наличие подручного средства, по мнению папуасовца, не являлось нечестным приемом, а мнением противников он не поинтересовался.

В результате трое инчучунцев побежали в травмпункт кампуса перевязывать головы, а Гьяутууз уполз на четвереньках в душевую, находившуюся в конце коридора, где включил холодную воду, под струю которой и подставил ударенное Джемом причинное место. Как оказалось, Джем тоже посчитал соотношение сил не совсем честным и потому просто двинул Гьяутууза ногой в пах, чего тот не ожидал вовсе.

Когда они выключили свет и улеглись в койки, оба тут же пришли к выводу, что небольшая драка никогда не сможет помешать приятному времяпровождению, а перед сном она даже полезна, причем – сверх всякой меры.

– Я так понимаю, что эти инчучунцы находятся здесь с той же целью, что и мы? – спросил Джем.

– Да, – ответил Мбабан.

– Тогда почему их четверо?

– У них там сложная клановая система, – пояснил Мбабан. – В каждом племени свой вождь, а племен – чертова ку-ча. Но они умудряются как-то договариваться между собой и живут относительно мирно. Скорее всего, потому, что все вожди – земляне, прошедшие обучение здесь.

– Хм, – хмыкнул Джем. – После сегодняшнего инцидента вряд ли отношения Инчучуна с Папуасой будут хорошими. Я имею в виду то время, когда ты приступишь к выполнению своих обязанностей.

– Они и так не слишком добрососедские, – ответил Мбабан. – Можешь по этому поводу не париться.

– Кстати, а какая должность ждет тебя?

– Великого визиря, – ответил папуасовец гордо. – У нас монархия не ограничена всякими конституциями. А нынешний король Аддис-Абеб Третий – сам нашего поля ягода. Впрочем, как и его предшественники. Это относится и к визирям.

– Не понял, – удивился Джем. – У них что, потомства не бывает? Никто не в состоянии наследника родить?

– В состоянии, – ответил Мбабан. – Но политическая система Папуасы не совсем обычна. В древности король Гвиней Великий (тоже из землян) издал Великую Хартию Власти. На основании этого документа и происходит наследование престола. По сути своей, на Папуасе установлена демократическая монархия. Нонсенс? Ничего подобного. Король избирается всеобщим тайным голосованием. Выборы, речи, обещания... Ну, а кандидатуры – дело особое. Не все желающие становятся кандидатами.

– И от кого это зависит?

– От великого визиря (последний назначается королем на пожизненный срок), потому что он является главой избира-

тельной комиссии.

– Все понятно с вашей демократией, – Джем тихо рассмеялся. – И что, не бывало случаев, когда короли тянули одеяла на себя, пытаясь утвердить на троне наследников или поменять политический строй?

– Бывали, конечно, – ответил Мбабан. – Но у великого визиря всегда находились возможности этому помешать. Армия и полиция подчиняются именно великому визирю. Да и казна тоже у него в руках.

– А что, визирям не хотелось ни разу самим сесть на трон?

– Зачем им это надо? – удивился Мбабан. – И так все в порядке с количеством власти. Да и короли, как правило, не дураки, и тоже кое-что имеют в запасе.

– Неограниченная монархия! – Джем ржанул. – Как же... Слушай, а ты не хотел бы найти своих родителей?

– Нет, – серьезно ответил Мбабан. – Когда я в трехлетнем возрасте появился в Попадосе (мне рассказал об этом дед Наум) то сразу же был отправлен в больницу. Мой разбитый нос хлюпал кровавыми соплями, а на спине явно обозначались следы побоев, нанесенных каким-то узким предметом. То ли ремнем, то ли лозой. Там, на Земле, я, по-видимому, пытался от кого-то убежать и нырнул в серебристый туман. Кто меня бил – я не помню, но это не имеет значения. Если родители, нет смысла возвращаться к таким извергам. Если кто-либо другой – значит, родители не смогли защитить ребенка или их попросту нет в живых. Тем более –

нечего мне на этой Земле делать. Ну, а поскольку я знал всего одно слово, которое и произносил все время, меня именно этим словом и называли.

– Каким словом?

– Я говорил – Мбабáне.

– По-моему, так называется какой-то африканский город, – попытался вспомнить Джем.

– Правильно, – согласился с ним папуасовец. – Это столица государства, которое сейчас носит имя Свазиленд. Кстати, далеко не благополучная страна. Ну, шагну я в Попадос. И где окажусь? Неизвестно. А даже если и в Свазиленде? Не факт, что я вернусь когда-нибудь обратно на Гдею. И кем я стану на Земле? Королем этой африканской страны? А может быть, банкиром? Дудки! В лучшем случае (если не упручат в тюрьму за то, что не имею документов) я буду уборщиком помоек, а в худшем – полезу на дерево за бананом, как это делали все мои древние предки.

В комнате стало тихо.

Спустя некоторое время Джем задумчиво сказал:

– А я помню крепкие ласковые руки большого усатого человека, которые подбрасывали меня в воздух, и приходящее вслед за этим восхитительное чувство полета. И еще ласковые мамины глаза, и ее нежный голос, зовущий меня. Но другим именем. Не помню, каким... Мне было четыре года, когда я оказался здесь.

– И тебе хочется обратно?

– И да и нет.

Джем вспомнил Беллу с Неллой и вздохнул.

– Не будь дураком, – посоветовал ему Мбабан. – Здесь ты станешь Премьер-министром. А там – неизвестно кем. Хотя известно. Даже если ты найдешь своих родителей, в чем я глубоко сомневаюсь, где гарантия, что твой папаша не латышский гастарбайтер, ковыряющий гаечными ключами канализацию в богатой Германии, а мамочка не украинская шлюха, снимающаяся в дешевых порнофильмах там же?

– В том-то и дело, – уныло сказал Джем. – Ну тебя к черту! Давай спать!

– Давай, – согласился Мбабан.

В коридоре возникло шарканье ног, и раздались голоса. Какая-то группа людей прошла мимо их комнаты, и дверь содрогнулась от мощного удара. Спустя несколько секунд голоса стихли.

– Инчучунцы вернулись из травмпункта, – констатировал Мбабан.

– Слушай, а полиция здесь есть? – с интересом спросил Джем.

– Ни разу не видел, – ответил Мбабан. – Вот завтра об этом и узнаем.

– Как?

– Ну, если придут нас арестовывать за драку – значит, есть. Если не придут – нету.

– Нас-то за что? Они ведь первые начали.

– Не знаю как на Земле, а в нашей галактике полиция любой системы всегда смотрит на качество набитой рожи. У нас повреждений никаких нет, а у них головы разбиты. А если учесть причинное место Гыаутууза, то статья, по которой нас будут привлекать, тянет на преступление в извращенной форме, совершенное группой лиц с крайней жестокостью. Еще и предварительный сговор добавят. Так что не переживай, утром будет весело!

– Тьфу на тебя! – проворчал Джем. – Заткнуться не желаешь? Лучше б ты за бананами лазил, чем языком трепал.

– Вместе слазим, – пообещал Мбабан. – Интересно, а каторга в Гдее есть? И растут ли там бананы?

Но Джем ничего на это не ответил, потому что уже спал.

– Что, дрыхнешь? – поинтересовался Мбабан. – Ну, тогда я тоже. А о каторге узнаем завтра. Наверное...

Он все-таки заткнулся и тоже затих. В общежитии наступила долгожданная тишина и инчучунцы, – а также другие обитатели, – смогли наконец провести остаток ночи как положено приличным людям, то есть поспать.

На следующий день во время завтрака в столовой Джем с Мбабаном пришли к выводу, что инчучунцы на них обиделись. Это следовало из того, что ни один из них не поздоровался и все четверо при поглощении пищи бросали на двух приятелей кровожадные взгляды.

– Было бы из-за чего обижаться, – заметил Мбабан.

– Действительно, – согласился с ним Джем. – Подумаешь – у троих перевязаны головы, а четвертый ходит враскорячку. Нашли повод. Мнительные они какие-то.

Приятели громко рассмеялись, добавив инчучунцам злости, отчего те принялись расправляться с пищей так, будто поедали своих врагов.

– Нет здесь ни полиции, ни каторги, – резюмировал Мбабан.

Но он немного ошибся. Перед посадкой их группы в вертолет дед Наум отозвал обоих приятелей в сторону и заявил:

– Еще раз повторится подобное, поедете на месяц в техническую командировку. Практика вам тоже пригодится.

Джем не стал строить из себя дурака, делая удивленные глаза, а просто поинтересовался:

– Куда?

– Какая практика? – поддержал его Мбабан.

– К пуцликам на Хламиллу, – пояснил дед Наум. – Будете участвовать в ручном процессе сборки джамобилей и джаблей второго класса.

– Это обязательная программа? – удивился Мбабан.

– Нет, факультативная, – ответил дед Наум. – Для особо интересующихся техникой.

– А мы разве интересуемся? – не поверил Джем.

– Заинтересуетесь, – пообещал дед Наум. – Вот только посмеете еще раз подраться и тут же заинтересуетесь!

Приятели ничего на это не ответили, потому что совсем

не хотели участвовать в процессе сборки ржавых корыт. Тем более – вручную.

Вертолет сел на большую площадку, заставленную всяческой техникой. Здесь находились другие вертолеты, какие-то тракторы и краны, цистерны и контейнеры. Но самое большое количество составляли грузовые боты, которые взмывали в небо и садились, подчиняясь какому-то жуткому бесперебойному графику.

Вдали виднелась высокая бетонная стена, ограждавшая потухший много тысячелетий назад вулкан, который высился над стеной подобно прыщу, выросшему на ровной поверхности кожи. Над плоской его вершиной сновал целый рой ботов и космолетов, занимавшихся там какой-то непонятной, но резвой деятельностью. Еще выше роя безоблачную поверхность синего неба закрывала черная туча, медленно опускающаяся вниз, ощутимо увеличиваясь при этом в размерах.

– Вот вам и Попадос, – сказал дед Наум, когда группа курсантов высадилась из бота на бетон площадки. – Он находится внутри горы. А в котловине вулкана располагается глубокое озеро. Тоннели подходят сверху, и сухопутная их часть соединяется с Попадосом, а та, которая блуждает по морям и океанам Земли, висит над озером. Все сухопутные существа и движущиеся предметы оказываются в Попадосе. Морские создания сваливаются в озеро. Водная часть называется Засасосом. Запомните определение: Попадос и Засасос –

две равные части единого космического целого.

– И много морских созданий появляется за один сеанс связи? – поинтересовался Джем.

– Нет, – покачал головой дед Наум. – Раньше морские тоннели гуляли по всей водной поверхности Земли, а сейчас сосредоточились в районе Бермудского треугольника. Район этот пользуется дурной славой, и движение судов в нем ограничено. Но недавно попался американский эсминец. Пуцлики его уже распиливают на металлолом, а экипаж отправили на Землю через Попадос. Да, еще там плавает русская атомная подводная лодка. Моряки всплывать не хотят, говорят по рации, что русские не сдаются и грозятся пустить ядерные ракеты. Мы блокировали их пусковые установки специальными импульсами, но они все равно всплывать не собираются. Так продолжается уже полгода.

– А морские животные?

– Попадаются, как и прежде. Но мы уже давно развезли многие виды по планетам нашей галактики. Имеются в виду полезные животные и рыбы, а не всякие акулы.

– Акулы? – удивился Джем.

– Это такая здоровенная рыбина с прожорливой пастью, в которой каждый из зубов величиной с клюв Гыаутууза. – пояснил Мбабан. – Я фотографии видел.

– У нас в Джаппурии такие не водятся, – сообщил Джем.

– При чем здесь клюв, которого у меня нет? – недоуменно спросил Гыаутууз.

– Будете себя плохо вести, разведем акулу прямо в вашем Бархатном море! – раздался сзади знакомый голос.

Все обернулись и увидели улыбающегося Сола.

– Тогда сочинские пляжники побьют все рекорды в скоростном плавании, – сообщил он и продолжил, – итак, сегодня с вами буду я.

– А как же дед Наум? – спросил Мбабан.

– Я уйду туда, – указал пальцем на черную тучу дед. – Вот и увидите, как это происходит.

Только теперь все обратили внимание, что дед Наум держал в руках большой чемодан с колесиками и длинной выдвижной ручкой.

– Внимание на меня! – хлопнул в ладоши Сол. – В Попадос абы кого не пускают. Для вашей группы сделано исключение, так как вы – будущая элита нашей галактики. Но все равно прошу соблюдать некоторые правила. Первое: от меня никуда не отходить. Второе: не орать, не визжать, не хрюкать. И не имеет значения, от ужаса это будет происходить или от удивления. Руками ничего и никого не трогать! Мои любые команды выполнять мгновенно и беспрекословно. Понятно?

Все дружно закивали головами.

– Гьяутууз! – вдруг рявкнул Сол.

– Я! – встрепенулся инчучунец.

– Лежать!

Гьяутууз брякнулся пузом на бетон.

– Стоять!

Инчучунец резко встал.

– Молодец! – одобрительно сказал Сол.

– Иго-го! – заржал Гыаутууз, правдоподобно имитируя крик лошади.

– Отставить! – рявкнул Сол, моргая круглыми от удивления глазами. – Мои команды выполнять, конечно, следует. Но не до такого идиотизма. Понятно?

Все согласно кивнули головами, а Мбабан, тоже кивнув, согнулся пополам и остался стоять в такой неловкой позе.

– Что это с ним? – поинтересовался Сол, глядя на Джема.

– У него спазм от смеха, – ответил Джем, сам еле сдерживаясь. – Национальная папуасовская особенность. У них метаболизм такой...

– Понятно, – сказал Сол и развел руками. – С этим ничем помочь не могу, потому что не специалист в папуасовском метаболизме.

Мбабан согнулся еще сильнее, а Сол подмигнул Джему и приказал:

– Всем сесть в автобус и пристегнуться ремнями.

Сзади остановился подъехавший микроавтобус, в который все и погрузились. Если не считать Сола с дедом Наумом, группа состояла из девяти человек. Кроме Мбабана, Джема и четверых инчучунцев, в нее входили трое желтолицых представителей второго рукава галактики, живущих в системе Заогао. Джем ранее никогда не встречался с подоб-

ными людьми и потому тихо спросил у Мбабана:

– Что это за народ?

– Потомки китайцев, японцев, корейцев, монголов и тому подобных наций – ответил Мбабан. – Эти трое прибыли всего две недели назад.

– Вы с ними сталкивались?

– Конечно. Путь в их рукав лежит через центр галактики, а мы от него недалеко живем.

– И что за народ?

– Народ как народ. Со своими приколами. Верят в какого-то Дудду и заставляют женщин носить тряпки на лицах.

– Может, верят в Будду?

– Нет, – покачал головой Мбабан. – В Будду верят на Земле. А тряпками лица женщинам закрывают мусульмане. Причем там же. А у них на Заогао обе эти религии перемешались в кучу и получился Дудда, который есть пророк единого бога, плюс его земное воплощение, ушедшее своевременно в фирману...

– Куда-куда?!

– В фирману. Это у них такое состояние, где нет боли, а присутствует только радость.

– А-а-а, – протянул Джем. – В нирвану?

– Молодец. – Сказал Мбабан и, сделав круглые глаза, поспешно добавил: – только ржать не смей, а то я от смеха лопну!

– Ну что ты! – согласился Джем ернически. – Лошадей в

автобусы не пускают. Кроме Гыаутууза. Хорошо, что ты ему по башке битой врезать не успел. А то бы он как конь до сих пор на четырех копытах скакал.

Мбабан закатился смехом, но Сол тут же подал команду:
– Смех прекратить! Приехали.

Мбабан заткнулся и все принялись глазеть в окна.

Автобус стоял перед шлагбаумом КПП. Сол, сойдя на подножку, тыкал пальцем в экран планшета, посылая куда-то нужные коды, а охранник КПП разглядывал пачку пропусков, сунутых ему в окно дедом Наумом. Наконец проверка закончилась, шлагбаум поднялся, и автобус покатило в сторону горы.

Через пять минут он остановился перед гигантскими стальными воротами, закрывающими вход в пещеру. Группа выстроилась перед автобусом и все задрали головы вверх. Туча уже полностью закрыла небо над горой и нависала черной шапкой, продолжая увеличиваться в размерах все больше и больше.

Сол сообщил:

– Двигаемся в колонну по-одному вслед за мной.

Он направился к маленькой дверце, видневшейся в воротах, и все потянулись за ним. Дед Наум поставил чемодан на колесики и занял место в конце колонны. Сол, сунув какую-то пластиковую карточку в специальное приемное отверстие, набрал дополнительно код на цифровом замке, и дверца отъехала в сторону. Он шагнул внутрь горы, курсан-

ты последовали его примеру, и группа оказалась в самом сердце Попадоса.

Это была огромная полукруглая пещера, прекрасно освещенная прожекторами, бьющими светом из-под купола. Полукруглой она была потому, что по диаметру от пола до потолка ее резала стена серебристого тумана. Сол остановился метрах в тридцати от стены и приказал:

– Дальше не приближаться. Осмотритесь. Сеанс связи начнется через десять минут.

Группа выстроилась в шеренгу. Джем с Мбабаном принялись вертеть головами по сторонам и увидели много интересного.

Они стояли в крайней правой точке Попадоса, практически подпирая каменную стену. Остальная часть пещеры просто кишела гдейцами, одетыми в форменную одежду синего цвета, которые сновали туда-сюда, выполняя какие-то работы, нужные для организации предстоящего сеанса. Одни, управляя погрузчиками, подвозили железные клетки, ящики и коробки; другие приводили в готовность пистолеты-парализаторы; третьи просто топтались на месте, разминая мышцы ног и потирая руки от нетерпения.

К Солу, стоявшему рядом с дедом Наумом впереди шеренги, подбежал какой-то тощий тип в кепке с железной бляхой над козырьком, они быстро переговорили о соблюдении мер безопасности и тип убежал по своим делам. Джем с Мбабаном, занявшие места за спинами руководителей, прекрас-

но слышали их разговор и могли сами участвовать в беседе.

Тем временем туман начал густеть и вдруг засверкал ослепительным серебристым зеркалом.

– Началось, – сообщил Сол.

И здесь из тумана прямо в центр пещеры выскочил огромный африканский слон. Он резко затормозил и устоялся на автопогрузчик красного цвета, оказавшийся как раз перед ним. Никаких вопросов слон, естественно, задавать не стал, поскольку не умел говорить, но прямое попадание черт знает куда сильно его озадачило. Поэтому он принялся тупо болтать хоботом, видимо, решая в уме сложную задачу.

Водитель автопогрузчика (достаточно опытный сотрудник) нажал на приборной доске нужную кнопку и в пещере раздался пронзительный рев сирены. Слон вздрогнул, развернулся и, обиженно дудя хоботом, сиганул обратно в серебристую пелену.

– А что, в нашей галактике слоны никому не нужны? – поинтересовался Джем.

– В свое время наловили их достаточно, – ответил Сол. – Был бы азиатским, тогда б еще подумали. А это африканский, который не поддается дрессировке.

– На планетах Джаппурии никакие не водятся, – заметил Джем. – Циркачи жалуются, что покупают их за бешеные деньги в Папуасе.

– Составьте заявку, – сказал Сол. – Наловим.

По всей линии тумана стали появляться люди, звери и

птицы. Работники Попадоса приступили к активным действиям. Одних зверей отлавливали, грузили в клетки и вывозили наружу; других пугали и те убегали обратно в туман; по птицам шарахали из парализаторов.

Последние медленно садились на пол пещеры и засыпали. Каких-то засовывали в клетки, а ненужных просто хватали за ноги и варварски швыряли в завесу тумана. Людей пока было мало, но с ними тоже справлялись. В основном, пинками.

Но вот выкатилась детская коляска, и под сводами пещеры раздался крик младенца. Работники Попадоса не зевали. Двое подскочили к коляске, и один из них схватился за ручку, а у второго в руке оказалась молочная бутылка с соской. Соска была сунута в рот ребенку и крик тут же прекратился. Работники быстро укатили коляску к стальным дверям, и место освободилось для следующих гостей.

– Получается, что тоннель не один? – спросил Мбабан.

– Их много там, – ответил дед Наум. – Но все они, чередуясь, выходят сюда.

– А если слон появился из одного, может ли он попасть в другой?

– Если шагнет в ту точку, из которой вышел, окажется в прежнем тоннеле. Если побежит наискосок, может выпрыгнуть на ямайском фестивале регги. Но вряд ли он там кого-нибудь испугает. Фестиваль регги – флегматичное мероприятие. Это особенность ямайского менталитета, связан-

ная с окружающей людей флорой.

– И сколько времени держится тоннель?

– По-разному. От десяти секунд до нескольких минут. На Земле я знаю пару-тройку мест, где тоннели появляются с четкой периодичностью раз в день и держатся по часу, как в Попадосе.

– А если сейчас прямо на нас вынесет скорый поезд? – поинтересовался Джем. – Его тоже напугают воем сирены? Или обездвигают парализаторами?

– Тоннели не появляются на коммуникациях, созданных людьми, – пояснил Сол. – Я имею ввиду рельсы, асфальт, бетон и прочие искусственные материалы.

Вдруг прямо напротив них из тумана вышли два чернокожих человека. Из одежды на них были только набедренные повязки, а в руках они держали короткие деревянные копья. Оба гостя резко остановились и застыли в напряжении.

– Бушмены, – сообщил дед Наум. – Жители африканской саванны.

Бушмены медленно, не отрывая глаз от группы курсантов, синхронно шагнули назад и скрылись в серебристой пелене.

– Догадливые ребята! – констатировал Мбабан.

– Почему вы не идете за ними? – спросил Джем у деда Наума.

– А что ему с чемоданом в саванне делать? – ответил за деда Сол. – В пижаме на деревьях от львов прятаться? Леопарды все равно достанут. Он подождет выходцев из более

благополучной местности. Саванна если кому и подойдет, то только Мбабану.

– Спасибо, я уже там был, – сказал Мбабан. – Больше не надо.

В этот момент из тумана, тархтя, выехал трактор, груженный ящиками с помидорами. Курсанты напряглись, так как трактор пер прямо на них, но тракторист резко нажал на тормоз и машина остановилась. В кабине, удивленно хлопая ресницами, сидел пожилой человек восточной внешности.

– Судя по номерным знакам – перед нами турецкий фермер, – заметил Сол. – Дед, тебе в Турцию не надо?

Наум, отрицательно мотнув бородой, ответил:

– Мне нужно во Францию. Потребовалась информация о последних показах кутюрье. Ты же знаешь наш гдейский бо-монд. Любят держать руки на пульсе моды. Да старушка моя кое-что заказала. Придется пройтись по бутикам. А что я в Турции найду? Помидоры и джинсы в виде шаровар? Хорошо, если на курдскую мину не нарвешься...

Тем временем к трактору подскочили двое работников Попадоса в синей униформе. Один из них бесцеремонно вытащил из кабины турка и затолкал его в туман, а второй влез за руль трактора и отъехал на нем подальше от завесы. Во время движения трое курсантов из Заогао подбежали к низкому борту трактора, схватили по помидору каждый и принялись их жадно поедать.

– Они что, не завтракали? – спросил Сол у деда Наума.

– Съедают по две порции, – сообщил тот. – Видимо, детство у них тяжелое было.

И здесь из тумана вышла парочка молодых людей. Девушка была очень хороша собой, а парень – как парень. Оба выглядели светски, потому что юноша был одет в костюм клерка, а девушка носила мини-юбку и туфли с высокими каблуками-шпильками. Пройдя по инерции несколько шагов, они остановились и произнесли хором по-французски:

– Где я?

– О! – воскликнул дед Наум. – Мой вагон прибыл.

Он схватился за ручку чемодана и быстро пошел в сторону парочки.

Работники Попадоса тоже не дремали. Они подскочили к несчастным землянам и быстро отодвинули парня от девушки. Юношу с силой впахнули в туман, а юную красавицу подхватили под руки и поволокли внутрь пещеры.

Дед Наум шагнул в завесу вслед за парнем и его чемодан на колесиках скрылся последним. Девушка, повиснув на руках работников, пыталась вырваться, но те держали ее крепко. Тогда она крикнула угрожающе:

– Я вызову полицию Квебека!

Опытные работники, посмеиваясь, проволокли ее мимо группы курсантов и скрылись в глубине пещеры.

– Ха-ха-ха! – громко рассмеялся Сол. – Квебек находится в Канаде. Дед Наум сел не в ту электричку! Ну, ничего. Доберется как-нибудь.

Из глубины пещеры, удаляясь, звучали крики несчастной девушки и Джем, не выдержав, спросил:

– Что с ней собираются делать?

– Ничего плохого, – ухмыльнулся Сол. – Она пройдет через программу адаптации и получит гдейское гражданство. А потом выйдет замуж и будет жить долго и счастливо.

– Вы же не оставляете взрослых!

– К прекрасным девушкам это не относится. Ведь ты, Джем, наверняка заметил, что мы, гдейцы, в большинстве своем симпатичны? Это потому, что у нас серьезное отношение к своему генофонду, который все время требует прилива свежей крови.

– А если эта девушка не еврейка?

Сол опять рассмеялся и ответил:

– Мы не настолько ортодоксальны, как наши земные соплеменники. Для нас главное – красота и здоровье. Если девушка красива – ей здесь самое место.

– Но ведь они с парнем, возможно, любили друг друга! – не сдавался Джем. – И вы насильно разлучили их!

– Ничего страшного. Они оба молоды. Налюбятся еще – до смерти. По отдельности.

– Хорошо вы тут устроились! – зло сказал Джем.

Он немного помолчал и вдруг спросил:

– Интересно, каково сейчас деду Науму?

– А-а, – пренебрежительно махнул рукой Сол. – Подумаешь, континентом промазал. Такое бывает. Земные деньги у

него есть, прилетит во Францию самолетом...

– Я не про это, – мстительно перебил Джем. – Я про парня, которого вышвырнули обратно за секунду до деда Наума. Он молодой, крепкий... Юноша обязательно поинтересуется у прибывшего вслед за ним деда, где его возлюбленная.

– Я бы, например, минут двадцать интересовался, – вставил Мбабан. – А то и побольше!

– Да-а-а? – удивился Сол, задумываясь.

Но его размышления прервались появлением нового землянина. Из тумана вывалился толстый пузатый человек с длинными вислыми усами. Куртка его была расстегнута до пупка, а в одной из рук находилась наполовину опорожненная литровая бутылка виски. Мужчина остановился, икнул, и, упершись глазами в Сола, поинтересовался хриплым басом:

– Дэ я?

К нему подскочили двое работников Попадоса, взяли за руки и попытались развернуть лицом к туману, но толстяк, вырвавшись, спросил:

– Цэ Евросоюз? Я тильки з литаку́. Пийшов до ветру, и вот: – он обвел пещеру жестом свободной от бутылки руки.

– Да, Евросоюз! – ответил ему один из работников и тут же двинул кулаком в живот.

Толстяк от боли согнулся пополам. Работники быстро развернули мужчину головой в сторону тумана и разом выдали в его обширный зад коллективный пинок, от которого тол-

стяк влетел в серебристую пелену с достаточно серьезным ускорением.

– Что это за язык? – удивился Джем. – Вроде по-русски, но как-то не так.

– Он говорил по-украински, – пояснил Сол. – Украинский язык – это балаганно-ярмарочный диалект русского...

И здесь случилась неожиданность, которая удивила даже опытных работников Попадоса. Украинец появился снова! Только теперь он имел воинственный вид, потому что размахивал бутылкой, которая была уже почему-то пустой.

– Вот это специалист! – потрясенно воскликнул Мбабан. – Умудриться на ходу высосать пол литра виски за несколько секунд! Натуральный профессионал!

– Що цэ таке?! – заорал украинец. – Мэни трэба в Евро-союз! У мэна шенгэньска виза е!

Двое работников опять принялись за дело. Они попытались схватить толстяка за руки, но тот оказался проворнее и одному из нападавших врезал бутылкой по голове, а второму двинул ногой в пах. Оба свалились на каменный пол и стали корчиться от боли.

– Ну-ка, поможем! – крикнул Сол, не растерявшись.

Он понесся в сторону украинца, и группа курсантов рванула за ним. Вторым бежал Мбабан, а третьим Джем.

Увидев несущуюся к нему толпу, толстяк в первую очередь обратил свое внимание на чернокожего Мбабана.

– Що за беспредел? – крикнул он. – Та ще з нэграми!

Сол, не вступая в глупый разговор, слету ударил украинца кулаком в лицо. Толстяк пошатнулся, бутылка вывалилась у него из руки, а из носа хлынула кровь. Курсанты, навалившись разом, в две секунды затолкали нарушителя спокойствия в туман, и последний пропал, оставив в воздухе лишь хриплый вопль:

– Цэ не Европа, а який-то Зимбабве!

Не разбившаяся почему-то бутылка, звеня, катилась по каменному полу пещеры, а курсанты, отдуваясь, стояли возле самой серебристой пелены.

– Как мы его, а?! – гордо крикнул Гыаутууз. – Однако в два счета!

– Везучим оказался, – задумчиво сказал Сол. – Дважды попасть за один сеанс связи – редкость. Жаль, что не ребенок...

Джем, почти прикасаясь плечом к серебристому сиянию, чувствовал исходящую от него прохладу. И вдруг его неудержимо потянуло в сторону тумана. Потянуло так, как засасывает пропасть, когда заглядываешь в нее, опустив глаза вниз. Джем, пытаясь сохранить равновесие, покачнулся, и тут же кто-то невидимый нежно схватился за его левое плечо. Он попытался отодвинуться вправо, но было уже поздно.

Джем посмотрел вниз и увидел, как живая струя тумана быстро опутала его ноги и принялась подниматься вверх, лишая тело подвижности. Он попытался крикнуть, но что-то сдавило горло, и свет померк в его глазах. Он моргнул и уви-

дел перед собой только серебристую пелену.

И вдруг какая-то неведомая сила дернула все его естество. Джем не понял, в какую сторону был рывок. Ему показалось, что тело его в секунду разорвалось на тысячу частей и тут же сразу соединилось. Он зажмурился, посчитал до десяти, открыл глаза и увидел вечер.

Шар неведомого светила багряно завис у горизонта, сплошь утыканного стеблями торчавшего вверх камыша. Джем, опустив глаза ниже, увидел перед собой четверых мужчин в камуфляжной одежде, сидевших вокруг костра. Лица их были небриты, а глаза удивленно смотрели на него.

Над костром возвышалась тренога с ведром, а вокруг были разбросаны удочки, садки и прочая рыболовная чепуха. В ведре что-то булькало и одурительно-приятно пахло.

Один из мужчин, оторвав взгляд от Джема, сказал по-русски:

– Сто процентов с Сириуса.

– С чего ты взял? – недоверчиво поинтересовался его сосед справа.

– Потому что Сириус как раз в той стороне, – говоривший указал пальцем на живот Джема. – Серебристый луч, который его принес, виден только контурно. Значит, он уходит от нас под прямым углом.

Джем, оглянувшись, увидел позади себя двухметровый овал, заполненный серебристым туманом. Ему стало понятно, что сидящие у костра люди видят его только как фигуру,

обрамленную серебристым нимбом.

Джем внимательно взгляделся в овал и заметил, что тот начинает тускнеть. И здесь ему ударила в голову мысль, что если он сейчас не шагнет назад, то обратная дорога закроется навсегда!

От костра раздался голос:

– Какая разница, с Сириуса он или с Сатурна? Или еще откуда-нибудь! Гостей надо встречать правильно!

Что-то изменилось перед Джемом. Он повернул голову обратно и увидел под своим носом стеклянный граненый стакан, наполненный желтоватой жидкостью.

– Ну, давай! – услышал он команду от одного из людей, нависших над ним.

Джем взял стакан в руку.

– За братский разум! – крикнул кто-то из рыбаков.

Джем, понимая, что иначе его не отпустят, одним махом опрокинул стакан в рот.

– Наш гуманоид! – радостно провозгласил один из четверых.

Джем, проглотив вонючую жидкость, резко выдохнул и попытался набрать в легкие свежего воздуха, но вместо этого вдруг ощутил во рту воткнутую кем-то из землян папиросу, которая была предварительно зажжена и уже дымилась.

Поскольку выпитая жидкость оказалась живым огнем, раздрающим пищевод, Джем судорожно отпрыгнул назад, и это его спасло, потому что серебристая прохлада вновь охва-

тила тело, и спустя секунду он оказался опять в зале Попадоса.

Вся группа курсантов, выстроившаяся полукругом, удивленно смотрела на него.

– Ты что, побывал там? – Мбабан показал пальцем за спину Джема.

Джем попытался что-либо ответить, но вместо речи из его ноздрей вырвались две струи дыма, а рот вынужден был срочно поймать папиросу, захотевшую упасть на пол. Он нашел в себе силы сказать всего одно слово:

– Нет!

– А стакан откуда?– спросил Сол.

Джем, посмотрев вниз, увидел свою правую руку, согнутую в локте. В пальцах ее был зажат стакан.

– В России побывал, – констатировал Сол.

– Да, – перестал отпираться Джем, судорожно затягиваясь папиросой.

Вдруг глаза курсантов, стоявших полукругом, округлились, и Джем догадался, что позади него из тумана вышел кто-то новый. Он обернулся и увидел перед собой того рыбака, который ранее предложил ему выпивку.

Землянин, нисколько не удивляясь, флегматично смотрел на суету, царившую в Попадосе, а особенно на группу работников, тащивших связанного канатами носорога.

– Ну?! – крикнул ему Сол.

Землянин, очнувшись, заявил:

– Интересно у вас тут, на Сириусе.

Упершись взглядом в Джема, он сказал:

– Стакан верни, что ли. Он у нас единственный на четверых. Пластиковую посуду забыли купить как обычно, когда на рыбалку собирались...

Джем, протянув стакан, поинтересовался:

– А что вы мне в него налили?

– Спирт, конечно, – ответил землянин, забирая стакан. – Мы гостей фуфлом не угощаем.

– Спасибо, – искренне сказал Джем, чувствуя большой душевный подъем.

– Надо же, как складно по-русски говоришь, – сказал землянин. – Ну везде наши, даже на Сириусе!

Сол, которому надоел этот диалог, подошел к небритому рыбаку, толкнул его в грудь и тот канул в туман. Обернувшись, Сол крикнул:

– Ну-ка, все вон от стены! Марш к автобусу! Для вас сеанс окончен!

Группа курсантов побежала к выходу. Лишь Джем, не торопясь, вальяжно поинтересовался у Сола:

– А может Попадос отправить меня в Джаппурию прямо сейчас?

– В автобус шагом марш! – рявкнул Сол.

– Чего орешь?! – возмутился Джем. – Хочешь в морду?

– Тпру! – воскликнул Мбабан, хватая Джема за руки. – Пойдем к автобусу, дружище...

– А, Мбабáнище, это ты? – узнал друга Джем, приходя от этого факта в восторг. – Слушай, а как надо называть этих желтокожих из Заогао: заогайцы или зайцы? Кстати, знаешь, как переводится Заогао?

– Знаю, – ответил Мбабан, настойчиво увлекая Джема за собой.

– Ни черта ты не знаешь! Заогао переводится с китайского как «полный триндец»! Хорошее местечко подыскали для них гдейцы! Так может, стоит называть заогайцев триндецовцами?

– Ты только им это не говори, а то я бейсбольную биту не захватил с собой.

Идущий сзади Сол сказал, обращаясь к Мбабану:

– Завтра с утра он напьется воды. На занятия его не выпускай.

– Почему? – спросил Мбабан оборачиваясь.

– Потому что спирт – штука долгоиграющая. Хлебнул водички – и опять бухой.

А Джем было не до разговоров. Разинув как следует рот, он во всю мощь своих легких запел гимн Китайской Народной Республики на родном для этой песни языке. Мбабан, сморщившись, ускорил шаги и Джем, увлекаемый крепкой рукой папуасовца, вынужденно поскакал вприпрыжку, отчего музыкальное произведение, исполняемое им, стала звучать несколько прерывисто.

А Сол вынужден был остаться возле серебристой пелены.

Не потому, что ему было нечего делать, а по той простой причине, что туман вдруг изрыгнул из себя странно одетого человека.

Очередная жертва Попадоса вывалилась чуть левее того места, в которое ранее нырял Джем. Человек был одет в грязную рванину, пропитанную кровью. Лицо его было разбито до такой степени, что Сол сначала не понял, есть ли на этом лице нос и имеются ли там же глаза.

Кряхтя, человек уселся задницей на камень пещерного пола и сказал голосом деда Наума:

– Не поеду больше в Канаду. Пропади она пропадом!

– Врача! – крикнул Сол и бросился к деду.

Вокруг них засновали работники Попадоса, и кто-то уже бежал с носилками, но дед Наум, ругаясь черными словами, ничего не видел вокруг себя, повторяя одну и ту же странную фразу:

– Плевал я на ваш генофонд! Плевал я на ваш генофонд!..

Мбабан запихнул Джема в автобус и остался стоять у дверей, задрав голову в небо. Черная туча, поднимаясь над потухшим вулканом, уходила вверх. В автобусе возник хор, так как трое заогайцев поддержали Джема и присоединили к его баритону свои теноры. Мбабан, не обращая внимания на жуткую какофонию, льющуюся из окон автобуса, ждал Сола и наблюдал за тучей, которая ушла уже высоко и казалась маленьким черным хвостиком.

Вдруг раздался грохот, и над вершиной горы засверкали

вспышки. Следом за этим в небо поднялся столб дыма. Грузовые боты увеличили скорость и стали сновать над кратером с удвоенной энергией. Мбабан понял, что наверху произошло что-то незапланированное.

И здесь рядом с папуасовцем столкнулись два работника Попадоса. Первый спросил у второго:

– Что там в Засасосе случилось?

– Да эта дурацкая русская подлодка! Пусковые шахты им заблокировали энерголучом, а про торпедные аппараты забыли! Они взяли, и пустили торпеду в эсминец, который пуцлики разбирали. А горючее-то еще не сливали! Оно рвануло и теперь эсминец горит и собирается булькнуть на дно озера!

– Да наведите этих придурков на любой тоннель, который откроется, и пусть у себя на Земле не сдаются!

– Так следующий сеанс только завтра! Черт, хорошо, что пуцлики сразу за борт попрыгали. Вроде, не погиб никто...

Работники Попадоса разбежались по своим делам, а Мбабан, улыбнувшись, сказал сам себе:

– Сто процентов Джем русский! Хорошо, что у него здесь нет доступа к торпедным аппаратам...

ЧЕРНАЯ ТУМАННОСТЬ – СОЧИ

После хорошего обеда можно было и полежать, что Джем с Мбабаном и сделали. Растянувшись в койках, они блаженно переваривали вкусно сдобренные водкой солянку и беш-

бармак, поданные час назад гостеприимным поваром звездолета. Настроение у них было философским и потому Мбабан, ковыряя во рту зубочисткой, начал разговор.

– Интересно, почему нас не обучили цыганскому языку? – спросил он.

– Языков во вселенной – миллион минимум, – сказал лениво Джем. – Зачем учить цыганский, если и языка такого не существует в природе? Вон, на Земле куча диалектов у самих цыган, и бывает, что они сами друг друга не понимают. А почему ты вдруг заинтересовался этим вопросом?

– Хочу понять имя корабля, на котором мы летим, – ответил Мбабан. – Алмаз сказал, что он называется «Драдану́-данай́». Интересно, что бы это значило?

– Ну его к черту! – воскликнул Джем. – Он, наверное, и сам этого не знает.

– Но мне нравится его гостеприимство!

– Которое оплачивается соответствующим образом правительствами наших миров.

– Э-э-э, нет, – сказал Мбабан. – Личное отношение всегда чувствуется. Гостеприимство – хоть куда. Прямо как у русских.

– Ты опять за старое? – спросил Джем и нехотя запустил в Мбабана подушкой.

– Я сторонник логических выводов, – ответил папуасовец, бросая подушку обратно.

Джем, поймав ее в воздухе, сунул себе под голову и про-

молчал.

– Вот смотри, – не успокаивался Мбабан. – Джаппурский язык очень похож на русский. Я, например, хоть и знаю джаппурский, до сих пор не умею грамотно писать. А о русском вообще молчу! Пример хочешь?

– Давай! – махнул рукой Джем.

Разговаривали они в данный момент по-шмордонски.

– Что означает выражение «чмо нерусское?»

– Ну, крайнюю степень национализма.

– Ничего подобного, – заявил Мбабан. – Иной раз это выражение произносится в отеческой форме и может быть использовано русскими даже в отношении своих детей. Типа: не умеешь завязывать шнурки? Ах! Чмо нерусское! При чем употребляется это выражение с любовью. А вот другой случай. Прораб на стройке говорит рабочему: «Ох, и чмо же ты, Ахмед, даром, что не русское». И в джаппурском языке то же самое...

– Ха-ха-ха! – искренне рассмеялся Джем. – У нас даже слова такого нет. В дубарьском диалекте шмордонское слово «чмо» переводится как «чухан», а в сочинском – «чамора». Да, еще на Потенции говорят «чмырь». И хотя диалекты эти сильно друг от друга не отличаются, все равно между ними есть разница.

– И употребляются эти слова на всех четырех планетах. Эх, был я как-то один раз на вашей Потенции!

Мбабан заложил руки за голову и мечтательно прикрыл

глаза.

– Встретилась мне там одна девушка, – продолжил он. – Она была коричневая, как шоколадка. Я сначала подумал, что это моя соплеменница. Но она почему-то обозвала меня чернозадый чмырем, и я понял, что не вписываюсь в круг ее друзей! Ну, теперь-то я полностью осознал смысл этого выражения, а тогда...

– Век живи – век учись, – констатировал Джем.

Они летели домой. И доставлял их Алмаз Жемчужный. Джема на Сочи, а Мбабана – туда же, поскольку звездолет, на котором прибыл папуасовец, отстаивался на стоянке сочинского космопорта более восьми месяцев, и половина его экипажа уже ассимилировалась с местными жительницами. Поэтому сия половина не желала возвращаться в свой папуасовский мир. Правда, другая половина – настроенная крайне расистским образом – жила в корабле и ждала прибытия своего начальника, нисколько не поддаваясь джаппурским соблазнам.

Но разбирательство этого дела находилось в перспективе. А в данный момент Джем и Мбабан летели в межзвездном пространстве, наслаждаясь послеобеденным отдыхом, и, ожидая от светлого будущего пряников, разговаривали – о чем черт шепчет.

Инчучунцы и заогайцы остались на Гдее, поскольку прибыли туда значительно позже, а Джем с Мбабаном прошли положенный курс обучения, сдали необходимые экза-

мены, подписали пачку казуистически составленных договоров, клятв, обязательств и были отправлены по домам.

Перед отъездом они побывали в каком-то большом зале, заполненном важными людьми в строгих костюмах, и прослушали лекцию о взаимоотношении миров в галактике, из которой следовало, что самое главное во вселенной – мир. Ну, а потом дед Наум разъяснил им смысл глубокомысленных речей, которые были произнесены.

Ожидая машину, которая должна была отвезти их в космопорт, Джем с Мбабаном сидели на лавке в университетском парке и слушали деда. Наум, ужасно гундося (перегородка его сломанного носа как-то там неправильно срослась, он готовился к очередной операции и пока разговаривал несколько неправильно), спросил:

– Вот вы подписали документы?

– Да, – ответил Мбабан. – Но их было так много, а нас торопили, и потому мы их сильно не читали.

– Не имеет значения, – кивнул головой дед, почесав при этом правое ухо, перпендикулярно отставленное от черепа.

Ухо это тоже неправильно срослось, но операция по его установке на место должна была состояться после поправки носа.

– Самое главное, – продолжил дед, – вы получили внешнее гдейское гражданство!

– Внешнее? – удивился Джем.

– Да. Есть еще и внутреннее. Но вам оно не светит, потому

что вы не евреи.

– И какая между ними разница?

– Так, несущественная.

– И все же?

– Мелочи всякие, – глаза деда Наума блудливо забегали по сторонам. – У внешних граждан нет избирательных прав. И еще кое-чего... Но зато каждый внешний гражданин получает здесь вторую зарплату, зачисляемую на его личный счет. Зарплата, правда, небольшая, но за годы вашей работы на периферии накапливаются достаточно существенные суммы. Ну, а после выхода на пенсию внешние граждане могут остаться на своих планетах, а могут вернуться на Гдею, где будут жить в благоустроенных поселках, созданных специально для них.

– В гетто, – кивнул головой Джем, зловеще прищурившись.

– Нет-нет, что вы! – глаза деда Наума перестали шнырять, но так и остались блудливыми.

– Получается, что мы – люди с двойным гражданством? – спросил Мбабан. – И там и тут. Прямо шпионы какие-то...

– Ах! – пренебрежительно взмахнул рукой дед Наум. – Нет высшего блага, нежели быть гражданином Гдеи, которая управляет галактикой по праву, данному ей Хозяевами. Ваши провинциальные режимы – лишь вассально-холопские институты периферийной власти. Кроме того – не забывайте, что вы земляне!

– Как и все, живущие в нашей галактике, – сказал Джем, собирая пальцы рук в кулаки.

Ему вдруг страшно захотелось врезать деду Науму по уху, нагло торчавшему из головы. Последний каким-то задним чувством ощутил это намерение и попытался отодвинуться от Джема, но на плечо ему тяжело легла рука Мбабана, пригвоздив тем самым седалище деда к лавочке.

– Я сейчас тебе, старому хрычу, кучу денег сэкономлю! – угрожающе сообщил Джем, прицельно рассматривая торчавшее ухо.

– Не надо! – вскричал дед Наум. – Среди бумаг, подписанных вами, была присяга!

– Кому? Тебе?

– Гдее!

– Ты Гдея?

– Я ее официальный представитель!

– Заметь, мы теперь тоже!

И с этими словами Джем все-таки съездил деду по уху. Мбабан синхронно с ударом убрал руку и Наум, слетев с лавки, рухнул в кусты, растущие позади. В этот миг из-за поворота аллеи вышел Сол. Подойдя к лавочке, он поздоровался за руки с бывшими курсантами и поинтересовался:

– А где ваш наставник?

– Ежиков ловит, – ответил Мбабан, показав пальцем на куст.

Из зарослей возник дед Наум. Ухо его уже больше не тор-

чало.

– Он мне ухо сломал! – дед ткнул пальцем в Джема.

– Видеозапись есть? – поинтересовался тот. – Нет? Значит, ничего я не ломал.

– Ай-ай-ай, – покачал головой Сол, улыбаясь.

Было заметно, что он несколько не опечален новой травмой деда. Видимо, Наум был хорошо известной личностью, не заслуживающей снисхождения.

– Разве можно бить пожилых людей? – продолжил Сол. – Чему тебя в детстве родители учили?

Он посмотрел на Джема.

– Не успели меня родители ничему научить, – ответил Джем. – Как раз благодаря этой старой сволочи!

– Никуда он не полетит! – заорал Наум. – Я требую суда!

Джем молча встал с лавки и перешагнул ее.

– Спасите! – заверещал дед, делая шаг назад, поскользываясь и снова проваливаясь в куст.

– Ну-ну-ну, – успокаивающе сказал Сол. – Хватит. Машина уже приехала за вами. Пойдемте.

Под вопли и проклятия деда Наума, раздававшиеся из куста, они сели в такси и отбыли в космопорт. В машине Сол сказал:

– Зря вы так с ним. Он имеет очень большой вес в правительственных кругах. Но ладно... Не забудьте, что в своих мирах вы никому не должны говорить о Гдее и ее роли в галактике. И еще. Иногда будут приходиться распоряжения. Их

необходимо выполнять неукоснительно.

– А если мы этого не сделаем? – поинтересовался Джем.

– В первом случае окажетесь в сумасшедшем доме (кто ж вам поверит?), во втором – вас убьют.

– Кто?

– Дед Наум! – Сол сделал большие глаза и заржал как конь.

– А если серьезно? – спросил Мбабан.

– Если серьезно, – Сол перестал смеяться, – конечно, не эта старая песочница. Другие найдутся...

И вдруг по всем помещениям корабля разнесся вопль, усиленный громкоговорителями. Что он означал – Джем с Мбабаном не поняли, поскольку вопль звучал на цыганском языке, который друзья не знали, но по смысловому и эмоциональному напору сообщения они заключили, что в звездолете объявлена тревога.

Джем и Мбабан вскочили с кроватей, выбежали в коридор и пошли быстрыми шагами в сторону рубки управления. В этот раз они были привилегированными гостями, и никто не скрывал от них внутреннюю жизнь корабля. Более того – их поселили на палубе экипажа в одной каюте (они сами так захотели) и показали, где находятся узлы управления звездолетом, в числе которых была и капитанская рубка.

Звенела сирена и в коридоре мелькали члены экипажа. Они перебегали основную корабельную артерию по всяческим закоулкам и ответвлениям, занимаясь своими, нужны-

ми в данный момент, делами.

Впереди Мбабана с Джемом по главному коридору шел Топаз. Племянник капитана двигался совершенно странным образом. Тело его было согнуто вперед и казалось, будто он кому-то кланяется на ходу. Руки Топаза держали перед собой небольшой предмет, похожий на дощечку, и двигались синхронно, вертя этой дощечкой во всех направлениях. У Джема создалось впечатление, что разгульдяец управляет своими ногами, держа в руках некое рулевое колесо.

Коридор резко свернул влево, а Топаз нет. Он сходу врезался головой в стенку и грохнулся на четвереньки. Джем с Мбабаном бросились к нему, но резко остановились, поскольку поняли, что помощь разгульдяйцу не требуется. Топаз, стоя на четвереньках, упирался локтями в пол и продолжал крутить дощечку, издавая при этом сладострастные утробные звуки.

– Топаз, что с тобой? – спросил у него Джем.

– Все нормально! – ответил разгульдяец, не глядя на них и вертя руками. – На третий уровень вышел. Сейчас я эту «Феррари» сделаю! Не мешайте!

– Так тревогу объявили! – сообщил Мбабан.

– Подумаешь! – торопливо ответил Топаз. – Дядя вечно их объявляет. Сейчас доиграю и приду. Игра называется «Гонки насмерть!» Классная штука!

Джем с Мбабаном переглянулись и пошли дальше, оставив Топаза заниматься любимым делом. По пути они увидели

ли еще троих разгульдяйцев, увлеченных тем же самым, что и Топаз. Только последние трое играли не в гонки, а в стрелялки.

– Сплошное разложение и подрыв боеготовности, – заметил Мбабан на ходу. – Вот до чего планшеты доводят.

– Дело не в планшетах, – заявил Мбабан.

– А в их количестве, – добавил Джем.

Они вошли в рубку. Здесь царило социологическое явление, попросту называемое ажиотажем.

Люди экипажа бегали по рубке туда-сюда. Они клацали какими-то тумблерами, передвигали зачем-то столы и стулья, доставали и прятали в шкафы нужные и ненужные вещи. И в середине этого ажиотажа находился Алмаз Жемчужный, похожий на эпицентр торнадо, который орал направо и налево, брызгал слюной и ругался черными словами на всех языках галактики поочередно.

Джем с Мбабаном застыли в дверях, с восхищением разглядывая разыгравшееся перед ними действие.

– Жги бухгалтерию! – орал Алмаз по-шмордонски.

И кто-то уносился из рубки с горящими от желания сжечь все на свете глазами.

– Готовь инчучунские документы! – бросал следующую фразу Алмаз.

И какой-то член команды уже рылся в одном из ящичков настенного шкафа, доставая оттуда длинную пластиковую ленту, исштопанную со всех сторон печатями. Вдруг кто-то

громко всхлипнул позади Джема. Он обернулся и Мбабан сделал то же самое.

В коридоре стоял Топаз. На него было страшно смотреть! Глаза разгульдяйца выкатились, губы дрожали, а нос разбух. По щекам катились две большие слезы.

– Топазик, что с тобой?! – воскликнул Мбабан.

– Просрал, – ответил разгульдяец зауспокойным голосом. – Надо же, снова просрал! Теперь опять с нуля начинать придется...

Он захлюпал носом.

– Топаз! – раздался вопль Алмаза. – Где ты, засранец?!

Джем с Мбабаном раздвинулись, и Топаз заскочил в помещение. В эту минуту движение в рубке стихло. Видимо, экипаж сделал все необходимое.

– Что случилось? – поинтересовался Джем.

– Шмордонские боевые корабли! – ответил Алмаз.

Оказалось, после выхода из обозначенного маяками прохода разгульдяйский звездолет пролетел совсем небольшое расстояние. Неожиданно радары ожили и показали, что пустынный до этого космос вдруг наполнился металлическими объектами, устремившимися с разных сторон к кораблю.

– По очертаниям – один крейсер и три челнока, – рассказывал Алмаз. – Челноки – мелочь. А вот крейсер – беда. Вот сволочи! Болтались в пространстве с выключенными двигателями и приборами. Это натуральная засада! И где? У черта на куличках!

– Вам, Алмаз, нельзя попадать в руки шмордонцев, – сказал Джем. – Император Шмор питает к вам известные чувства. Надо уходить на самой большой скорости.

– Не получится, – ответил разгульдяец. – Мы уже окружены. Но, ничего страшного.

– Как это так? – удивился Джем. – Наверняка Шмор разослал по всем своим кораблям описание вашей внешности и описание вашего звездолета.

– Ха! – оскалился Алмаз. – Звездолетов подобного типа в галактике – до черта и больше. А я теперь не разгульдяец, а инчучунец. И зовут меня – Апач Сиу, вон, документы подтвердят. А на рожу свою я сейчас приклею бороду с усами...

– И серьгу не забудьте снять.

– Да, спасибо, что напомнили... А вот вас обоих в списках команды нет. И вы, Джем, известны в Шмордоне поболее меня. Наверняка ваше лицо мелькало в шморовизорах. Что джаппурский посол делает в инчучунском звездолете, да еще в странном секторе галактики? Эти вопросы совершенно не нужны ни вам, ни мне. Да и чернокожего Мбабана надо спрятать вместе с вами. От греха подальше, а то он сильно отличается от моего экипажа. Только куда? Эти шмордонцы – хуже ищеек. Везде своими носами пролезут. Взяли моду досматривать всех подряд даже в нейтральном космосе...

– Я знаю, дядя! – воскликнул Топаз.

– Ну?!

– В кузовах джамовозов первой комплектации!

– Молодец! – Алмаз возбужденно потер руки.

– Куда-куда? – удивленно поинтересовался Джем.

– Мы на Хламилле у пуцликов загрузились джамобилиями и джамовозами, – пояснил Алмаз. – Но часть из них – кузова первой комплектации. Это та же машина, только без двигателя.

– Кому такие нужны?

– Джаппурским пижонам, которые гоняют по дорогам и разбивают машины в хлам. Как правило – двигатели остаются целыми. А зачем покупать новый джамовоз взамен разбитого, если можно приобрести кузов первой комплектации, ведь он стоит дешевле? Вставляешь в него старый двигатель и носишься дальше. У джамовозов огромные багажники. Залезете туда, а Топазик вас закроет...

– Нет, – Джем отрицательно помотал головой. – Находиться в багажнике – дурной тон. Джаппурская народная мудрость.

– Ну, не хотите в багажник, лезьте в моторный отсек! – заорал Алмаз. – Ишь, какие щепетильные! Хорош трепаться! Времени нет! Мне еще бороду с усами приклеивать...

И здесь в подтверждение его словам радиопередатчик разразился звуками. Хриплый бас грозно произнес:

– Внимание! Говорит капитан шмордонского крейсера «Натиск» граф Бумббн. Капитан разгульдяйского звездолета, немедленно выключить двигатели и лечь в дрейф! Время на исполнение пять минут. При невыполнении приказа на

шестой минуте вы будете атакованы!

Алмаз, выругавшись, подбежал к рации и вежливым голосом произнес в звукоприемник:

– По какому праву вы задерживаете мирный корабль в нейтральном пространстве?

– Мы не задерживаем, – прозвучал ответ. – Это беспокойный сектор, а флот Шмордонской империи – гарант мира. Потому мы просто досмотрим вас.

– И? – вкрадчиво осведомился Алмаз.

– В зависимости от результатов досмотра, – донеслось из рации.

– А конкретнее?

– Гы-ы, пожалуйста, – ржанул капитан Бумбон. – Конкретнее – до атаки осталось четыре минуты.

– Срочно выключить двигатели! – рявкнул Алмаз по внутреннему переговорному устройству.

Он тут же обернулся к Джем с Мбабаном и, уже не сдерживаясь, заорал:

– Чего стоите?! Марш по капотам! Топаз! Если не удастся этих двоих запихнуть живыми, пристрели их и запихни мертвыми!

– Есть! – гаркнул Топаз почему-то радостным голосом.

Джем с Мбабаном переглянулись, развернулись и наперегонки понеслись в сторону грузового яруса. Топаз припустил за ними следом.

Через час усато-бородатый инчучунский торговец Апач

Сиу в кают-компании угощал коньяком начальника досмотровой команды лейтенанта дона Жлобса. В коридорах звездолета грохали каблуки шмордонских солдат, а инчучунец неторопливо рассказывал лейтенанту:

– Загрузился я джамобилиями на Слякоти, значит, и решил залететь сюда. Вдруг удастся здесь продать товар за хорошую цену...

– То есть, там имеются обитаемые планеты? – интересовался дон Жлобс.

– Этого никто не знает! – восклицал Апач.

– А спутники в проходах откуда?

– Как это откуда? Кто у нас в галактике коммуникационные спутники запускает? Крокозябл-старший, естественно. Вот у него и спрашивайте... Короче, мы залетели в самую глубину. Там какой-то серый туман и больше ничего нет. Ну, покрутились, никого не нашли и решили вернуться обратно. Эх, зря слетали! Придется теперь цену на джамобилии накрутить, чтобы горючее оправдать.

Дон Жлобс, засосавший уже шестую рюмку хорошего коньяка, чувствовал себя прекрасно и потому верил инчучунцу.

– Ну, документы у вас в порядке, – сказал он. – Что ж, летите дальше, только пошлину оплатите.

– Какую пошлину? – брови Апача задрались так высоко, что чуть не отлетели приклеенные усы.

– За транзитный пролет через территорию Шмордона, –

лейтенант налил себе еще рюмочку.

– И-и-и... где она, эта территория?

– Территория империи везде, где находится ее флот, – пояснил дон Жлобс и залихватски засадил в рот седьмую порцию.

Закусив коньяк карамельной конфетой из вазочки, стоявшей на краю стола, лейтенант поднялся на ноги и, хрустя зубами, сообщил:

– Ну, господин Сиупач...

– Апач Сиу.

– Да-да, именно он. У нас нет к вам претензий. Можете продолжать полет. Только опять-таки, про пошлину не забудьте.

– Кому ее оплатить? – похоронным голосом спросил Апач.

– Мне, – сказал дон Жлобс, подмигнув зачем-то.

Через пять минут пошлина была оплачена и засунута в емкие карманы галифе лейтенанта. Последний уже было собрался покинуть кают-компанию, но вдруг в коридоре возник какой-то шум, двери распахнулись и в комнату ввалились Джем с Мбабаном, сопровождаемые солдатами. Дон Жлобс удивленно распахнул глаза, а инчучунец Сиу стал бледнее серой корабельной переборки.

– Разрешите доложить, господин лейтенант?! – рявкнул один из солдат.

– Докладывайте, – ответил дон Жлобс и уперся нехоро-

шим взглядом в Джема.

Лейтенант, ощущая приятную полноту карманов, совсем не хотел осложнений, но его мозг не дремал, и потому в облике Джема ему почудилось что-то подозрительное.

– На грузовой палубе нами были обнаружены сто двадцать два джамобилиа и шестнадцать джамовозов. При досмотре в моторных отсеках джамовозов найдены вот эти двое.

– Где-где? – сильно удивился дон Жлобс.

– Ну, в месте, где должен быть двигатель.

– А где же сами двигатели?

– Нет их там, господин лейтенант! Эти двое – вместо них!

Лейтенант посмотрел на Апача Сиу. Тот уже не был инчучунцем. Даже разгульдяйцем, знающим ответы на все вопросы, он тоже не был. Он был бледной тенью смерти, которая сама не знала, как выжить в данной ситуации.

Дон Жлобс, утрамбовывая поглубже пошлину в карманах, перевел взгляд на Джема. Тот придурковато улыбался, поскольку не знал, что в этой ситуации нужно делать. Зато Мбабан знал!

Кашлянув для приличия, он, обратив на себя внимание дона Жлобса, сказал:

– А мы и есть двигатели.

– Не понял! – произнес лейтенант.

Все присутствующие, включая солдат, посмотрели на папуасовца.

– Ну что тут непонятного? – продолжил он. – Мы есть

составляющая часть джамобилей. То есть – двигатели. Мы, понимаете ли, двигаем джамобили.

– Чем? – обалдело поинтересовался лейтенант.

– Ногами, – ответил Мбабан. – Там специальные педали есть. А то, что я черный, а он белый, – Мбабан указал пальцем на Джема, – всего лишь разница в топливе. Он заправляется белой водкой, а я черным негролом.

– Что-то я раньше не слышал о подобных двигателях, – задумчиво сообщил лейтенант, продолжая рассматривать Джема.

– Видите ли, дон Жлобс, – Апач Сиу воспрянул духом, – это экспериментальная джаппурская разработка. Так сказать – экологически чистый транспорт...

– Дон Жлобс? – не смог удержаться от вопроса Джем.

Он вспомнил найденную Кебабом книжку в одном из шкафов джаппурского посольства в Шморе.

– Да, – ответил лейтенант. – Мы знакомы?

– Не о ваших ли бордельных похождениях некоей Донной Строч написан роман?

– Жлобсы – древний и многочисленный род, – ответил лейтенант, и глаза его вдруг шелкнули узнаванием. – Лично обо мне никто никаких романов не писал. А вот о вас, господин джаппурский посол Джем Баламут, в свое время писали все шмордонские газеты. Каким образом вы оказались в этом звездолете? Да еще в области Черной туманности?

Лицо Апача Сиу стало темнее тучи.

– О, – бодро ответил Джем. – Это раньше я был посллом. Но меня уволили за просчеты в работе, и теперь я зарабатываю на кусок хлеба в роли двигателя.

– Как такое возможно?

– Вот у вас, например, Центральную площадь Шморы метет дворник. Раньше он был маркизом Шухером, а теперь – просто Шухер. Дворник Шухер. Так и я.

– Гм, – задумался дон Жлобс.

– Господин лейтенант, – деликатно взял его за руку Апач. – Знаете ли, мне кажется, что я немного ошибся при оплате пошлины. В существенно меньшую сторону. Пройдем-ка в мою каюту, я исправлю свою ошибку.

– Да? – радостно удивился дон Жлобс. – Пойдемте-пойдемте...

Когда звездолет на максимально возможной скорости удирал с места досмотра, Апач Сиу, вновь превратившийся в Алмаза Жемчужного, с облегчением поднял рюмку коньяка и заявил:

– Ну, прорвались, черт вас возьми!

– А вы, Алмаз, тоже проходили курс обучения на Гдее? – спросил Джем, выпив рюмку.

– Куда уж нам, цыганам! – воскликнул Алмаз, смачно закусывая соленым огурцом. – Нас туда пускают только перевозчиками.

– Откуда тогда в вашем лексиконе взялись такие слова, как «Апач» и «Сиу»? Ведь это названия земных индейских

племен Северной Америки!

– По наитию, мой друг, по наитию, – ответил Алмаз, прищуриваясь, и наливая еще по одной...

Разгульдяйский звездолет произвел посадку в космопорту города Джяна на планете Сочи. У трапа их уже ждали. Там стоял шморовоз, рядом с которым застыл какой-то военный, одетый в пятнистую форму и большую фуражку с глянцевым козырьком. Мбабан и Джем тепло попрощались с Алмазом и спустились вниз.

Они поставили свои чемоданы на бетон площадки и Джем, взглянув на военного внимательно, тут же узнал в нем умельца, специализировавшегося в деле усыпления противников эфиром.

– Поручик Обер? – поинтересовался он.

– Капитан Обер, – ответил военный без улыбки.

– Как быстро растут по службе военные Джаппурии! – воскликнул Джем.

– Стараемся, – невозмутимо сообщил Обер.

Джем, окинув его фигуру взглядом, заметил утолщение галифе капитана в районе правого кармана.

– И баночка с собой? – поинтересовался Джем.

– А как же! – довольным голосом сказал военный и нехорошо ощерился.

Джему сильно захотелось стукнуть Обера кулаком в нос, но он сдержал свой порыв, решив сначала узнать, что приго-

товила ему судьба в этот раз. Потому он подошел к шморовозу, открыл заднюю правую дверь и сказал Мбабану:

– Грузимся!

– Шморовоз подан господину Мбабану, так как его звездолет стоит на самом краю посадочной площадки, – сказал Обер. – А мы с вами прогуляемся пешком.

И капитан указал рукой на здание космопорта, находившееся всего в двухстах шагах от них.

Джем, выругавшись, обратился к Мбабану:

– Ну, ничего. Обещаю, что как только я стану Премьер-министром, сразу же прилечу на Папуасу с дружественным визитом.

– Буду ждать, дружище! – с чувством воскликнул Мбабан.

Они обнялись на прощание, папуасовец сел в шморовоз и укатил. Джем, недобро взглянув на Обера, сказал:

– Ведите, капитан.

В голове его вдруг забрезжила надежда, заключавшаяся в возможности при подходящем случае отпустить Оберу хорошего пинка. Но не на того он напал!

– Приказано сопроводить вас, взяв под охрану, – заявил капитан. – Потому идите впереди меня. А где находится кабинет начальника космопорта – вы и так знаете.

Джем, разочарованно сплюнув под ноги, пошел в указанном ему направлении, и Обер затопал вслед за ним.

В кабинете кроме Морса никого не было, что сильно удивило Джема. Премьер-министр расположился за столом и

изучал какой-то государственный документ. Джем уселся на стул, заботливо приготовленный для него и, решив держать-ся нагло, произнес:

– Добрый день, господин гражданин.

– Не понял, – Морс оторвал глаза от документа и с удивлением взглянул на Джема. – Кто-кто?

– Господин гражданин, – повторил Джем.

– Я вижу, вы учились плохо, – сказал Морс. – В Джаппурии монархия и никаких граждан здесь быть не может.

– Вот-вот, – кивнул головой Джем. – А вы тогда кто, поданный королевы Беллы или внешний гражданин Гдеи?

– И тот и этот, впрочем – как и вы, – перестал удивляться Премьер-министр. – Но гражданство Гдеи – простая формальность...

– Ой ли?

– А даже если и не формальность, а даже если и не простая – никуда от этого не денешься. Вы, наверняка, сами все поняли. Мы для гдейцев – замок, некий форпост, охраняющий их. И они заинтересованы, чтобы форпост этот был мощным и стабильным. А возможностей для поддержания нас в таком состоянии у них хватит.

– Раз это так, объясните мне, пожалуйста, одну вещь.

– Да-да, – с готовностью согласился Морс.

– Почему спасение Джаппурии от Шмордона вы доверили (и не один раз) кучке каких-то каторжников? Почему гдейцы не помогли своими знаниями, технологиями, ну и всем

тем, чем они могли бы реально помочь? Зачем было ломать головы над какими-то смешными планами, если ключ к спасению всегда лежал рядом?

– Видите ли, – Морс задумчиво постучал пальцами по столу, – они никогда не вмешиваются во внутренние дела галактики. Я не знаю, почему. Скорее всего, им это делать запрещено.

– А управлять планетами посредством людей, подготовленных ими – не вмешательство во внутренние дела?

– Нет, конечно, – это просто высококвалифицированная гуманитарная помощь.

– Мы с вами разговариваем на разных языках, – Джем положил ногу на ногу и обхватил колено руками. – А знаете, каков будет мой первый указ в должности Премьер-министра?

– Интересно послушать, – сказал Морс, и глаза его загорелись веселым блеском.

– Уволить капитана Обера из армии и назначить его ветеринаром-анестезиологом в цирк города Джяна. Пусть слону Фантику гнилые зубы монтировкой удаляет. Тот ему только спасибо за это скажет.

– И зря, – хмыкнул Морс. – Обер – хороший и перспективный офицер.

– Ладно, – сказал Джем. – Я устал за время полета. Давайте побыстрее выполним все формальности. Что вы там должны мне передать? Печать, ключи от сейфов?

– Ничего я вам не должен, – заявил Премьер-министр. – С

чего вы взяли, что займете мою должность? Я уже поправил свое здоровье и чувствую себя прекрасно. Потому отправляйтесь в отпуск. Королева родила сына, назвала его Кексом и ждет вас. Кекс, сын Джема – чудесное сочетание! Отдыхайте месяц, а потом займете свое посольское место в Шмордоне.

Джем, тяжело вздохнув, поинтересовался:

– Ну почему обязательно в Шмордоне? Почему, например, не в Папуасе?

– А что там делать? – поинтересовался Морс. – Король Аддис-Абеб Третий – мой лучший друг. Мы с ним, если хотите знать, вместе проходили обучение на Гдее... А с Шмордоном у нас опять напряженные отношения. Император Шмор сильно обижен. Он женился и приглашал на свадьбу королеву и меня. Королева не полетела, сославшись на беременность, а я не отправился туда потому, что лечился от истощения.

– И никто от Джаппурии не полетел?

– Я отправил туда Отжима, но Шмор посчитал это оскорблением. Не пойму, почему? Чтоплохолежим – очень перспективный офицер...

– У вас все мерзавцы – перспективные офицеры, – с раздражением заявил Джем. – А расхлебывать теперь мне. Как, по-вашему, я буду теперь в глаза императору смотреть?

– Как хотите, так и смотрите, – сказал Морс. – Но хорошие отношения наладьте.

Джем, встав со стула, произнес:

– Знаете, кто вы, Морс?

– Не надо вслух, – попросил Премьер-министр.

– Еще как надо. Вы козел!

– Я вас посажу за оскорбление!

– Не посадите. Мы с вами теперь ровня. Вы премьер-министр настоящий, а я – будущий.

– Да с чего вы взяли, что станете Премьер-министром?! – закричал Морс. – Вам уже тридцать с лишним лет! А это значит, что пора готовить замену не только мне, но и вам! И это уже сделано! Пока вы проходили обучение, сюда был доставлен мальчик пяти лет! Он находится в надежном месте! Я уж постараюсь сделать так, чтобы вы просвистели мимо моей должности, как фанера над Шмордоном, и должность эту занял мальчик, когда достигнет совершеннолетия! И это не только моя прихоть! Вы зачем набили лицо деду Науму?! Пришла специальная радиограмма о ваших бесчинствах!

– Я ему лицо не бил, – мрачно сказал Джем. – Я ему только ухо поправил.

– Да какая, к черту, разница! – махнул рукой Морс, успокаиваясь. – Знаю я этого деда Наума. Еще по молодости. Если кто и козел, то не я, а он. Но из-за ваших художеств пришло пожелание отнестись к вам с осторожностью и пока в преемники не определять. Потому идите к своему сыну и нянькайте его в свое удовольствие...

Джем, повернувшись к Морсу спиной, устало побрел к

двери, но вдруг остановился, обернулся и спросил:

– А что мне сказать королеве? Ведь она спросит, где я был?

– Скажете, что находились в секретной базе на Холодильнике. Да, там каким-то образом пришло от вас письмо, и оно попало в руки королеве. В нем упоминается Мбабан. Так что можете и его вставить в то вранье, которое ей преподнесете.

– Я расскажу правду.

– И будете дураком. Место, которое занимает королева Джаппурии в существующем порядке вещей, называется просто – полное ничто. Каково ей будет это узнать?

Джем, разозлившись, выскочил из кабинета и так хлопнул дверью, что у Морса с носа упали на стол очки. В коридоре стоял Обер. Джем сходу рывкнул нечеловеческим голосом:

– Равняйся! Смирно!

Капитан от ошаления мгновенно подтянулся и выполнил обе команды. У Джема моментально отлегло от сердца.

– Вольно, – сказал он и мило улыбнулся.

Обер, поняв, что его надули самым скотским образом, мстительно прищурился глазами и ничего не сказал. И здесь Джему пришла в голову одна восхитительная мысль. Он подошел к своему чемодану, который оставлял в коридоре перед разговором с Морсом, расстегнул в нем боковой карман и достал оттуда планшет, одетый в красивый чехол крокодиловой кожи.

Планшеты подарил Джему и Мбабану Изя Джапаридзе,

грузинский еврей, попавший на Гдею в четырнадцатилетнем возрасте и оставшийся там благодаря своему не по годам развитому интеллекту и редкой прытливости. Этот Изя был среди других студентов белой вороной и потому быстро сошелся с джаппурцем и папуасовцем. Он накачал в подаренные планшеты разных земных и гдейских игр и даже создал новую стрелялку, адаптированную к периферийной действительности. Называлась она «Шмордонские войны» и была достаточно динамичной и правдоподобной игрой.

Вообще-то, Джем вез планшет Нелле, но как только он увидел, что творилось в разгульдяйском звездолете, его одолели большие сомнения. После встречи с шмордонскими кораблями Алмаз Жемчужный обнаружил, что треть его экипажа даже не заметила этой самой встречи и произошедшего досмотра корабля. Эта треть занималась стрелялками, спрятавшись в самых темных углах звездолета. Алмаз выстроил весь экипаж, отобрал планшеты и выбросил их в открытый космос. Что потом было!

Часть экипажа взбунтовалась, хотя такое никогда не случалось на разгульдяйских кораблях. Даже Топаз заперся в своей каюте и рыдал там как младенец! Джемму с Мбабаном пришлось кулаками помогать Алмазу гасить бунт. Теперь Джемму совсем не хотелось отдавать этот гадкий планшет Нелле. Но зато он знал, кому его можно подарить!

Снова зайдя в кабинет, он подошел к столу и протянул планшет удивленному Морсу.

– Знаете ли, Морс, – сказал он, – все наши с вами разногласия – просто рабочая обстановка. А так, по-человечески, почему бы не делать иногда что-либо друг для друга приятное? Вот, возьмите.

– Что это? – спросил Морс, преисполнившись подозрением.

– Планшет, – ответил Джем, вытаскивая подарок из чехла и включая его. – Вообще-то данный прибор является коммуникатором. Типа: шморофон, видеофон и почта сразу в одной коробке. Но для коммуникации нужна специальная радиосеть. Она есть на Земле и Гдее, а у нас нет, но гдейцы говорят, что скоро будет. Ну, а пока планшет – печатная машинка и копилка для разных игр...

– Я не азартен, – твердо сказал Морс, с интересом наблюдая за пальцами Джима, скользящими по экрану.

– Здесь вы ничего не проиграете, потому что не надо никаких денег.

Джем включил игру «Шмордонские войны».

– Вот, видите? – говорил он, показывая, куда надо нажимать. – Это шмордонский крейсер «Слава». Вы проникаете внутрь как джаппурский бото-десантник, идете по коридору, у вас лучевой пистолет. Вот выскакивает шмордонец! Бац! Готов! У вас еще девятнадцать выстрелов и десять жизней...

– Десять?! – возбужденно вскричал Морс. – Не может быть!

– Да. А даже если и проиграете, можно начать игру снова.

А если выиграете – перейдете на следующий уровень. Там игра идет быстрее, и появляются новые противники.

– Какие? – спросил Морс, перехватывая планшет из рук Джема.

– Ну, шмороглоты всякие, бормочмыри...

– Их же не бывает в природе! – Морс судорожно бегал пальцами по экрану.

– В природе не бывает, а здесь – сколько угодно. А на седьмом уровне появляется самое страшное шмордонское чудовище – лорд Пендролл...

– Умгу, – сказал Премьер-министр, увлеченный игрой.

Джем тихо вышел в коридор и осторожно закрыл за собой дверь. Он хотел было опять подшутить над капитаном, но в этот раз Обер был готов. Он, прислонившись спиной к стенке, держал в одной руке банку с эфиром, а другой поглаживал ее, как родное дитя. Лицо его было ехидным и глаза смотрели вызывающе. Но Джем, в свое время набравшийся в Шмордоне положительного военного опыта, не сдался.

– Как стойте?! – рявкнул он. – Вы что, в свинарнике?!

Может, Обер и не хотел, но тело его, повинувшись уставной привычке, резко отпрянуло от стены и выпрямилось, а пластиковая банка, вывалившись из руки, шлепнулась на пол и запрыгала по нему, как мячик. Глаза капитана оловянно распахнулись, а губы непроизвольно вытянулись в придурковато-приторную линию.

Джем, панибратски подмигнув капитану, направился к

выходу из здания космопорта, напевая себе под нос какую-то простенькую мелодию...

Выйдя на площадь, он огляделся и присвистнул от неожиданности. По периметру площади были вкопаны стойки, на которых держались огромные плакаты. Джем прочитал следующую информацию: «Болтун – находка для шмордонца!», «Оглянись – враг подслушивает!», «Шпионы никогда не спят!»

Удивляясь переменам, Джем поймал такси и отправился в Летний Дворец.

Белла кормила малыша грудью и потому не могла бывать на пляже, но Джем с принцессой раз в день приезжали купаться.

Сидя на берегу, он смотрел, как свистоны играют в воде мячом с Неллой. Рядом с ним валялся Кебаб, который вертел в руках кубик Рубика и, матерясь, пытался его собрать, но у него ничего не получалось.

«Фигня, – подумал Джем. – Как только он догонит собрать этот, я предложу ему зеркальный кубик, у которого все грани торчат в разные стороны, как пластины у бронтозавра. Вот Кебаб повеселится!»

Свистоны, игравшие в мяч с Неллой, были невообразимо живописны, потому что сверкали всеми цветами радуги. Оказалось, последователи Джоса Суперзвездоса наконец осознали, что со свистонами им не справиться, пока они вы-

ступают в паре. Тогда святых отцов просто подкараулили поодиночке и насовали им – от всей души. Теперь свистоны, сверкая набитыми рожами, ходили только парой и, по слухам, жили вместе, вот только в каком из храмов – неизвестно. Зато суперзвездосовцы, завидев их издали, разбежались в разные стороны как суслики перед землетрясением, потому что в арсенале святых отцов появились сумки с булжниками, существенно увеличившими зону поражения вокруг них.

Кебаб, отложив кубик в сторону, уселся на пятую точку и задумался. Джем знал, о чем он думает, потому что сообщил ему все.

– А Белле ты сказал правду? – вдруг спросил Кебаб.

– Нет, – с отвращением произнес Джем. – Я ей наврал.

– То есть – ты отнес ее к людям второго сорта.

– В смысле? – не понял его Джем.

– Ну, ты же сам говорил, что людям первого сорта нужно знать все, а второго – лучше ничего не знать.

– Ах, ты об этом! – с облегчением произнес Джем. – Ты меня не понял. Когда я решал, стоит ли тебе рассказывать об истинном положении дел, то пришел к выводу, что не рассказать – поставить тебя в ряд людей второго сорта...

– Почему же ты тогда не рассказал Белле?

– Потому что она ни к первому сорту не относится, ни ко второму! – сказал Джем спокойно. – Она существо высшего порядка. Небожитель, если сказать точнее. И даже не пото-

му, что королева, а по той причине, что является любимой женщиной. Вот пусть и продолжает быть той же. Пускай не касаются ее эти грязные дела! А мы уж как-нибудь без нее разберемся...

– Слушай! – вдруг оживился Кебаб. – А куда девается золото с Тринадцатой планеты, которое мы нашли?

– Н-не знаю, – запнулся Джем. – Мне про него ничего не рассказывали.

– Вот-вот! – воскликнул Кебаб. – Ты же помнишь, сколько его там?! И где оно? Никто лучше жить не стал! Выходит, оно отправляется на Гдею!

– Да ладно! – не поверил Джем.

– Точно тебе говорю! – воскликнул Кебаб. – Продали Джаппурию! Вот сволочи! Давай, мы сделаем тебя неограниченным монархом? Будешь Джемом Первым Великим! А я стану Главным министром. Вот уж наведу порядок. Как насчет государственного переворота? Построим новое государство!

– Я тебе устрою переворот! – прозвучал вдруг сверху знакомый голос.

Это был Пахан Родимый в сопровождении двух мордастых полицейских. Он снял шорты, отдал одному из своих подчиненных золотой пистолет и уселся на песок рядом с Джемом.

– Строитель нашелся, – продолжил Пахан, неодобрительно глядя на Кебаба. – Вон, жену свою построить не можешь,

а туда же, в переворотчики. Легко ломать то, что не делал сам, потому что дурацкое дело не хитрое. А создавать всегда очень тяжело, и времени порой требуется для этого не одно столетие.

Усы его были уже ничего себе, но не достигли еще пока прежних размеров.

– Что случилось с вашими усами? – поинтересовался Джем.

– Ах, Джем! – махнул рукой Пахан (видно было, что вопрос этот ему неприятен). – Получил травму в бою. Уже все в порядке.

– Был тяжело ранен в усы, – счел своим долгом добавить Кебаб.

– Горячая кукуруза! – раздался вдруг визгливый вопль, сопровождаемый каким-то механическим тарахтением. – Новый сорт! Называется – «Шмордюэль»! Так и тает во рту! Налетай!

Оглянувшись, все трое увидели Чурчхелу, управлявшую маленьким четырехколесным квадроциклом (не джацйклом, но и не джапéдом, а так – механическим недоразумением). Бабка гордо сидела за рулем, а сзади нее были закреплены две матерчатые сумки с товаром.

– Вот это прогресс! – удивился Джем.

– Ничего необычного, – сказал Кебаб. – Она подала в суд на посла Крокозябла, по вине которого на пляже появились гранаты, одна из которых оттяпала ей палец. Посол и купил

ей квадроцикл, чтобы она заткнулась.

– Но этого ей показалось мало, – продолжил Пахан. – И она написала на меня кляузу в прокуратуру, в которой говорилось о том, будто все случившееся произошло по моей вине, так как я, видите ли, не соответствую занимаемой должности ввиду проявленной мною халатности!

– Правда? – спросил Джем и рассмеялся. – Вот это бабка! Джаппурия непобедима!

– Сейчас я этой дуре покажу, как на меня кляузы писать! – сказал Пахан, вставая и отдавая знаками распоряжения своим подчиненным.

Двое полицейских подскочили к бабке. Та, увидев внезапно возникшую угрозу, попыталась резко дать газу, но не успела. Молодцы (один спереди, другой сзади) подхватили квадроцикл и подняли его вверх.

– Слезай! – крикнул один из них.

– Ни за что! – ответила Чурчхела, яростно давя на газ, отчего все четыре колеса продолжали безостановочно вращаться, а двигатель взревывал, как носорог во время совокупления с самкой. Тогда полицейские просто перевернули квадроцикл, и бабка шлепнулась на песок, немедленно придавившись сумками. Молодцы ушли вдоль по пляжу, неся механический аппарат на руках, а Чурчхела, выбравшись из-под сумок, завопила:

– Это произвол! У меня отобрали частную собственность!

– Ничего подобного, – заявил Пахан, разглаживая свои

усы. – У тебя прав на управление нет. Вот как принесешь права в полицию, покажешь их, так и заберешь свое тарахтящее ведро с штрафстоянки.

Чурчхела метнула по пляжу глазами и увидела Кебаба.

– Племянничек! – заорала она. – Хоть ты защити! Меня уронили!

– Нужно было ремнем безопасности пристегиваться, – посоветовал ей Кебаб и, быстро встав на ноги, тут же булькнул в море.

– Ремнями? – стихла бабка, размышляя. – На квадроцикле?

Она вновь оглядела пляж, но перед ней никого уже не было, потому что Джем с Паханом тоже нырнули в море иплыли, догоняя Кебаба. Лишь свистон Эндюльген крикнул ей из приливной волны:

– Эй, Чурчхела, три початка!

– Да, пожалуйста, – ответила она и бросилась к вывалившейся из сумок кукурузе.

А в это время Пахан, быстро работая руками, рассекал своими усами волны и плыл к буйкам как боевой крейсер, а Кебаб подобравшись поближе к Джем, спрашивал у последнего:

– Так этот Рубик, получается, на Земле живет?

– Жил, по-моему, – отвечал ему Джем.

– А на Гдее его кубик запатентован?

– Нет, вроде бы. Они его даже не производят. Так, поль-

зуются земными экземплярами. Этот тоже земной.

– Чудесненько. Никому его не показывай.

– Здрасьте! Я его Нелле подарил.

– Вот пусть Нелла им и пользуется. И никому не показывает. А я пока организую производство. Доходы – пополам! Идет?

– Идет! – воскликнул Джем и рассмеялся.

– Назову его кубиком Кебаба.

– Нет, – Джем весело скалил зубы. – Пусть будет «кубик-кебу́бик».

– Здорово! – воскликнул Кебаб, отплевываясь. – Вперед, Пахана догонять!

Они наперегонки поплыли к буйку, из-за которого антеннами уже торчали героические усы Пахана Родимого. А звезда Джаппурия ласково светила сверху и баловала своим теплом пловцов; Неллу, лежавшую на горячих камешках пляжа; бабу Чурчхелу, ругающуюся черными словами во все горло и по-старинке волокущую в руках сумки с товаром, а также свистонов, с аппетитом закусывающих кукурузой только что початую бутылку водки.

И все остальные жители Джаппурии радовались этим добрым и ласковым лучам. Кроме Морса, которому было все равно, куда и кому светит Джаппурия, потому что он, возбужденно сверкая воспаленными глазами, только что убил какого-то очередного чмырогло́та, вышел на третий уровень и совсем не собирался останавливаться на достигнутом. Ну,

а об истощении Премьер-министр просто не вспоминал, считая, что это недомогание осталось в прошлом и никогда больше его не посетит. Наивный джаппурский старичок...

ЭПИЛОГ

Кукарелла

Филер стоял перед дверью ипподромной ложи Генерального Вождя и грозно смотрел на двух здоровенных охранников, одетых в оранжевые робы. Надо же, они потребовали сдать на входе оружие!

– Вы знаете, кто я такой? – спросил барон.

– Да, – ответил один из громил. – Но Генеральный Вождь приказал никого с оружием не пускать. Даже тебя, шавелла Главный Военспец.

– Держите! – с презрением произнес Филер, доставая из кобуры лучевой пистолет и бросая его на стол перед охранниками.

– Так бы и сразу, – сказал второй громила.

И вдруг оба охранника подхватили Филера под руки, одним движением перевернули его вверх ногами и сильно встряхнули несколько раз.

– Клац! – сказал барон (точнее – баронские челюсти сказали).

Из карманов Филера на пол высыпались разные предметы. Среди всякой мелочи типа авторучек, серебряных шмор-

донских монет и карманного компаса, были также маленький дамский пистолетик, карманная рация и складной нож из хорошо закаленной стали.

Вернув Филера ногами на пол, охранники грубо облапали его и подвинули в сторону двери, как будто он был самым обычным плательным шкафом.

– Порядок! – сказал первый охранник, нагибаясь и поднимая с пола разбросанные предметы. – Все будет в сохранности, можешь не переживать.

Второй охранник ухмыльнулся в лицо Филеру открытой и честной улыбкой.

Барон понял, что ругаться с этими громилами бесполезно. Потому он резко вошел в ложу и с грохотом захлопнул дверь за собой. Метнув яростным взглядом по сторонам, он увидел большой круглый стол, заставленный едой и напитками. За ним с бокалом пива в руке расположился всего один человек. Это был Генеральный Вождь Кукареллы Похаре Бац.

Он представлял собой тип невзрачного тощего человека с большими ушами, завидущими глазами и загребущими руками.

В мозгу Филера тут же всплыло воспоминание о том, что в последней сводке новостей из титула Генерального Вождя Кукареллы выпало слово «республика». Это был нехороший знак, но Филер, принимая во внимание тупость нового вождя, не придал пока этому факту значения.

– Я не понял, – сказал барон стальным голосом. – Почему

меня обыскивают, как последнего преступника?

– Ах, шавелла Филер, успокойтесь, – миролюбиво сказал Похаре Бац, приветливо качнув бокалом с пивом в руке. – Ведь вы не глупее меня и потому все понимаете.

У Филера от такого сравнения вылезли глаза на лоб.

– Вы же знаете, что иначе нельзя, – продолжал Похаре Бац, ласково глядя в ошалелые глаза Филера. – Ну сколько можно убийств и всяких внутривластных переворотов? Кукарелла тонет в крови!

– Это издержки революции, – сказал Филер, приходя в себя.

– Понятное дело! – согласился с ним Похаре Бац и отхлебнул глоток пива. – Но ведь когда-то это должно закончиться? И вот я решил, что момент наступил. Больше не будет никаких казней. Вот только Рылом Втаза угрожаем – и все... Народ Кукареллы наконец заживет тихо и спокойно. Под моим мудрым руководством. Кстати, что же это вы стоите? Присаживайтесь, барон!

Филер ничего не понимал из обращенной к нему речи Генерального Вождя, которого именно он привел к власти сегодня. Что-то было явно не так!

Главный Военспец медленно подошел к отодвинутому кем-то заранее стулу, уселся на него и молча посмотрел на Главного Вождя. Даже в состоянии напряжения Филера все равно кольнуло слово «барон», произнесенное Похаре Бацем. Этим титулом на Кукарелле его еще ни разу не называ-

ли. Вспомнив о бывшей раболепной покорности заместителя Генерального Вождя, Филер вдруг понял, что перед ним сейчас сидит самый обычный спрут, до поры до времени таившийся в глубокой пещере и наконец получивший такое количество власти, которое позволит ему забыть о пище насущной на многие годы.

Он внимательно всмотрелся в лицо Генерального Вождя и совершенно неожиданно для себя встретил в ответ резкий взгляд желтых глаз. Эти глаза были какими угодно, но только не глупыми!

Филер вдруг понял, что перед ним находится некий человек-самородок, никак не отягощенный образованием, но житейски мудрый и потому очень опасный, но заранее предсказуемый. А для кого предсказуемый? Для бывшего шефа разведки самой мощной в галактике империи? Раз плюнуть...

Барон решил вести себя осторожно.

– Можно мне выпить? – спросил он.

– Конечно! – воскликнул Похаре Бац. – Хотите пива?

– Нет, спасибо, – ответил Филер. – От пива, знаете ли – ни в голове, ни в противоположном месте. Я бы выпил коньяка.

– Ха-ха-ха! – неискренне рассмеялся Генеральный Вождь. – Я смотрю, вы в совершенстве освоили язык простонародья.

Глаза его оставались холодными.

– Я освоил многие языки еще до того, как встретился с вами, – ответил Филер.

– Да-да, понимаю, – кивнул головой Похаре Бац. – Эй!

В ложу вбежала красивая секретарша, в которой барон узнал одну из бывших работниц Рылом Втаза.

– Налей барону! – приказал ей Генеральный Вождь. – Только целый бокал наколбась сразу, чтобы не звать тебя больше!

Секретарша схватила бутылку коньяка и вылила ее в одну из пустых пивных кружек, стоявших на столе, после чего придвинула ее к Филеру и тут же убежала в подсобное помещение.

Филер понял, что его мешают с грязью. Похаре Бац более месяца был заместителем Рылом Втаза, неоднократно выпивал в общей компании с бароном и потому знал, что тот пьет редко, но – рюмками, а не кружками.

– Ваш коньяк – просто аристократически-вредная привычка, – сказал Похаре Бац. – Посудите сами – зачем держать голову ясной, если дворянство живет приказами королей и императоров? Бухай – сколько хочешь. А у нас в Кукарелле монархов нет. Но некоторые высокопоставленные шавеллы бухали круглосуточно. За что и поплатились. Кто ж за них думать будет, если монарха нет, а они пьяны?

– А вы сейчас не бухаете? – спросил Филер, указывая взглядом на кружку, зажатую в руке Генерального Вождя.

– Пиво? – удивился Похаре Бац, с любовью поглядев на свой хрустальный сосуд. – Да мы, кукарелльцы, с детства к нему приучены! Сколько ни пьешь – никакого вреда от это-

го, кроме постоянной ссачки и порчи воздуха! А ум от пива не страдает, потому что оно – лучший стимулятор мозга. Пиво не засоряет сознание, позволяя мыслить философскими категориями, к которым приходят даже самые большие тупицы, выпив литров пять-семь. А еще лучше – десять!

Ипподром вдруг взревел многотысячным букетом голов.

– О! – воскликнул Похаре Бац. – Давайте посмотрим последний в истории Кукареллы Акт Коммунального Удовлетворения!

– Почему последний? – поинтересовался Филер, брезгливо отодвигая от себя кружку с коньяком.

– Потому что их не станет, – сказал Генеральный Вождь, поворачиваясь лицом к балкону.

– Что, будете тайно расстреливать? – поинтересовался Филер.

– Ну, как водится, – ответил ему откровенно Похаре Бац. – Кого-то расстреливать, кого-то вешать, а кому-то яйца отрывать. Короче – как придется. И совсем не обязательно тайно. Можно и явно. Но – без всякой ипподромной помпы.

На поле вывели человека со связанными сзади руками и заклеенным ртом. Человек, спотыкаясь, безропотно подошел к Ударнице, упал на колени и положил голову на плаху.

– Смерть предателю коммунальной революции! – взревели громкоговорители хорошо поставленным дикторским голосом. – Он затмил дело трудовых шавелл голыми задни-

цами присвоенных себе секретарш и незаконно подвел под Ударницу командора Вбубен Бея! Да здравствует Генеральный Вождь Похаре Бац, положивший конец диким вакханалиям предателя! Его секретарши будут казнены сразу же после!

Толпа оглушительно взревела.

– Женщин-то за что? – поинтересовался Филер.

– Щепки, которые летят при рубке древесины, – махнул рукой Похаре Бац. – Толпе всегда интереснее, когда казнят женщин, нежели мужчин. Казнь обнажает. Даже если не сорваны одежды... Вот я и решил дать шавеллам развлечение. Последний раз.

Филер вдруг понял одну интересную вещь. И звучала она так: свободным он отсюда не выйдет. Отчего возникла эта мысль? Неизвестно. Но она была настолько живой и правильной, что Филер отнес ее появление к своей профессиональной интуиции.

Нисколько не сомневаясь в этой интуиции, он придвинул к себе кружку с коньяком, сделал из нее приличный глоток и, зажав ее в руке, подсел к Похаре Бацу поближе.

– Что такое?! – вскричал тот, зачем-то сунув руку под стол.

– Хочу посмотреть на секретарш, – пояснил ему Филер.

– А, ну да! – отбросил подозрения в сторону Генеральный Вождь, вытаскивая руку из-под стола. – Совершенно естественное желание. Хоть для быдла, хоть для аристократа.

Мучения женщины во время казни – естественное развлечение для мужчин! А одну из секретарш Рылом Втаза я себе оставил. Ух, баловница! Заменяла целую свору. Остальных же выгнал на ипподромное поле. Жизнь, как говорится, хочет обновления. Смотрите!

Ударница пришла в движение, и Рылом Втаз отправился в свой персональный коммунальный рай, или в то место, в которое он верил. Но здесь на поле ипподрома выгнали несколько десятков женщин, и Филер почему-то не захотел туда смотреть.

– Может, хватит? – спросил он у Генерального Вождя.

– Нет, – ответил тот. – Пусть шавеллы потешатся.

– Вам не жалко этих женщин? – спросил Филер?

– Которые подставляли свои прелестные места под прежнего Генерального Вождя и под меня? – переспросил Похаре Бац. – Нисколько не жалко. Шлюха – явление неистребимое. Сколько их ни казни, они все равно откуда-то появляются. Причем – в любой точке вселенной. Почему бы не посмотреть на мучения шлюх, если их от этого нисколько не убудет?

Барон еще раз отхлебнул коньяка из пивной кружки, отдышался и спросил:

– Что вы собираетесь делать дальше?

– Вы о своей судьбе или о политике? – поинтересовался Похаре Бац, глядя на поле ипподрома.

– О том и о другом, – сказал Филер.

– Ну, – ответил Генеральный Вождь, не отвлекаясь от зре-

лица, – оба явления связаны. За вас, барон, предлагают выкуп. Пять миллионов золотых шмордонских бабосов. Один бабос весит десять граммов. Представляете, сколько это на пять миллионов? Пятьдесят тонн золота!!!

– Мне кажется, что я уже принес гораздо больше пользы Кукарелле в роли Главного Военспеца. Вы не находите? – спросил Филер.

– Не нахожу, – ответил Похаре Бац, глядя на поле ипподрома. – Этот мерзавец, Зашло Неалло, увез с собой весь золотой запас Кукареллы. Четыре тысячи тонн! И где он сейчас? В Шмордоне. Неужели вы думаете, что ваш император Шмор Тринадцатый не почистил карманы этого жулика? В жизнь не поверю!

Филер совершенно точно знал, что Первый Министр бывшей Республики Кукареллы Зашло Неалло не просто так получил убежище в Шмордонской империи. Император Шмор Тринадцатый отобрал у Неалло все золото, а взамен предоставил ему поместье лорда Думбума, бывшего командующего Звездным Флотом во Второй Джаппурской войне, который отправился согласно императорскому повелению на кааторгу пилить зубами елки, где и допилился до смерти от такого непосильного труда.

Из четырех тысяч тонн Шмор Тринадцатый оставил Зашло Неалло всего сто килограммов для кормления, плюс – призрачную надежду на возвращение к власти. Император всегда был прекрасным администратором.

– И что из этого следует? – спросил Филер, с интересом разглядывая пустую пивную бутылку. Последняя была явно легче хрустальной кружки.

– А то, – пояснил Похаре Бац, – что вы, господин барон, можете принести нам выгоду.

– Каким образом? – кратко поинтересовался барон, хлебнув коньяка.

– Очень простым. Мы вас продадим за пять миллионов золотых бабосов!

– И что вам это даст?

– Как это что? Уважение со стороны Шмордонской империи, плюс доход государству. На помидорах столько золота не зарабатываешь...

– Как же, – Филер многозначительно вздохнул.

– В смысле? – не понял его скепсиса Похаре Бац.

– Вы всегда были дураком и остались им, – спокойно констатировал Филер. – Запомните одну вещь: ваша коммунальная идея никак не уживается с капитализмом. А также с феодализмом, с рабовладельческим строем и со всеми другими проявлениями социальной деятельности человечества. Потому вы всегда останетесь врагами окружающего вас мира. И если Шмордонская империя возьмет меня как выкуп за ваше существование, то такое существование продлится недолго. Нет больше врага у любой империи, нежели коммунальное образование под ее боком... Шмордон на мою выдачу ответит вам приветом. И возможно даже выплатит деньги! Но

через несколько месяцев все равно нападет на вас! Потому что вы – возмутители спокойствия в галактике!

– Чушь вы говорите, – сказал Похаре Бац. – Я связался с Тарахтуном. Там находятся две шмордонские эскадры. Лорд Надолб уже выслал за вами крейсер. Обещал, что нашу Кукареллу никто пальцем не тронет. Лорд Надолб аристократ! Живет законами чести. И потому я ему верю.

– Законы чести работают лишь в обществе, в котором они приняты, – пояснил Филер. – Поскольку вы не дворянин – к вам они не относятся. Потому забудьте сразу о бабосах, а также о сердечном расположении Шмора Тринадцатого к вам лично и к вашей республике. Лорд Надолб получит меня, а вам ничего взамен не даст, сославшись на сложности в доставке большого количества золота.

– Не-е-е, – протянул Похаре Бац. – Людям нужно верить. Это были последние слова, произнесенные им.

На ипподромном поле сработала Ударница, и рев толпы заглушил все посторонние звуки. Потому тяжелая пивная кружка, опущенная бароном на голову Похаре Баца, никак не прозвучала. Зато эффект от ее воздействия сказался сразу. Генеральный вождь свалился с кресла и мирно закатился под стол.

Филер брезгливо отряхнул рукава, залитые коньяком, и с прагматичной целью зашел в подсобное помещение, где на маленькой табуреточке сидела секретарша, ожидавшая любого приказа.

– А? – спросила она, глядя на кружку, зажатую в руке барона.

Филер, повинувшись законам офицерской чести, существенно снизил силу удара и врезал секретарше кружкой по талии с неким элементом скупой нежности. Женщина, устало вздохнув, повалилась на пол. Барон покинул помещение, вышел в коридор и захлопнул за собой дверь.

Охранники, встав, удивленно замерли. По всей видимости, единоличное появление барона никак не вписывалось в сценарий, который был им объявлен ранее.

– Верните мои вещи! – потребовал Филер.

– А-а-а, это... а Генеральный Вождь где? – поинтересовался один из громил в оранжевой робе.

– Он диктует секретарше приказ об индустриализации, – пояснил Филер.

– И что, эта, он не может выйти? – удивился второй охранник.

– Нет, конечно, – криво усмехнулся барон. – Ведь он, диктуя приказ об индустриализации, одновременно занимается с секретаршей ее полной национализацией. Потому просил не беспокоить полчаса... Итак, где мои вещи?!

Наглый тон барона возымел свое действие, и охранники вывалили на стол вещи Филера, которые они уже считали благополучно присвоенными. Барон засунул в кобуру пистолет, рассовал по карманам остальное, включая рацию, и так, чисто невзначай, поинтересовался:

– Деньги где?

– Какие деньги? – удивились охранники хором.

– Мелочь всякая, – сказал Филер. – Серебряные монеты.

– Ничего не знаем! – опять хором ответили охранники, скосив глаза в стороны.

– Ну, ладно, – сказал Филер и быстро пошел по коридору.

Он понимал, что времени у него совсем чуть-чуть, потому что никакая пивная кружка, будь она хоть трижды хрустальной, не сможет за один раз убить сволочь, каковой является Похаре Бац! Черепа таких людей почему-то очень крепки и это, скорее всего, связано с ролью подлецов и предателей, которую обладатели таких черепов должны исполнять в нашем брэнном мире.

Уже на выходе с ипподрома Филер достал рацию и сказал в нее всего одну фразу:

– Код ноль пять – ноль семь.

– Принято, – прозвучал ответ.

Филер понял, что эвакуация с планеты всех его офицеров будет произведена быстро и качественно. Потому он, не думая больше ни о чем важном, уселся в свой бот и взмыл на нем в небо, устремляясь к истребителю «Гейзер», ждущему его на орбите Кукареллы, ставшей в одночасье такой него-степриимной.

Когда корабль уже стартовал с орбиты, дверь кабины открылась и в коридор шагнул Похаре Бац. Был он бледен и держался руками за темя. Взглянув на двух охранников, замер-

ших у стенки, Генеральный Вождь заорал:

– Ограбили! Пятьдесят тонн коммунального золота про-
срали! Убью!

И он бросился на охранников с кулаками.

КОНЕЦ